

230
2654

И. М. ПАКУЛЬ

КНИГА

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ У. С. С. Р.
1923

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Н. М. ПАКУЛЬ

Туб

КНИГА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ У.С.С.Р.
ХАРЬКОВ—1923.

ПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ
ЮЖБЮРО В. Ц. С. П. С.
В ХАРЬКОВЕ

230
2654

1225624

Р. У. П. № 1022. Тираж 5000 экз.

Книжная Библиотека
Одесского университета
им. П. П. Мачникова

ВВЕДЕНИЕ.

ИРОВОЕ книжное производство достигло в 1920 году 115.847 названий; в 1908 г. выходило свыше 75.000 названий газет и журналов. Надо думать, что стоимость годовичного книжного журнального и газетного производства превышает 1 миллиард рублей золотом. Если вдуматься в приведенные цифры, то за ними встанет бесчисленное множество авторов, редакторов, издателей, книжных торговцев, приказчиков, словолитчиков, типографов, наборщиков, бумажных и красочных фабрикантов и рабочих, разносчиков газет и пр. и пр., целиком или отчасти существующих на средства, получаемые в связи с книжным делом; к перечисленным группам лиц нужно еще прибавить немалочисленных библиотечных работников. В 1895 г. в одной лишь Германии в книжном деле (книжная торговля, библиотеки, типографии и т. п.) работало 297.741 душ (в 40.333 предприятиях). Какая-то и, вероятно, не малая доля национального дохода каждой страны тратится на содержание людей, участвующих в сложном процессе производства и распространения книг.

Книга является в настоящее время в разнообразных видах: вот книга научно-прикладного содержания, лежащая в основе деятельности инженера, врача, агронома, бухгалтера, управляющего большим торгово-промышленным предприятием или квалифицированного рабочего. Мы знаем множество книг по садоводству, огородничеству, скотоводству, разведению домашних животных, птицеводству, кролиководству, значение которых оценено в последние годы широкими массами русского народа; даже за советами по поводу приготовления пищи нередко обращаются к книге; даже за выяснением своих снов иногда обращаются к книге... Книги публицистического и профессионального содержания лежат в основе организации профессионального и политического движения. Едва научившийся разбираться во впечатлениях внешнего мира ребенок уже тянется к книге, состоящей из ярко разрисованных картинок. Но вот книга с отвлеченным научным содержанием, оторванная, повидимому, от жизни, разрабатываю-

щая в абстрактной форме, часто при помощи непонятных символов законы природы и общества, однако делающая возможным получение прикладных знаний. Уатт оказался в состоянии произвести изобретение паровой машины, только ознакомившись с открытиями профессора Глазговского университета Блэка в области теории теплоты. Научная книга освобождает человеческий ум от религиозного и социального фетишизма или, наоборот, навязывает в интересах господствующих классов подобный фетишизм; имеется книга поэтическая, дающая человеку веку знание себя самого и другого человека; книга учебная—орудие установления культурной связи и преемственности между поколениями; книга порнографическая, питающая тупое воображение разлагающихся индивидуумов и классов. Вот некоторые из многообразных ликов книги.

Уже из изложенного видно, что книга сама по себе обоюдоострое оружие. Она может содержать освобождение и закабаление, добро и зло, здоровую духовную пищу и яд. Мы не признаем благодетельности книги, которые содержат в себе, так называемые, „окультистские“ таинственные знания о несуществующих в мире вещах (таинственные силы, чертовщина), или сонники, толкующие мистическое значение снов, или книги, внушающие рабочему мысль о гармонии его интересов с интересами капиталистов и т. п. Отсюда ясно, что каждый класс общества может пользоваться и действительно пользуется книгой в своих интересах. И характер книги, ее содержание, ее элементы (пленума, материал, внешний вид) зависят от того, какой класс или какие классы преимущественно пользуются книгой.

Пусть читатель не думает, что автор преувеличивает роль книги и забывает о господстве экономики над всеми идеологическими построениями. В тесной зависимости от экономики стоит каждый фазис развития книг; экономика отражается в этих фазисах непосредственно или через преломляющую среду. Но в механизме общественной жизни книга не случайное явление, она крепко вросла в ее материю, составляет неотъемлемый элемент современной культуры. Уничтожьте книгу и попробуйте в своем воображении представить жизнь после этого: учебное дело, научную работу, технику железнодорожного строительства, электрификацию, партийную и профессиональную работу, театр, досуги и пр. и пр. Вы увидите, что все это или совершенно невозможно без книги, или должно приобрести жалкие формы эмбрионов, а ведь все это—наша культура. Кроме того, от степени экономического развития зависит распространение грамотности, а следовательно—и использование книги. Для господствующих классов было бы выгоднее всего держать трудящиеся массы в полном невежестве. Еще в XIX в. издавались законы, запрещавшие обучение грамотности лицам, имевшим менее 1000 руб. доходов. Не от доброй воли госпо-

ствующих классов зависит распространение просвещения, а от возможности или невозможности организовать общественное производство и обмен с безграмотным населением. Если для правильного функционирования капиталистического общества нужны бесчисленные инженеры, бухгалтера, счетоводы, корреспонденты, технически грамотные рабочие, то, естественно, капиталисты и их идеологи будут говорить „о пользе просвещения“, будут заботиться о распространении и поддержании грамотности и т. п.

Таким образом, совершенно не случайным является огромное количество и многоликость книги в новое время, совершенно закономерна ее скудость и односторонность в прежнее время. Существует тесная связь между ступенями общественного развития и количеством и разнообразием книг. Имеется какое-то, еще не уловленное, соотношение между интенсивностью экономической жизни, напряженностью классовой борьбы и емкостью человеческого ума к восприятиям книжных влияний. Простая, традиционная жизнь крестьянина уделяет много меньше места для книги, чем напряженная, богатая впечатлениями жизнь горожанина. В каждую историческую эпоху, очевидно, имеется какой-то объективно данный, определяемый экономической обстановкой, предел насыщения общественной среды книгой. Этот предел чертится с двух сторон: со стороны потребности в книге и со стороны наличности экономических ресурсов общества для затрат на книги; так как эти ресурсы неравномерно распределяются между разными классами общества, то, разумеется, потребление книги также носит определенный классовый характер, кладущий свой отпечаток, как на внешность, так и на содержание книги. Но и в намеченных пределах все же остается широчайшее поле для деятельности, направленной к усилению общественного потребления книги. Одним из способов усиления этого потребления является удешевление книги. Пока книги дороги, они оказываются почти совершенно недоступными подавляющему большинству населения. Таким образом, и с точки зрения теоретической, и с точки зрения практической, вопрос о доступности книги приобретает особо серьезное значение.

Приведенные соображения имеют в виду отметить разные стороны одного и того же вопроса, вопроса о социальном значении книги. Ясно, что в разные времена, в обществах разного строения это значение было неодинаково. Дальнейшие главы приводят кое-какие материалы для освещения этой стороны дела, которая вообще так мало разработана в трудах по истории книги.

ЗАЧАТКИ ПИСЬМЕННОСТИ.

КУЛЬТУРНОЕ развитие человечества на самых ранних ступенях пробуждает стремление к экономии сил, к облегчению работы памяти. Для этого люди ищут опоры во внешнем мире и устанавливают более или менее прочную связь между одними предметами или событиями, мыслями и какими-нибудь другими предметами или знаками. Эти знаки могут быть или чисто условными, или сами по себе обладать каким-нибудь сходством с объектами, подлежащими запоминанию. Еще и теперь для запоминания необходимости принести знакомому книгу, мы завязываем на платке узелок. Между узелком и книгой по существу нет никакой связи. Здесь искусственно устанавливается облегчающая запоминание связь; она же лежит в основе тех приемов, к которым очень часто прибегают первобытные народы для лучшего запоминания интересующих их явлений.

„У даяков посланные часто употребляют для памяти простые кусочки листьев“¹⁾. Глядя на кусочек листа, посланец вспоминает поручение, хотя оно не имеет ничего общего с листом. Такими же чисто условными приемами мысль одного человека передается другому. „В западной Африке, если жрец воткнет рядом с каким-нибудь плодовым деревом палку, то всякий знает, что этим „жезлом запрещения“ обозначается освященный плод, который никто не смеет сорвать“²⁾. В Англии еще в XIX в. казначейство выдавало шерифам бирки вместо квитанций об уплате поземельного налога. „Бирка представляла из себя дощечку из орешника или другого твердого дерева, на краях которой делались зарубки, обозначавшие различные суммы, в зависимости от размера и положения. Бирка расщеплялась вдоль на двое, и на обеих половинках оказывались одни и те же зарубки по

¹⁾ Шурц. История первобытной культуры. Спб. 1910, стр. 674. „Даяки“ живут на острове Борнео.

²⁾ Липперт. История культуры, Спб. 94, стр. 281.

краям; одна половинка выдавалась в качестве расписки шерифу, а другая оставлялась в казначействе“¹⁾.

Такой прием искусственного связывания несходных предметов особенно распространен для запоминания числовых понятий; весьма часто прибегают к узлам, завязываемым на веревке, причем количество узлов обозначает количество счетных единиц. Иногда в зависимости от характера узла изменяется его числовое значение: простой узел—10, два узла—20, двойной узел—100, тройной—1000 и т. д.²⁾. Шурц приводит узлы баденских пекарей, из которых одни означают вес, другие сорт муки. На том же принципе устраивались „счетные шнурки“; в Перу к основному шнурку навязывались разноцветные шнурки; узлы на них означали единицы, а цвета и формы узлов—разряды чисел (десятки, сотни и пр.). В Перу такая узловая письменность применялась для запоминания разного рода статистических данных: рождений, податей и пр. Применение шнурков не ограничивалось счетными целями; им могло придаваться иное значение: „белые шнурки обозначали серебро или мир, красные—войну и воинов, желтые—золото, зеленые—маис т. д.“³⁾ „Все государственные документы северо-американских индейцев—договоры и пр., представляли просто шнурки, на которые были нанизаны раковины. Их различали по величине и цвету раковин, а также по сочетаниям разноцветных шнурков. Индейский посол, произнося обычную вступительную формулу: „этим шнурком с раковинами я открываю ваши глаза, очищаю ваши уши“ и т. д., всегда старался обратить одновременно внимание слушателей на свои слова и на шнурок, который он держал в руках. Если его предложения принимались, то шнурок оставался в качестве документа у вождя, и сколько бы у него ни было таких шнурков, он отлично помнил, кто именно принес каждый из них и что при этом говорилось. Через известные сроки вождь собирал молодых людей, принадлежащих к его племени, показывал им эти шнурки и заставлял запоминать их значение“. (Липперт, стр. 284).

Подобного рода „письмо“ пред'являло огромные требования к памяти; некоторое облегчение достигалось образным письмом, пиктографическим. Переход к последнему можно усмотреть в тех случаях, когда между свойством шнурка или раковины устанавливается внутренняя связь, напр. белый цвет—серебро и т. п. Папуасу легче было вспомнить, что украшающие его жилище нижние челюсти свиней обозначают количество съеденных им экземпляров этих животных.

¹⁾ Кеннингэм. Рост английской промышленности и торговли. М. 1904, стр. 136.

²⁾ Булгаков, Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Спб. 89, стр. 4.

³⁾ Шурц. *op. cit.*, p. 674.

Охотник, развешивавший в своем доме черепа или рога убитых им животных, легко и с удовольствием вспоминал свои удачи. Но можно было, не оставляя самих предметов или их частей, делать только соответственные изображения. Их сходство с изображаемыми предметами значительно облегчало работу памяти, и такое образное письмо, естественно, получало широкое распространение. На поданном президенту Соединенных Штатов, известном прошении северо-американских индейцев, на котором изображено несколько озер, составлявших предмет просьбы, сами просители изображены в виде птиц, рыб, четвероногих животных—их тотемов, а их единодушье обозначено линиями, проведенными от глаза и сердца их предводителя (журавля) к глазам и сердцам других просителей. В рисунках одного дакота¹⁾, нацарапанных на плаще из буйволовой кожи, заключается история семидесяти одного года; эта своеобразная хроника племени дакотов изображает в отдельных картинах события каждого года. „Первое изображение, относящееся к зиме 1800—1801 г., состоит из 30 черных черточек и обозначает, что тридцать дакота были убиты индейцами—воронами. Следующее изображение, относящееся к следующей зиме, есть человеческая фигура, нарисованная красной краской, вся в пятнах; она обозначает, что многие, принадлежащие к племени, умерли от оспы. Затем следует подкова, которая должна напоминать о краже коня; далее—лошадь в пятнах с таким же значением и т. д.“ (Шурц, стр. 677). Для понимания описанных документов требуется предварительное знание значения всех их элементов, а основным недостатком подобной письменности является возможность многообразного истолкования ее знаков и символов, необходимость огромного количества последних.

Образные письма сев.-амер. индейцев—дакота.

В рассказе дакота имеется один условный знак, постоянно связывающийся с одним и тем же понятием—это черная черточка, постоянно обозначающая смерть одного дакота, и в таком смысле рассказа. Появление подобных повторяемых на всем протяжении знаков с точно обусловленным смыслом составляет уже прогресс в развитии письменности. Полное развитие подобной системы письма будет характеризоваться наличием для каждого понятия особого символического знака (идеографическое письмо—условное изображение понятий). Такие знаки получили название иероглифов. Их возникновение из

¹⁾ Под именем дакотов известен союз нескольких индейских племен.

охарактеризованного выше наивного образного письма можно объяснить таким образом: первоначально одни и те же предметы обозначались у определенной группы людей различно; затем усваивается однообразный прием обозначения определенных предметов (прием, скажем, самый простой из имеющихся на лицо), эти обозначения могут быть или изображениями, или символами своего объекта; постепенно эти изображения упрощаются и превращаются в схематические значки, символы.

На такой ступени развития застыла мексиканская письменность. У китайцев каждому слову соответствует особый знак („китайская грамота“), число которых превышает 50.000. Эти знаки за время своего более чем тридцатилетнего существования претерпели значительные изменения от изображений предметов до чисто условных начертаний. В древности в Китае писали лаком на бамбуке, дереве и материи, а также на камне, металле, кости и черепахе. Орудием для письма служили заостренные палочки. В III веке до Р. Х. была изобретена кисть, в I по Р. Х. бумага, и в III—тушь—новые материалы для письма. Замечательные достижения китайцев в области искусственного размножения памятников письменности не оказали влияния на средневековую Европу. Дело в том, что в Китае ксилография (вырезывание текста на доске для получения оттисков на бумаге или материи) известна с VI стол.; с X ст. здесь стали вырезывать тексты на камне и меди, а с XI ст. известен уже подвижной шрифт, который в самом Китае вошел в употребление лишь в XIX в. под влиянием европейцев.

ПИСЬМЕННОСТЬ В АССИРО-ВАВИЛОНИИ.

НЕКОТОРЫЕ сведения о древних системах письменности должны пролить свет на пути, коими шла человеческая мысль в поисках способов экономить свою энергию, упростить самовоспроизведение при помощи внешних знаков.

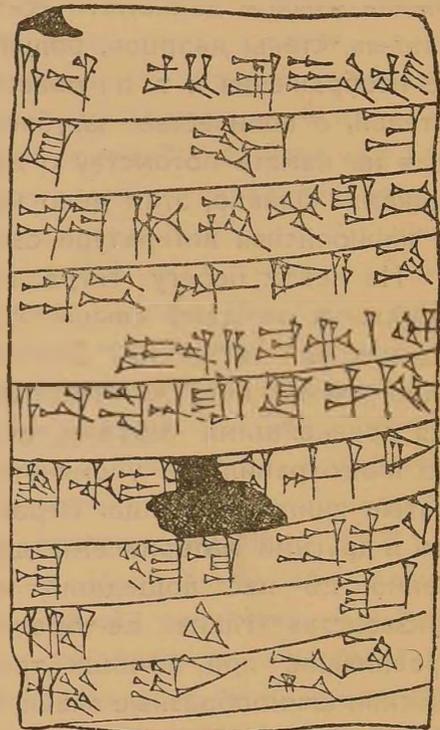
Изобретателями ассиро-вавилонской клинописи были древнейшие обитатели вавилонской территории, шумеры: это была система идеографических письмен, несомненно, развившаяся из пиктографических знаков. Различные предметы внешнего мира передавались в письме схематическими рисунками; путем остроумных сближений ими передавались и такие явления, которые сами по себе не могли быть изображены наглядно. Напр., рисунок ноги применялся для передачи понятий ходить (du) и стоять (gub), рисунок рта (ka) мог обозначать „говорить“ (gu). Знаки могли удваиваться: удвоенный рисунок ноги обозначал „ходить туда и сюда, кружить, соединяться друг с другом (lag)¹). Соединение знаков передавало новые понятия: знак рта и воды обозначал „пить“, рта и хлеба—„есть“ и т. п. Посредством штриховки (гунирование, от слова gupu — „нагруженные“) можно было усилить основное значение знака: гунированный знак понятия „ходить“ означал „бегать“. Разумеется, изображения с течением времени, как замечено, упрощаются, схематизируются, превращаются в знаки; пиктография превращается в идеографию. Невозможность передать все понятия наглядно вынуждало прибегать к омофонии, т. е. к изображению одним и тем же знаком одинаково звучащих слов (омонимов). По шумерски слова—голова и подарок—произносятся одинаково (sag), знак головы становится знаком подарка; точно также произношение слов—птица и судьба одинаково (nam), знак птицы применяется для обозначения судьбы. Такое перенесение знака одного понятия на другое, обозначаемое одинаковыми звуками, имело огромное значение в развитии письменности: знак отрывался от внешнего вида символизируемого им предмета и связывался с его звуковой оболочкой. Отсюда стало возможным применение определенных знаков для изо-

¹ См. статьи Шилейко о клинописи в энциклопед. словаре Брокгауза-Ефрона, (новое издание).

бражения звуков, слогов (фонетическое письмо) Шумеры сделали этот шаг: знак птицы (gu) стал связываться со звуком gu и вообще обозначать этот слог. Раз знак обозначает слог, то уже не нужно омофонии для начертания слов определенными знаками. Многосложные слова разлагаются на свои слоги, и каждый слог получает свое изображение, сначала из знаков односложных слов, а затем из специально придуманных. В окончательном виде данная система письменности сводится преимущественно к изображению отдельных слоговых элементов (силлабизм).

Благодаря преобладающему материалу для письма—глине—знаки принимают форму клиньев, поставленных то вертикально, то горизонтально, то в наклонном положении, то стянутых в угол. Клинья на первоначальном материале—камне—высекали сверху вниз, справа налево; по глине пишут горизонтальными строками, слева на право.

У шумеров клинопись была заимствована вавилонянами (третье тысячелетие до Р. Х.), которые говорили на семитском языке. Вавилоняне, приспособив знаки шумерской клинописи к нуждам своего языка, сохранили за ними в то же время звуковое значение, придававшееся шумерами. Напр., обозначая определенным знаком „горы“ вавилонское слово schadu (гора), вавилоняне употребляли этот-же знак для обозначения слога kur (гора по шумерски). Отсюда в ассиро-вавилонском языке образовалось два параллельных значения для одних и тех-же знаков „алфавита“: одно более древнее, другое более новое; замечательно, что в текстах разного характера применялись разные знаки: священные, религиозные тексты, магические формулы, известные только жрецам, читались при помощи шумерских обозначений; обычные, деловые документы читались в соответствии с более новым произношением. Кроме того, каждая отрасль знаний и каждая группа документов имела свои специальные обозначения, как для целых слов, так и для отдельных слогов. Понятно, какая сложная система письменности возникла благодаря этому, сколько времени она требовала для ее изучения, и какие огромные требования она предъявляла к

Письмо царя Хаммураби из собрания Петербургского Эрмитажа. Образец четкой клинописи.

памяти. Проф. Бецольд, один из лучших ориенталистов, полагает, что для полного овладения системой ассиро-вавилонской клинописи в эпоху ее расцвета (эпоха царя Ассурбанипала, VII в. до Р. Х.) необходимо было усвоить свыше 12.000 различных комбинаций. „В сравнении с тем, что требовалось в Вавилонии, даже китайское письмо представляется довольно простым“¹⁾.

Клинопись была заимствована персами, некоторыми народами Сирии, и применялась почти до христианской эры. Одно время она служила языком дипломатической переписки. Она покрывала скалы в пустынях, стены дворцов, большие каменные плиты (стелы), барельефные изображения и т. п., повествуя о громких делах знаменитых завоевателей, о количестве загубленных ими людей и городов или передавая на память потомству о мудрых законах, выработанных далекими предками. Однако, этим дело не ограничилось: до нас дошла обширная клинописная литература самого разнообразного содержания.

На левом берегу Тигра, против Мосула, в курдской деревушке Куюнджике найдено свыше 22.000 тщательно обожженных глиняных табличек или частей их. Эти таблички покрыты мельчайшей клинописью, очень часто читаемой лишь с помощью лупы; они то и являются древнейшими книгами, входившими когда-то в состав знаменитого книгохранилища упомянутого Ассурбанипала. Найдены и другие богатые книгохранилища. Вероятно, ассирияне и вавилоняне пользовались и другими материалами для письма, но все-же главный и единственно до нас дошедший материал их своеобразного книжного производства—глина. Ее брали еще в мягком состоянии, тщательно выравнивали, при помощи трехгранных деревянных палочек (стилей) наносили клинообразные знаки, покрывая последними лицевую, заднюю, а часто и узкие боковые стороны, затем уже обжигали и книга была готова. Для большей сохранности ее часто снабжали футляром, сделанным также из глины и нередко также покрытым надписями.

Бецольд дает такое описание внешнего вида ассиро-вавилонской книги: „Величина Куюнджикских таблиц колеблется между 32×22 и 2,4×2 сантиметра, при средней толщине в 2,5 сантиметра; окраска их представляет все оттенки между самым черным и ярко красным цветами. Плоская или немного вогнутая сторона табличек имеет в большинстве случаев прямоугольную форму и лишь изредка таблички похожи на подушку или по форме своей напоминают сердце или маслину. Когда требовалось разлиновать таблицу, то это делалось при помощи туго натянутого шнура, врезывавшегося в мягкую глину. Еще и поныне мы замечаем иногда отпечатки волокон шнура, равно

¹⁾ К. Бецольд—Ассирия и Вавилония. Спб. 1904, стр. 107.

как изредка и следы пальцев, державших мягкую табличку до ее обжигания. Более или менее часто встречавшиеся на табличках отверстия преследовали, сообразно своему положению и глубине, двоякую цель, либо они предназначались для того, чтобы предупредить образование пузырьков при обжигании глины, либо сквозь них продевались маленькие деревянные палочки, на которые отдельные таблички насаживались одна на другую, при чем они своими поверхностями не касались друг друга“¹⁾. Многие сочинения не вмещаются на одной плитке, они переходят на другую, третью и т. д. В начале каждой плитки, однако, стоит одно и то-же заглавие; это обыкновенно первые слова данного произведения, напр. „повествование о сотворении мира, начинающееся фразой: „во время оно то, что вверху, не носило еще названия неба“, озаглавлено: „во время оно то, что вверху“, и каждая из плиток, на которых оно начертано обозначена по порядку следования: во время оно, то что вверху № 1, во время оно то что вверху № 2 и т. д. до конца“²⁾.

Обзор содержания табличек вышеупомянуто о книгохранилища, занимающий большую часть цитированной работы Бецольда, распадается на следующие главы: историография, письма и договоры; астрология и астрономия; врачевание, заклинание демонов и ведьм; религия; легенды, поэмы и мифы; учебники клинописи... Один перечень глав говорит о богатстве и разнообразии клинописной литературы.

Эта литература была почти в исключительном обладании жрецов и лиц других специальных профессий (астрологи, врачи, судьи и т. п.), для широких масс книга была недоступна. Царь Хаммураби пишет в послесловии к сборнику законов: „Угнетенный, вовлеченный в тяжбу, пусть придет к изображению меня, царя-законодателя и заставит прочесть ему мою надпись“³⁾. Для законодателя ясно, что „угнетенный“ сам читать не умеет. Правда, в тех же законах Хаммураби неоднократно упоминаются письменные документы (см. статьи: 5, 48, 66, 150, 151, 177, 178, 179, 182, 183), но они составлялись профессионалами писцами и скреплялись заинтересованными лицами при помощи именных печатей цилиндрической формы, прокатывавшимися по еще мягкой глине или посредством отметки ногтем⁴⁾. Обычно глиняные таблички хранятся в храмах; у Ассурбанипала были специальные писцы на жалованьи, которые списывали каменные книги для его книгохранилища. Книгу держали под двойным замком—трудности самого процесса чтения и недоступности храмовых хранилищ. И не удивительно, для царей и жрецов книга являлась орудием господства над темными, суеверными и безграмотными массами.

¹⁾ Ib., p. 17.

²⁾ Г. Масперо. Ассирия. М. 1916, стр. 151.

³⁾ И. М. Волков. Законы Вавилонского царя Хаммураби. М. 1914, стр. 49.

⁴⁾ Г. Масперо. op. cit., p. 49.

ПИСЬМЕННОСТЬ В ЕГИПТЕ.

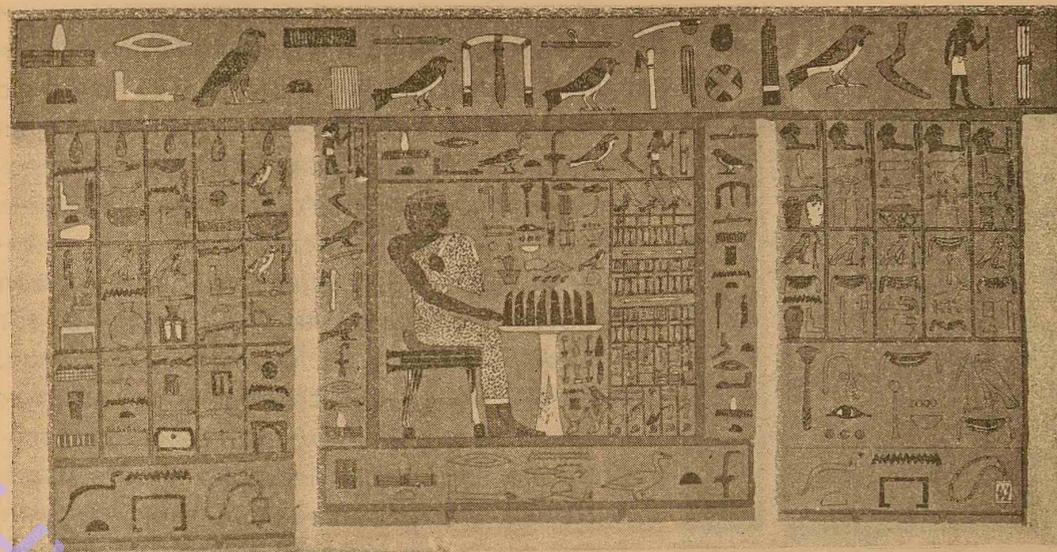

ЕГИПЕТСКАЯ письменность проделала ту-же эволюцию, как и ассиро-вавилонская. Развитие письменности в Египте также начинается с пиктографии,¹⁾ оставившей значительные следы в письменности страны в позднейшее время. Затем появляется письмо идеографическое и фонетическое. Замечательной особенностью египетской письменности является одновременное существование и применение всех этих приемов записи. Египтяне пошли дальше ассиро-вавилонян в том отношении, что они выработали алфавит из 24 букв для обозначения согласных и полугласных звуков. Буквы для гласных отсутствуют. Кроме этих букв, в египетском письме различаются еще три группы знаков: 1) около 40 знаков для различных сочетаний согласных, независимо от гласных стоящих между ними (напр. *mg*, *tm*, *vg*, *mp* и т. п., так что слоги *mpg*, *mpv*, *mpm* изображаются одним и тем-же знаком); 2) очень большое количество идеограмм, изображающие целые слова и, наконец, 3) особые знаки определителей, детерминативов, не имеющие самостоятельного значения, но указывающие к какой группе понятий данное слово относится (существительное, прилагательное, глагол и т. п.), напр. егип. слово *aha* обозначает „стоять“ и „лодка“; если нужно было употребить слово в первом значении, к его начертанию прибавляли определитель в виде двух ног, для второго значения к тому-же начертанию прибавляли рисунок лодки. Вероятно, определители первоначально были идеограммами самостоятельных понятий, а затем получили служебно-вспомогательное значение. Египетским писцом всегда владело опасение быть непонятым, поэтому он к идеографическому изображению понятия прибавлял буквенное обозначение, к буквенному обозначению—определитель и т. п., и египетское письмо в большинстве случаев—это сложное сочетание букв, идеограмм, определителей. Изучение грамоты было в Египте делом очень трудным и составляло главное содержание школьной учебы²⁾.

¹⁾ Д. Г. Брэстед. История Египта, М. 1915, т. I, стр. 46.

²⁾ Брэстед. т. I, стр. 104.

Египетской письменности было усвоено по преимуществу название иероглифов (священные письмена). В узком смысле слова иероглифами называются картинные надписи, так пестро и обильно покрывающие стены храмов, пирамид, саркофагов и пр. и пр. Здесь непрерывной лентой тянутся маленькие изображения человечков, животных, растений, предметов домашнего обихода, так что по внешнему виду не всегда можно отличить картину от литературного произведения

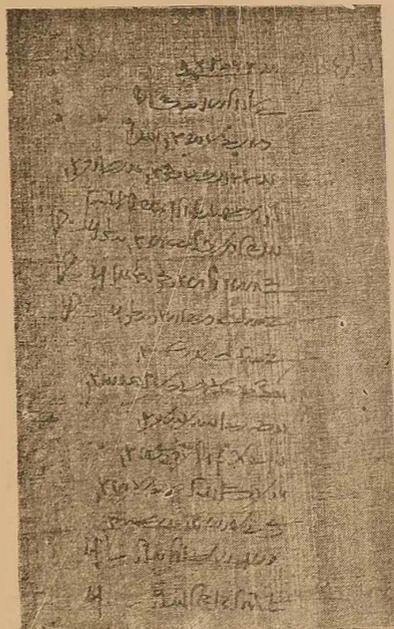
Иероглифические надписи и изображения на гробнице Рахотепа (около 2800 до Р. Хр.)

(пережиток пиктографии). Подобные иероглифы тщательно разрисовывались и имели, помимо религиозного или исторического значения, чисто декоративное. Для их нанесения на стены строений главный мастер получал оригинал данного текста, написанный иератически, этот текст, часто с пояснительными иератическими заметками передавался рисовальщику, который перерисовывал его кисточкой уже в виде иероглифов на камень, а затем каменотес врезывал их резцом в поверхность¹⁾. В рукописях, в канцеляриях и книгах, иероглифы были неудобны, так как требовали много времени для своего начертания; Поэтому выработался другой скорописный способ изображения слов—*иератический*, более упрощенный и закругленный, еще более порывавший связь с пиктографией, чем иероглифы. В позднейшую эпоху иератический шрифт подвергся дальнейшему упрощению, между прочим, путем допущения соединения нескольких соседних букв или знаков в один (лигатуры); этот шрифт получил название демотического

¹⁾ Wilhelm Spiegelberg, Arbeiter und Arbeiterbewegung im Pharaonenreich... Strassburg, 1895. S. 7.

письма; демотическое письмо употреблялось преимущественно в общественной жизни, в торговом обиходе, в канцеляриях. Эти три шрифта (иероглифы, иератический и демотический) можно сравнить с нашим печатным, рукописным и стенографическим.

В Египте появилась та форма книги, в какой она была известна всей древности—папирусный свиток. Изображения свитков на камне известны из эпохи 5 династий (середина IV тысячелетия до Р. Х.), сохранились подлинные свитки (книги мертвых) достигающие начала 2 тысячел.

Демотическое письмо.

до Р. Х. Папирус был наиболее удобным и обычным в древности материалом для письма и употреблялся для этой цели в Египте с незапамятных времен. Он приготовлялся из тростникового растения того же наименования, произрастававшего в прежние времена в болотах нильской дельты, а ныне исчезнувшего. Для приготовления бумаги ствол папируса (толщиной в руку) очищали от коры и разрезали на отдельные поленца. Затем эти поленца в свою очередь острым орудием расщеплялись на тонкие продольные полосы, ряд плотно друг к другу приложенных полос перекладывали вторым слоем таких же полос, но в перпендикулярном к первому направлению; эти два слоя склеивались составом из хорошей муки, горячей воды и небольшого количества уксуса; приготовленный таким образом папирус сжимали прессом и высушивали на солнце.

Работа производилась так тщательно, что на имеющихся образцах невозможно различить места соприкосновения отдельных полос, а склеенные ряды полос не отделяются друг от друга разрушительным действием ни времени, ни мышей, ни сырости. Высушенный папирус полировался при помощи слоновой кости или гладкой раковины для получения совершенно гладкой поверхности, лишенной каких бы то ни было неровностей и волокон. В зависимости от качества материала и обработки папирус получался разных сортов, цветов и размеров. Лучшим считался папирус хорошо отполированный, тонкий и возможно светлого цвета. Отдельные листы бывали больших размеров (напр. 16×40 сантим.), для свитков чаще употребляли листы, имевшие высоту 20—25 сантим.

Так как отдельные листы часто не вмещали содержания разного рода деловых записей, счетов или литературных произведений, то их склеивали, и таким образом после сворачивания получался свиток. Склеивание захватывало поверхность в 1—2 сантим. и делалось так искусно, что не препятствовало письму и с трудом замечается. Количество листов, входивших в состав одного свитка было разнообразно. Самый большой свиток, сохранившийся от древнего Египта, имеет 130 фут. в длину¹⁾ и составлен из 79 отдельных листов. При склеивании листов заботились, чтобы они примыкали друг к другу одинаковыми сторонами, чтобы волокна папируса шли на каждой стороне свитка или в горизонтальном, или вертикальном направлении. Писать можно было с обеих сторон папируса, но предпочитали ту, на которой строки располагались параллельно естественным волокнам, эта сторона подвергалась поэтому более тщательной полировке. Случалось и так, что сначала исписывали одну сторону, потом через некоторое время другую; иногда, выскаблив один текст, на его место записывали другой (палимпсесты).

Изготовленный из папируса письменный материал обладал значительной сохранностью, о чем говорят дошедшие до нас образцы, насчитывающие несколько тысяч лет. От былой огромной папирусной литературы до нас дошла однако ничтожная часть, случайно сохранившаяся в гробницах, в кучах сухого мусора и т. п. Что касается папирусов, бывших в употреблении, они держались не более 200—300 л. Особенно страдали края папирусов от частого употребления, а их растительный материал—от книжных червей. Против первого зла прибегали к подклейкам, против вторых—пропитывали манускрипт кедровым маслом. Главным же врагом папирусов была сырость²⁾.

Помимо папируса египтяне прибегали для письма и к другим—более дешевым или более прочным материалам, напр. к коже, которая у них была однако плохого качества и не напоминала пергамента; писали на погребальных пеленах, на холсте, на черепках сосудов, на особом рода известняке, на камне и т. п., при чем письменами покрывались самые разнообразные предметы культа и домашнего обихода (скарабеи, амулеты, статуэтки, ткани).

Писали египтяне тросточками двумя красками—черной и красной, последняя употреблялась для выделения „красных“ строк. Письменные принадлежности сохранялись в продолговатых дощечках, в которых были сделаны углубления, как для тросточек, так и для чернильниц³⁾.

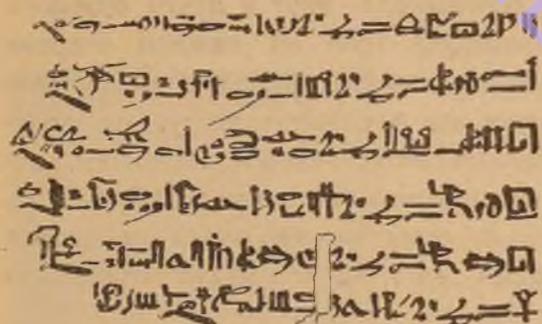
¹⁾ Папирус Гарриса в Британском Музее. См. Брэстед. II, стр. 187.

²⁾ Об изготовлении свитков подробно рассказывается в трудах по истории античной книги, которые будут названы ниже.

³⁾ См. A guide to the Egyptian collections in the British Museum. London, 1909, p. 54.

Иероглиф писца представляет дощечку, чернильницу, тростничек, связанные веревкой¹⁾. „Для разведения краски писец имел при себе еще сосудик с водой, из которого считал своим долгом сделать возлияние богам Тоту и Птаху“²⁾. Упомянутые дощечки для тростников и чернил покрывались иероглифами, сообщавшими имя их собственника, а также имя современного фараона.

В египетских свитках применяется преимущественно иератическое письмо. В хорошо выполненных рукописях писец внимательно следил за тем, чтобы строчки были равны и ложились на одинаковых расстояниях одна от другой и чтобы длина строк также была одинакова. Для того, чтобы последнее требование осуществлялось, папирус разлинейвался, благодаря чему текст манускрипта являл правильные колонки³⁾, другие папирусы, наоборот, поражают не-

Иератическое письмо. Часть берлинского папируса с гимном Амониз (уменьшено).

правильностью расположения в неравных строках⁴⁾. Некоторые рукописи украшены виньетками и иллюстрациями. В Гизехском музее имеется папирус из времен 25 дин. с золотыми орнаментами. К египетским „иллюстрированным папирусам приходится восходить, чтобы объяснить происхождение наших книг с рисунками“⁵⁾. На сатирических папирусах грубыми, но отчетливо сделанными рисунками изображены различные сцены, в которых фигурируют животные (лиса, играющая на двойной флейте перед стадом козлов; мышь на стуле за столом, кошка преподносит ей пальмовую ветвь, а другая мышь держит за ней опахало, кошка, пасущая гусей, лев и единорог, играющие в шахматы)⁶⁾. В книге мертвых изображены различные сцены из путешествия души в загробном царстве⁷⁾. В книге врат изображен известный суд Озириса над душой умершего⁸⁾. Здесь композиция и рисунки выполнены в известной египетской манере: ноги и головы человеческих фигур расположены в профиль, туловище и глаз—en face, обычная любовь к

1) Там же, стр. 55.

2) Б. А. Тураев, Египетская литература, М. 1920, стр. 33.

3) См. А guide... р. 61, 36.

4) Там же, стр. 38, 63.

5) Б. А. Тураев, Древний Египет, П. 1922, стр. 2.

6) А guide... р. 27—30.

7) Там же, р. 60, 61.

8) Там же, стр. 141.

тонким, красивым линиям и тщательно вырисованным деталям, отсутствие перспективы. Рисунки выполнены в две краски.

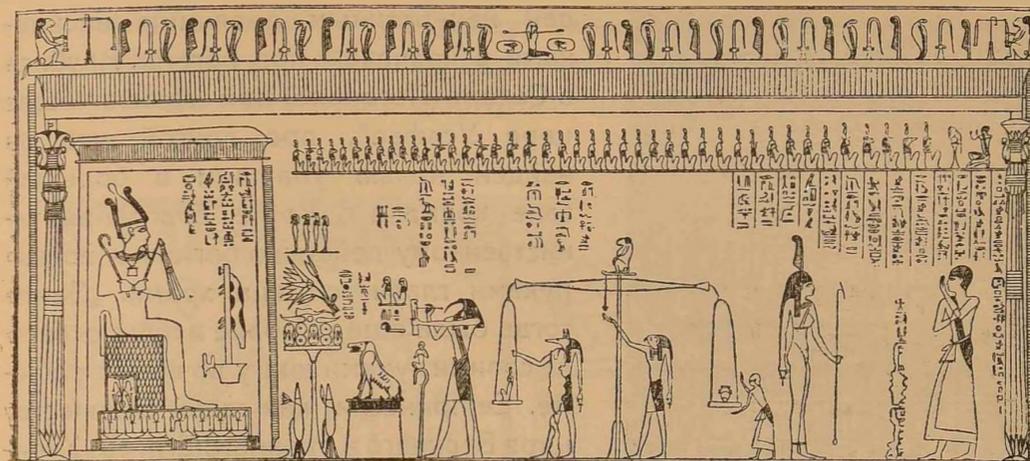

Иллюстрация к 125 главе „Книги Мертвых“. (Изображение Загробного Суда).

Б. А. Тураев („Египетская литература“, стр. 205 и примеч. на стр. 11) считает возможным говорить о футляре, в котором хранился папирус, принадлежавший Аменхотепу III, и с которого до нас дошла этикетка с ex-libris упомянутого фараона. Если ученый не ошибается, то надо признать, что в середине второго тысячелетия до Р. Х. папирусы, как и в позднейшее время хранились в футлярах, которые снабжались рисунками, указывавшими на принадлежность данного экземпляра определенному лицу.

Присматриваясь ближе к египетской книге, можно почувствовать особую социальную и идейную атмосферу, ее окружавшую. Книга выросла в Египте из нужд культа и канцелярий и в дальнейшем круг ее читателей резко ограничен средой жрецов и чиновничества, правда, многочисленного. Большая трудность приобретения искусства письма, таинственность, окружавшая молчаливые и непонятные надписи на стенах храмовых пилонов, гробниц, выгоды заинтересованных кругов (жрецов и чиновников) приводили к тому, что книга и письмо вообще обволакивались многочисленными легендами, книгу рассматривали, как нечто священное и обладавшее особенной силой.

Изобретателем письма считается Тот, бог премудрости, покровитель писцов. „Он считался автором священных книг, он вел хронику царей, записывал их имена на листьях священного дерева, он был покровителем обыкновенно украшавшихся его изображением библиотек, канцелярий, кабинетов“¹⁾. Позднее число книг, приписываемых

1) Тураев, Египетская литература, стр. 9.

Тоту молва считала сотнями и тысячами. Книги не только пишутся богом, они чудесным образом обнаруживаются людьми.

Виньетки и текст фиванской книги мертвых с папируса времен 18 династ.

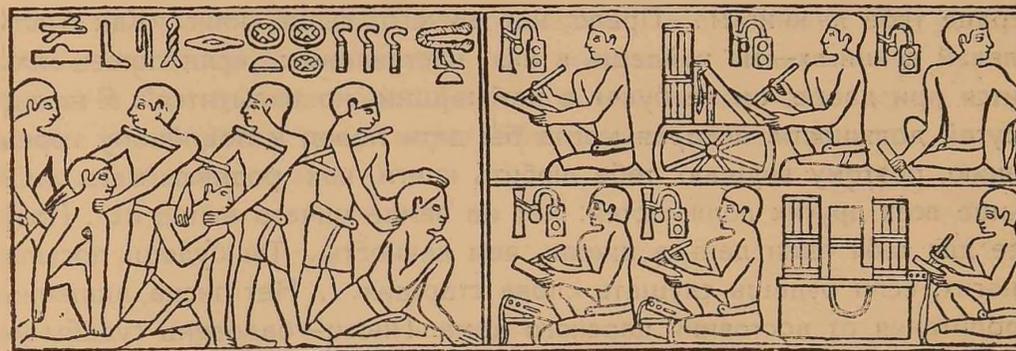
говорится: „сделай книгу так, чтобы не видел человеческий глаз—она расширяет стопы на небе, на земле, в преисподней; она полезна более

¹⁾ Там-же стр. 12.

ском рецепте говорилось, что он „найден начертанным древними письменами в ковчежке под ногами Анубиса в Сехеме (Летополе) при его величестве царе Усафасе“, про другой—что он найден ночью упавшим в большой зале храма в г. Копте, благодаря таинственному действию богини, и поднят руками главного чтеца храма. „Земля тогда была еще во мраке и луна осветила своими лучами книгу во всем ее объеме. Ее принесли, как чудо, величеству царя Верхнего и Нижнего Египта Хеопсу“¹⁾. В другом месте была найдена в храме у ног „великого бога“ Тота 64-я глава Книги Мертвых. Ксеверу от Мемфиса упала с неба книга, заключающая в себе древний план храма в Эдфу и т. д. Таким образом, в Египте берет начало представление о книгах особого чудесного, божественного происхождения (вспомним скрижали Моисея, полученные от Иеговы на г. Синае), смягчающегося потом в представлении о боговдохновенности авторов священных книг.

В Египетской литературе встречается странное на первый взгляд наименование книги „душами Ра“, пред полагают, что это наименование означает „книги магической силы бога Ра“ в них заключена особая, магическая сила, которой повинуются даже боги. Поэтому книга нужна человеку не только здесь, на земле, но и в загробной жизни. В одной египетской книге

церемоний отныне и до века“. Другой папирус так характеризует магическую силу книги: „писец ее — Тот; ее нельзя ни видеть, ни слышать, но чистый устами и молчаливый относительно имен избавится от внезапного заклятия; к нему не подойдут варвары и не увидят его“... Книга была необходимым спутником покойника в загробном мире. Она содержала в себе магические формулы, которые устраняли препятствия,

Сбор податей чиновниками сокровищницы. Справа писцы и фискальные чиновники ведут запись, в то время, как пристава, вооруженные дубинками, вводят плательщиков. Над ними стоят слова: „Схватывание градоначальников для сведения счета“. Каждый писец обозначен иероглифом.

встречающиеся на пути покойника к полям и островам блаженных. Она подсказывала ему слова, которые нужно было произносить перед Озирисом и другими богами, она указывала ему дорогу в незнакомых местах, среди многочисленных врат, пилонов и помещений, охраняемых страшными чудовищами. „Скарабей, помещенный на грудь, имел на себе текст 30 й главы Книги Мертвых, магически заставлявший сердце покойного не свидетельствовать против него на загробном суде перед Озирисом“¹⁾. Рамзес IV, „дабы отец его (Рамзес III) мог процветать среди богов и дабы сам он мог заслужить его представительство за себя перед ними... составил для погребения вместе с отошедшим фараоном список его добрых дел“. Получился „огромный свиток, длиною в 130 футов, заключающий в себе 117 вертикальных строф, высотой приблизительно в 12 дюймов каждая“²⁾. Разумеется, такой подвиг возможен был только для фараона. Такая сверхъестественная сила признавалась не только за свитками, она простиралась на письменные принадлежности. „Ни один народ, (разумеется, кроме египтян) говорит Б. А. Тураев,³⁾ не додумался до обожествления письменного прибора“.

¹⁾ „Древний Египет“, стр. 110—111.

²⁾ Брэстед, т. II, стр. 187.

³⁾ Египетская литература, стр. 16.

Такое превознесение письменности должно иметь социальные причины. Значение ее для жрецов ясно: они были авторами и переписчиками таинственных и магических книг, они были носителями обрядов, в том числе погребальных, вера в силу книг являлась отчасти основой веры в силу и необходимость самих жрецов. Для писца, чиновника письмо служило основанием карьеры. С необычайной откровенностью говорит об этом некий Дуау в надписи, составленной в форме обращения к сыну, на стенах гробницы в Абидосе: „Обрати сердце твое к книгам... Право, нет ничего выше книг. Как в воде, плавай в книгах—ты найдешь в них наставление: „если писец находится при дворе, он не будет в нем нищим, но насытится“. Я не знаю другой должности, которая могла бы дать повод к подобному изречению, поэтому внушаю тебе любить книги, как родную мать... Они выше всех других должностей: нет на земле ничего выше их.. Полезнее для тебя один день в школе, чем вечность... Ты будешь посылать многих, если будешь слушать слова старших... Нет писца, лишённого пропитания от достояния царского дома. Писец—баловень судьбы уже со дня рождения и за его карьеру благодарят бога его родители—„он направлен на путь жизни“. И вот я обращаю на это твое внимание и внимание детей твоих“¹⁾. В царских указах среди других моментов отмечается особо процесс написания документа: „писец его величества взял письменный прибор и свиток и изложил все на письме согласно словам, изреченным самим царем.“²⁾ Письму учились в школах, куда попадали дети сановников или благодаря протекции. Писец—часто крупный барин, проникнутый сознанием своего достоинства и достоинства своего сословия, об этом свидетельствуют широковетчательные надписи на стенах их гробниц и сохранившиеся статуи с их именами и титулами.³⁾ Самый огромный размер египетских свитков свидетельствовал о том, что они предназначены для профессионального употребления небольшой касты. (Dziatzko Rcalencyclopedie, Pauly—Wissowa, Bd. V., v. „Buch“).

Единственным слоем населения, помимо жрецов и чиновничества, обладателями некоторой грамотности были рабочие занимавшиеся воспроизведением иероглифических надписей и в большом количестве сосредоточенные в „городе мертвых“, Некрополисе. И как раз эти рабочие применили свои небольшие знания в области письма для защиты своих интересов; сохранились документы, в которых они предъявляют жалобы высшему начальству на неаккуратную выплату жало-

¹⁾ Б. А. Тураев. История древнего Востока I, Спб. 1913, стр. 231, ср. Египетская литература, стр. 81—82.

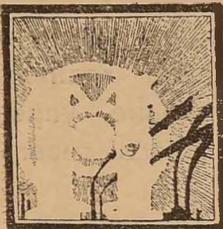
²⁾ Тураев. Египетская литература, стр. 167.

³⁾ См. A guide, стр. 69, 81, 177, 219, отдельные листы III, V, VII, XVIII.

ванья и другие злоупотребления своих главных мастеров. Но эти рабочие составляли исключение и даже их скромное умение читать и писать не было доступно рабочим больших ткацких и папирусных фабрик.¹⁾ Конечно, упомянутые рабочие не могли внести особой струи в египетскую литературу, которая и создавалась людьми определенных сословий и была рассчитана на их интересы и вкусы. Эти сословия занимали благодаря знанию письма привилегированное положение в сохранении которого они были заинтересованы. Естественно предположить, что это обстоятельство оказало свое влияние на устойчивость иероглифов, что жрецы и чиновники сознательно хранили письмо в его традиционных формах и что всякое отклонение, упрощение сложной системы иероглифического письма являлось своего рода колебанием основ.

¹⁾ См. Spiegelberg, op. cit; ср. Тураев, Древний Египет, стр. 91, 120.

А Л Ф А В И Т.

НОГОВЕКОВОЕ предание и наиболее обоснованная научная теория связывают изобретение алфавита с Финикией. Финикия лежала на пути перекрещивания великих культурных влияний древности—вавилонских и египетских. На территории соседней Палестины найдены археологические доказательства этих влияний—вавилонские цилиндры египетские скарабеи, при чем цилиндры, очевидно, местного изделия, оказываются покрытыми одновременно клинописью и иероглифами. ¹⁾ Первоначально Финикия употребляла клинопись. Развитие торгово-промышленной жизни, усиленное применение письма в деловых актах привели к выборке из египетского иероглифического материала наиболее простых знаков в количестве 22, которые и стали употребляться для обозначения всех понятий. Сравнение начертаний финикийского алфавита с египетским прототипом обнаруживает между ними большое сходство ²⁾.

Когда произошло это заимствование и каким образом финикийцы пришли к созданию своего алфавита, точно установить не возможно: древнейшие памятники их письменности (IX и X столетия до Р. Х.) ³⁾ уже применяют вполне разработанный и сложившийся алфавит. Победу именно египетского влияния над вавилонским Брэстед объясняет отчасти „удобным письменным материалом, равно как и способом письма на нем при помощи чернил. В то время, как царская депеша клинописью на глиняной таблице нередко весила восемь или десять фунтов и ее не мог носить на себе гонец, свиток папируса, с поверхностью в пятьдесят раз большей, сравнительно с таблицей, легко можно было носить за пазухой—будь то деловой документ или книга. Ввоз папируса в Финикию производился уже в XII в. до Р. Х.“ ⁴⁾.

¹⁾ Тураев. История древн. Востока, I, стр. 161.

²⁾ Некоторые ученые (Deecke, Ball, Peters и др.) выводят финикийский алфавит из клинописи.

³⁾ Надпись моабитского царя Меша, данника израильского Ахава (IX ст. до Р. Х.), открытая в 1868 г.; надпись на бронзовом кубке времени Сидонского царя Хирама (X ст. Р. Х.), найденная в 1876 г. на о. Кипре.

⁴⁾ Брэстед. История Египта, I, стр. 102; ср. II, стр. 167.

КНИГА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ. ¹⁾

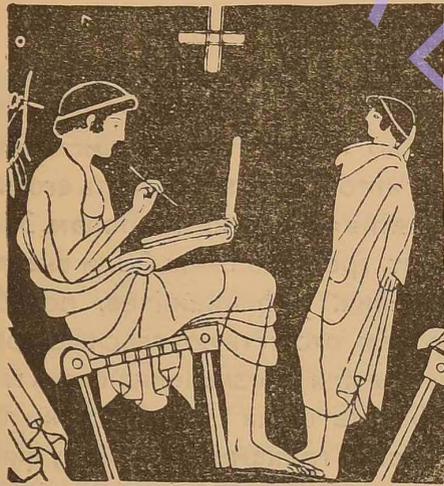
МОЖЕТ быть около X стол. до Р. Хр. греки заимствовали алфавит у финикийцев с тем, чтобы потом передать его италикам, а через два тысячелетия славянским народам. Заимствуя финикийский алфавит, греки должны были внести в него значительные изменения: у финикийцев, подобно другим семитическим народам, отсутствуют гласные, греки приспособили некоторые финикийские буквы для обозначения своих гласных, у финикийцев последней буквой алфавита была tau (T), греки продолжили алфавит и т. п. В пользу заимствования греками алфавита у финикийцев говорят следующие обстоятельства: сходство начертаний греческих и финикийских букв, наименование букв греческого алфавита (алфа, бета, гамма, дельта и т. д.) не имеет никакого значения в греческом языке, между тем, по крайней мере, 20 названий букв имеет определенное значение в северных диалектах семитских языков (бык, дом, верблюд, дверь, дыхание, колышек, забор, рука, вода, рыба и т. д.) ²⁾, подобно финикийцам греки употребляют буквы в алфавитном порядке для обозначения цифр; подобно финикийцам греки в древнейшее время писали справа налево или бороздообразно, т.-е. одну строку справа налево, а другую—слева направо. Письмо слева направо вошло у греков в общее употребление только с V стол.

В древнейшие времена у греков употребляется в качестве письменного материала кожаный свиток, Геродот определенно говорит в этом смысле об ионянах. В VI—V ст. получают широкое распространение деревянные доски и воощенные таблички. Наряду с этим применяются разного рода суррогаты: лыко, кора, листья и т. п. Навощенные таблички представляют собою небольшие гладко выстроганные доски,

¹⁾ Из обширной литературы об античной книге удалось использовать: W. Schubart, Das Buch bei den Griechen und Römern (Berlin, 1907); V. Gardthausen, Das Buchwesen im Altertum und im byzantinischen Mittelalter (Griechische Palaeographie, Bd I), Leipzig, 1911; статьи Dçiatçko в известн. словаре класс. древн. Паули—Виссова. сл. Buch, Buchhandel и др.

²⁾ Можно предположить, что названия букв произошли от наименования тех предметов, идеограммами которых они первоначально были.

одна сторона которых покрыта слоем воска. Эти таблички и по своему внешнему виду, и по назначению напоминают наши грифельные доски. Навощенная поверхность делалась несколько глубже, чем края, которые немного выдавались, так что при складывании двух табличек они соприкасались только краями. Написанное, вернее, нацарапанное на

Пишущий с восковой табличкой в левой руке и стилем в правой. По аттической вазе 5 ст. до Р. Хр.

табличке можно было стереть, сгладить и писать снова. Таблички употреблялись для черновых набросков, в школьных занятиях, для писем. Получив письмо на восковой табличке, обыкновенно по прочтении стирали текст и здесь же писали ответ. Около времени Рождества Христова школьная навощенная дощечка и стилем стояли в Оксириинхе (Египет) всего один обол (4-5 коп.¹⁾.

Из двух табличек, сложенных навощенными сторонами внутрь и прикрепленных друг к другу у одного края получалось почти вроде записной книжки (диптихон), иногда соединялось три и более табличек.

Для удобства они должны были быть небольших размеров. Для скрепления у одного края таблички сверху и снизу пробуравливались, через отверстия пропускался шнурок или проволока, которые связывались. Подобные книжечки (у римлян *rugillages*) допускали различного рода отделку и украшения и являлись отчасти предметом щегольства. Писали на дощечке заостренным с одного конца грифелем, сделанным из дерева, кости или металла (*stilus*), другой конец грифеля делался тупым, чтобы было удобно затирать написанное. Хотя до нас дошли некоторые литературные произведения, написанные на нескольких табличках, однако это все же не были книгами в собственном смысле слова.

В V ст. в Афинах уже можно было купить папирус, к его употреблению здесь привыкли. За столетие до этого появилась книга, в V стол. уже вероятно выработалась определенная техника изготовления книг. Наряду с папирусными свитками литературные произведения писались и на кожаных свитках. У римлян в древности были свитки из льняного полотна.

Для развития книжного дела в Греции и Италии большое значение имело основание библиотеки в Александрии. Библиотека, задав-

¹⁾ Цибарт Э.—Культурная жизнь древних, греческих городов М. 1916, стр. 124.

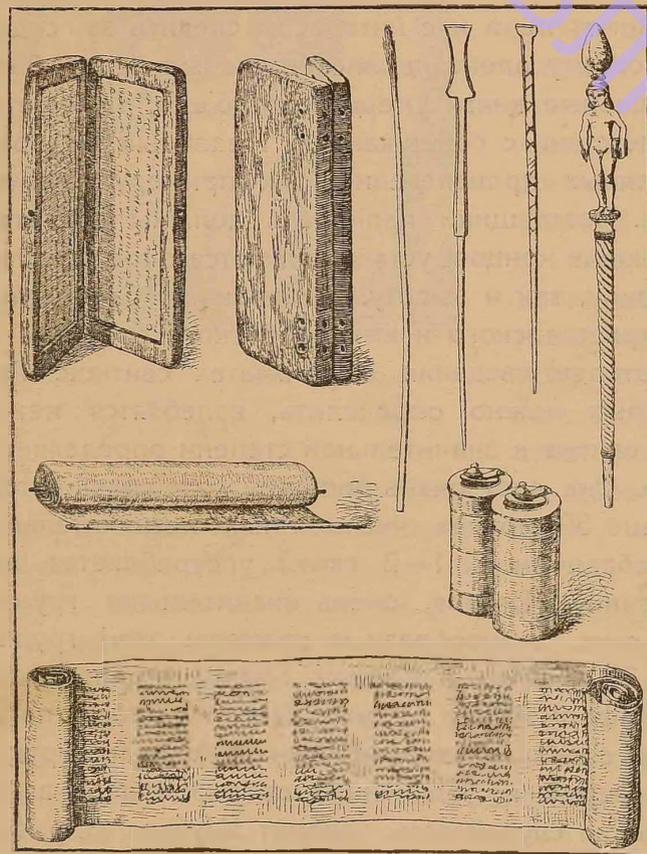
шись целью собрать огромную литературу, вынуждена была нанять большое количество переписчиков, начала предъявлять большой спрос на папирусы. Постепенно в ней и около нее вырабатывались определенные правила изготовления рукописи в интересах удобства пользования ими. Ограничивается произвол в установлении длины свитков. У греков и римлян III—II столетия и позднее книги принадлежали, в большинстве случаев, к так называемой изящной литературе, даже из областей, которые теперь относятся к строго научным, они имели притязание на широкий круг читателей и ценителей (история, философия). Объем книг поэтому рассчитывался таким образом, чтобы образованный читатель мог внимательно и с интересом следить за содержанием и овладеть им. Поэтому александрийские ученые делят большие произведения на отдельные книги умеренного объема, разумеется, не механически, а в соответствии с содержанием. Подобный же объем сохраняется ими в собственных произведениях, их примеру следуют другие писатели и ученые. Поставщики папирусов должны считаться с требованиями рынка, в конце концов, устанавливаются определенные размеры свитков, как в длину, так и высоту. Установившаяся практика имела значение для предхристианского и императорского времени.

Можно привести некоторые сведения о форматах свитков. Размеры свитков, длину которых можно определить, колеблются между 20 и 30 футами. Формат свитка в значительной степени определяется высотой отдельных листов. Она дает очень большие колебания: встречается ниже 5 сант. и выше 30, правда число таких незначительно. Высота в 30 сант. (с колебаниями в 1—2 сант.) употребляется для наиболее роскошных изданий. Вторая, очень значительная группа, колеблется между 20—30 сант., разнообразные размеры этой группы тяготеют—одни сверху—к 25, другие—к 20 сант. Группа в целом была наиболее употребительным форматом в течение всего периода папирусных свитков. Выделяется еще сравнительно немногочисленная группа в 12—15 сант.; наконец, совершенно уединенно стоит экземпляр с высотой ниже 5 сантим. „Вовсе не случайность, говорит Шубарт (стр. 51), что этот свиток карманного формата содержит мелко и красиво написанные изящные эпиграммы: такую книжечку утонченная дама могла незаметно спрятать в складках платья, если она не хотела быть застигнутой врасплох при чтении“. Едва ли можно понимать буквально сообщение Цицерона о якобы виденном им экземпляре *Иллиады*, уместяющемся в ореховой скорлупе.

Не вся поверхность свитка записывалась текстом: к этому побуждали соображения практические и требования изящества. Нужно было оставлять края, которые особенно подвергались порче. Внешний вид развернутой рукописи зависел в значительной мере от соотношения

между высотой колонок к высоте папируса и ширины колоны промежутка между ними. Оговаривая определенные пределы, можно сказать, что чем больше оставалось неиспользованного места, тем наряднее и богаче выглядел свиток (как в настоящее время книга), чем выше были колонны, чем интенсивнее заполнялась поверхность папируса, тем беднее выглядел манускрипт: действительно, колонны в более нарядных рукописях покрывают только около $\frac{3}{4}$ высоты, в менее нарядных—до $\frac{5}{6}$.

В зависимости от высоты папируса, высоты букв и расстояний между строками количество последних колебалось от 7 до 70 в одной

Записная книжка из навоощенных дощечек. Калам—тростник для письма. Стили: Свернутый свиток. Чернильница. Развернутый свиток.

колонне разных рукописей: чаще всего встречалось 20—30 строк. Стремилась, конечно, к однообразной высоте колонок в одной и той же рукописи, однако это не всегда достигалось: количество строк на протяжении одной и той же рукописи не всегда одинаково. Вид колонны зависел от длины строки, от правильного расположения их начал и окончаний на одной линии столбца, однако писец не всегда умел закончить строку в надлежащем месте, определенном на глаз или линейкой. Ширина колонн или длина строк была разнообразна: по видимому, предел составлял гексаметр (35 букв), чаще встречаются строки в 20—25 букв. Стихи, конечно, не укладываются в равномерные строки. Хотя промежутки между колоннами имели меньше значения с точки зрения красоты рукописи, чем верхний и нижний края, однако и их разнообразили в зависимости от большей или меньшей изящности издания: то эти промежутки почти исчезают, то занимают довольно большое место (половина строки).

Заглавие книги помещалось в конце или в начале, формулировалось примерно так: Эпикура о природе вещей II; это означало: вторая книга сочинения Эпикура „О природе вещей“, иногда обозначался автор и первые слова сочинения. Помещение заглавия в конце книги предохраняло его от порчи. Так как начало свитка, прежде всего, подвергалось порче вследствие частого разворачивания и ударов, то его делали более прочным при помощи наклеивания лишней папирусной полоски или делали из более прочных листов грубого качества. В целях той же охраны конца свитка и для удобства разворачивания служила наклеенная к нему деревянная или костяная палочка (umbilicus), без которой в после-александрийские времена не обходились нормально приготовленные свитки для библиотек или книжной торговли. При особо заботливом изготовлении концы палочек снабжались маленькими пластинками (сопиа) для предупреждения сдвигов отдельных завитков свитков. Нижний и верхний края свернутого свитка полировали пемзой, окрашивали, как у нас обрезы переплетов. При позднейшем хранении свитков в особых ящиках к верхнему краю в начале свитка прикрепляли кожаный лоскуток (index, titulus), продолговатой или овальной формы, на котором обозначали заглавие книги. Его можно было прочесть, не вынимая свитка из его футляра. Футляры для свитков делались или из чистого листа папируса, который оборачивали вокруг свитка, или из кожи; кожаный футляр был роскошью, его окрашивали в желтый или пурпурный цвет.

Пользование свитком отчасти ясно само по себе, отчасти изображено на многих античных статуях. Для чтения начало свитка брали в левую руку, остальной держали правой рукой, по мере чтения свиток разворачивался, перед читателем проходила колонна за колонной, левой рукой сворачивалось прочитанное, правой рукой разворачивался еще непрочитанный материал, в каждый данный момент перед глазами было небольшое поле в 2—3 колонны. Когда чтение заканчивалось, начало свитка оказывалось в середине, конец—сверху свитка. Чтобы привести его в порядок, нужно было снова свить вокруг прикрепленной к концу палочки. Для этого конец свитка удерживали подбородком, а самый свиток распускали, и затем уже начинали его свивать. Разумеется, небрежный читатель мог и не сворачивать папируса во время чтения, а давать ему свободно падать, что, конечно, приносило вред хрупкому материалу. Большим неудобством являлась необходимость во время чтения держать свиток обоими руками. Вероятно, не раз свиток сворачивался, если нужно было сделать во время чтения заметку или вообще оторваться и раздражительный читатель с досадой разыскивал то место, на котором он остановился.

Как отмечено выше, свитки делались не только из папируса, но и из кожи. Однако, с представлением о коже связывается иная форма книги, близкая к современной, носившая название кодекса (codex). Устройство в Пергаме библиотеки, конкурировавшей с Александрийской, недостаток здесь в папирусе, вывоз которого из Египта стеснялся, повели к усовершенствованию выделки кожи: тонкая, пригодная для письма, одинаковая с обеих сторон кожа получила название *пергамента* (membrana). Что касается новой книжной формы, то ее установление вызвано, повидимому, житейскими потребностями. Нужно было иметь легкий, складывающийся небольшой предмет, удобный для записей и заметок и для ношения при себе. Папирус был для этого хрупок, деревянные дощечки громоздки, обратились к пергаменту, который можно было сложить и переносить в кармане. Получалась тетрадь для заметок из кожи.

Читающий со свитком. По аттическ. вазе 5 стол. до Р. Хр.

В первом стол. до Р. Х. уже существует книга в форме кодекса. Со времени Цицерона имеется ряд свидетельств о наличии кодекса, непрерывно доходящих до того времени, к которому относятся древнейшие из сохранившихся античных кодексов. (3 стол. по Р. Хр.). Повидимому, превосходство кодекса над свитком, прежде всего, поняли деловые люди (употреблявшие их для счетов и записей) и должностные лица, которым приходилось вести протоколы или записывать отдельные акты: возможность быстро найти нужную справку или страницу была, конечно, крупным практическим преимуществом кодекса. Очень сомнительно, чтобы уже в Цицероновское время кодекс употреблялся для чисто литературных произведений: на кодексах их стали писать лишь к концу I стол. по Р. Х. Кодексом начинают пользоваться во время путешествий, когда сохранность папирусных свитков подвергалась большому риску. Во времена Марциала (конец 1 столетия по Р. Хр.) кодекс приобрел уже крупное значение для литературы, хотя и не пользуется еще равноправием.

Переходную ступень от деловых записей и собраний актов к литературным произведениям в форме кодекса составляет юридическая литература. В юридических книгах, предназначенных для ежедневного употребления судьи или адвоката, легче всего отпадали

соображения внешнего изящества, на первое место выдвигалось удобство и дешевизна. К этой форме книги очень быстро обратились юристы и наименование кодекса было усвоено таким крупным юридическим сводкам, как кодексы Феодосия и Юстиниана. Точно также из практических соображений кодексом начинают пользоваться для грамматических и лексикографических произведений, предназначенных для учебных и преподавательских целей; сочинения, чаще всего цитируемые в указанных произведениях, также стараются приобрести в форме кодекса. С появлением христианской литературы ее излюбленной формой стал кодекс: видимо имел значение особый характер настольных книг, часто читаемых и цитируемых, который приобрели христианские книги, особенно считавшиеся каноническими, благодаря этому в Египте даже из папируса стали изготовлять кодексы. Таким образом, кодекс отождествляется с новой религией, тогда как папирус до конца предпочитается для произведений языческой литературы.

В III столетии кодекс еще не вытеснил свитка, но как дешевое и удобное издание второго ранга он уже играет крупную роль: он является книгой небогатого любителя книги, бедного студента, бедного члена христианской общины, тогда как богатый коллекционер и библиотеки, а с ними и книжная торговля удерживали преимущественно форму свитка. Это различие в ранге и оценке определяет, прежде всего форму и только в подчиненной степени отношение цен папируса и пергамента. Можно даже допустить, что пергамент был несколько дороже папируса. Но так как на папирусе писали с одной стороны, а на пергаменте с двух, то одно и то же содержание требовало вдвое меньше пергамента, чем папируса, а потому папирусный свиток, в конечном счете, обходился дороже, чем пергаментный кодекс. В IV стол. обе формы книги распространены или равномерно, или с перевесом в пользу кодекса. Но затем борьба между ними быстро заканчивается победой кодекса. На мозаиках над могилой императрицы Галлы Плацидии в Равенне (V в.) фигурируют кодексы и свитки. Правда, для небольших памфлетов, стихотворений, писем и т. п., которые рассчитаны на быстрое и мимолетное чтение, еще долго, как правило, применяется свиток. Переходное время выработывало и переходные формы книг: появлялись пергаментные кодексы с текстом только на одной стороне, папирусные кодексы с текстом на обеих сторонах, кодексы, в которых за страницей папируса следует страница пергаментная.

Кодекс составлялся из отдельных тетрадей в 4—36 страниц; встречаются древние кодексы (коптские IV ст.), состоящие из одной большой тетради. Форматы кодексов были разнообразны и не поддаются никаким группировкам: имеются экземпляры в 6×4 сант., наряду с которыми фигурируют фолианты, достигающие 40 сант. в высоту.

Более постоянны были соотношения между высотой и шириной кодексов: напр., форма почти квадрата, или отношения 3:2 или 2:1. Замечено определенное соотношение между большими и маленькими форматами одной и той же эпохи: высота маленького формата соответствует ширине большого, а ширина маленького половине высоты большого, напр. 26×17 и 17×13; 20×12 и 12×10 и т. п. Разумеется, формат книги в значительной степени определяется модой, которая, однако, никогда не становится правилом, не допускающим исключений. В отличие от V столетия, характеризуемого огромными фолиантами кодексов (напр. 36×25 или 38×27 сантим.), древность предпочитала небольшие форматы. А что касается отношений высоты к ширине, то вместе с большими форматами в V стол. утверждается отношение 3:2 господствующее и в настоящее время при самых разнообразных абсолютных величинах сторон. XVIII в. любил узенькие форматы или, наоборот, приближающиеся к квадрату. Изящный кодекс Демосфена из IV века с размерами 17,5×8 сантим. вполне соответствовал вкусу XVIII века.

Заполнение страниц кодекса текстом было также разнообразно как свитка. В некоторых кодексах остаются большие, не записанные края по бокам, сверху и снизу, так что текст занимает только половину страницы (напр. 8×8 в кодексе со сторонами 14,5×12 сантим. или 10×5 в кодексе со сторонами 17,5×8 и т. п.), в других случаях пространство использовалось значительно экономнее; оставление широких полей объясняется стремлением придать рукописи изящную внешность. Кодекс во многих отношениях примыкает к свитку: две-три колонны на одной странице; сокращения, знаки препинания ставятся, как в свитках. В кодексе, больше чем в свитке значение имеет равномерность строк в одной и той же колонне текста, на эту сторону дела здесь, больше обращали внимания. Рано вырабатывается манера выносить строку, начинающую новый отдел мысли, влево, выдвигать ее за линию колонны и снабжать ее увеличенной большой буквой.

Новшеством является нумерация страниц. Правда, она не всегда имеется на лицо, не всегда перечисляются все страницы, иногда счет идет через одну страницу. Тем не менее нумерация уже пустила глубокие корни: она вполне соответствовала характеру первых пергаментных книг: ведь это были собрания актов, юридические или христианские тексты, в которых часто нужно было быстро найти соответственное место. Нумерация страниц облегчала справку и цитирование. Обычай, установившийся в этой области, легко переносится на другие отрасли литературы. Постепенно вырабатывается обычай помещать заглавие книги не в конце, как в свитках, а в начале. Конец переходит в распоряжение писца, корректора, издателя, которые пользуются свободным местом для сообщения своего имени потомству.

В александрийскую эпоху греки начали украшать свои книги рисунками и иллюстрировать текст. В папирусах имеются следы цветных инициалов и картин. Описания растений, астрономические книги поясняются соответственными изображениями, даже в красках. У римлян книги украшаются портретами автора или замечательных людей. В 50 кн. Варона „imagines“ насчитывали 700 портретов замечательных людей. Пергамент лучше приспособлен для иллюстрирования чем папирус; сохранилось много позднейших пергаментных рукописей, иллюстрации которых восходят к античным образцам. В кодексах встречается орнаментовка первой и последней страницы, а также выделение отдельных букв и целых строк красной краской.

Общение автора и публики не сразу стало совершаться при посредстве книги.

В гомеровское время при дворах царей (базилеев) постоянно встречается фигура певца, который „поет“ героические песни, рассказывает сказки и приключения. Это, разумеется, не исключало записей на шкурах животных для пользования самих певцов. Еще Геродот читал отрывки из своего сочинения на Олимпийских играх. Однако, к этому времени (V ст.) уже установился обычай писать и читать книги. Думают, что уже поэмы Гезиода были написаны (эпоха—неизвестна). Особенно противились устной передаче прозаические произведения философов и историков. Повидимому, инициативе подобного рода авторов обязана своим возникновением книга на греческой почве. Возможно предположить влияние Египта, куда греки проникали давно и где уже в VII ст. существовал настоящий греческий город (Навкратис). Ознакомление с папирусным свитком и занесение его на родину представляется вполне естественным.

В природе литературного творчества заложена потребность, испытываемая автором—поделиться своими достижениями с публикой. Эта потребность естественно приводила к чтению автором своих произведений в кругу своих друзей или единомышленников. Естественно желание последних иметь список понравившегося или признаваемого полезным произведения. Можно представить себе интерес к стихотворениям Пиндара, прославлявшего всем известных героев, или аристократических стихов Феогнида у сторонников его партии, враждебно относившихся к притязаниям демоса, или к умиротворяющим стихам Солона, призывавшего к уступкам обе партии. У каждого из друзей автора был свой круг друзей, которому представлялась возможность ознакомиться с литературной новинкой и получить ее список. Таким образом, можно представить себе распространение книг на заре греческой письменности. Платоновский Федр дает иллюстрацию распространения свитков в кругу лиц, близких к автору. Сократ встречает Федра,

вышедшего погулять под непосредственным впечатлением выслушанной им в рукописи прекрасной речи знаменитого оратора Лисия. Сократ просит Федре, также оратора, пересказать эту речь: „я уверен, говорит Сократ¹⁾, что Федр, слушал речь Лисия, не просто один раз прослушал; нет, он много раз просил повторять, а Лисий охотно соглашался на это. Но Федре и этого было мало. В конце концов, он взял с собою свиток, пересмотрел все то, что его привлекало всего более, просидел за этим делом с утра, и только тогда—клянусь собакой—оставил свиток в покое“... предположение Сократа отчасти подтверждается, оказывается, что Федр держит свиток „в левой руке под плащом“. Далее свиток прочитывается друзьями и подвергается основательной критике со стороны Сократа. Если бы Федр встретил не глубокомысленного и проницательного Сократа, а человека более поддающегося влиянию формальных красот речи, то Федр и приятель вероятно переписали бы знаменитую речь и, восхищаясь ею в среде своих приятелей, содействовали бы ее дальнейшему распространению.

Когда образуется круг читающей публики, когда на литературные произведения устанавливается определенный спрос, появляется издательство и книжная торговля. В Афинах, уже в V стол., можно было купить книгу. Повидимому, около этого времени книжная торговля стала обычным явлением. Более определенные сведения о книжной торговле древности имеются, начиная с I стол. до Р. Хр. по отношению к Риму. Известно, что в это время книжное издательство было доходным делом, известно имя Аттика, друга Цицерона и издателя его сочинения, первого издателя, которого вообще знаем. Известный исследователь экономической жизни древнего Рима, Сальвиоли, говорит: „переписывать при помощи рабов поэтические произведения любовного или сатирического характера было великолепным предприятием, в особенности, когда произведение нравилось публике: на нем можно было заработать до 100% (Mart. XIII, 3), потерять же на издательстве ничего нельзя было, даже если произведение не нравилось, так как то, что не шло в Риме, находило сбыт в провинции, которая была менее требовательна и покупала даже небрежно исполненные экземпляры (Hor. Ep. I, 20, 13; Ars p. 345)²⁾“.

Ряд имен книготорговцев и издателей называют Гораций, Марциал и друг римские поэты. В эпоху Августа славилась книжная торговля братьев Сосиев. Более или менее известны и части города, где помещалась в Риме книжная торговля.

¹⁾ См. Платон, том V, в перев. С. А. Жебелева, из Academia. Петерб. 1922 г. стр. 100.

²⁾ Капитализм в античном мире. Всеукраинск. Госуд. Изд., Харьк.-Екатер. 1922, стр. 30.

Отношения между авторами и издателями в древности мало напоминают современные. Издатель получает от автора его произведение для размножения и для продажи, вся прибыль от этого предприятия поступает в пользу издателя, авторского гонорара нет. Зато и права издателя также совершенно не обеспечены: всякое лицо, купив изданную книгу, могло ее списать в нескольких экземплярах и распродавать, как и первый издатель. Таким образом последний имел только преимущество более раннего издания, преимущество не особенно значительное в произведениях небольшого размера. Естественно, что в таких условиях тиражи изданий не могли быть большими, они едва ли превышали несколько десятков экземпляров. Книготорговец обычно знал своих покупателей и, принимая издание, может быть, рассчитывал на определенный круг лиц. По крайней мере, издатель-книготорговец мог рассылать своих рабов корректоров для исправления проданных книг к своим покупателям на дом, если автор настаивал (как это случалось иногда) на исправлении текста книги, уже поступившей в продажу.

Отсутствие специальных издательских прав делало издательство более рискованным предприятием, чем в настоящее время и служило тормазом быстрого распространения книг. Разумеется, жизнь выдвигала свои противоядия: для издательства нужны были капиталы (закупка сырья, папируса или пергамента), наличность значительного обученного персонала (переписчиков, корректоров, рисовальщиков), требовалось время для организации сложного дела, и, таким образом, перед издателем была сравнительно ясная картина возможной конкуренции в каждый данный момент в определенном месте или районе. Поэтому книги распространялись широко. Гораций имел основание говорить, что его стихи читаются как на отдаленнейших берегах Черного Моря, так и на Роне и у Эбро. Издавались не только новые, но и старые книги: издательская деятельность в императорскую эпоху развивалась в Риме, Александрии и др. больших городах на Роне (Лионе), Евфрате. Провинции, удаленные от крупных центров снабжались книгами из этих последних. Овидий, сосланный в Томи (на Дунае), жалуется на отсутствие книг. Отдельные книжные торговцы различных местностей могли стоять между собою в связи; кроме того, они сами совершали торговые путешествия или посылали своих слуг с новыми произведениями.

О распространении книги в античном мире говорят раскопки в Оксирихе (Египет). Здесь найдено большое количество папирусов. „Тут перемешаны без всякого разбора листы или целые тетради изданий Гомера, Гесиода, Пиндара, Сафо, Алкмена, Платона, Аристотеля, Фукидида, Геродота, Кратина, Аристофана, Эврипида, Софокла, Демосфена, Эхина, Исократ, Менандра, Софрона, Ксенофонта, Феоф-

раста, Феокрита, Аполиония Родосского и ценные извлечения из Ливия помимо христианских писателей¹⁾).

Широко распространенное представление об одновременной работе многочисленных переписчиков,²⁾ воспроизводящих оригинал под диктовку, не основывается ни на каких документальных данных и само по себе мало вероятно. Такой способ работы явился бы источником невероятного количества ошибок, потому что ставить особенно высоко степень образования переписчика, от которого требовался прежде всего хороший почерк, едва ли возможно. Возможно допустить его применение в исключительных случаях, когда заботились больше о скорости работы, чем о правильности текста. Между тем, совместная и одновременная работа над одним и тем же материалом является предпосылкой сколько нибудь значительного размножения. Можно представить разные способы такой работы: напр., последовательная передача от одного писца к другому нескольких проработанных и отрезанных колонн текста; когда второй также переписывает уже исполненное первым, он передает третьему, и в то же время получает продолжение от первого и т. д.

За перепиской следовала корректура. Это была более сложная работа, чем у современного корректора: нужно было проверить все экземпляры, нужно было иногда несколько десятков раз от начала до конца прочесть каждый переписанный свиток или кодекс. Естественно, что при таких условиях внимание притуплялось и ошибки не замечались. Понятно, что в самых лучших рукописях все же находятся ошибки.

Хотя книжная торговля была довольно развита в древности, однако списывание книг частными лицами было, вероятно, значительно более распространенным явлением, чем в настоящее время. У крупных богатых были достаточно грамотные рабы для осуществления переписки, у бедноты переписка являлась средством экономии. Цены на книги колебались в зависимости от объема, ходкости, изящества и пр. Марциал, например, сообщает, что 1-ая книга его стихов стоила 5 денариев, а 13-ая всего один денар. Так как объем в данном случае не имеет существенного значения, то приходится большую разницу в цене отнести на другие особенности издания, о которых, к сожалению, дальнейших подробностей неизвестно (все сочинения Марциала в Тейбнеровском издании в до-революционное время стоили 1 рубль 30 коп. золотом; денарий—около 25 коп.).

Марциал сообщает кое-какие сведения о внешнем виде книжных лавки. Помещались они в оживленной части города (форум, в императорское время vicus Sandalarius, Sigillaria). „Дверные косяки справа и слева

¹⁾ Цибарт Э. Культурная жизнь древне-греческих городов. М. 1916 г. стр. 132.

²⁾ Э. Эггер (История книги от ее появления до наших дней,—СПБ, 1888 г. стр. 18) говорит о нескольких сотнях писцов.

говорит он, совершенно исписаны, так что можно очень быстро прочесть имена всех поэтов.“ Повидимому, на дверных косяках были написаны или вывешены на особых табличках заглавия новых книг. Сами же книги (свитки) помещались внутри лавки на полках вроде того, как складываются обои, или в особых „гнездах“, сделанных из дерева или глины.

Древность знала любительство в области книжного дела, стремление приобретать и накапливать книги, погоню за редкими и старыми рукописями, особенно за подлинными рукописями знаменитых авторов. Птолемей III добился присылки выверенных старых экземпляров произведений Эсхила, Софокла, Эврипида, принадлежавших г. Афинам, под залог 15 талантов (35000 рубл. золотом) для снятия точных копий. Страсть к ценным старым книгам побудила его пожертвовать залогом и удержать в Александрии афинские экземпляры, отправив обратно вновь изготовленные копии. Несмотря на все усилия, Афины оказались не в состоянии добиться возвращения своих книг. Это любительство иногда выросло на почве серьезного интереса к книге, иногда же являлось следствием моды и давало пищу сатирикам, напр., Лукиан смеется над библиоманом, не умеющим прочесть приобретаемых книг, о древности их судит только по внешнему виду и берет себе в советники червя, портящего рукописи.

Знала древность преследование книг и за книги. В императорское время опасно было публиковать книги, содержание которых оказывалось неприемлимым с точки зрения государственной власти: в таком случае преследованию подвергались автор, издатель, владельцы книги. Однажды при Августе было конфисковано из публичных библиотек и книжных лавок 2000 экземпляров. При императоре Тиберии пострадал историк Кремуций Корд, благоприятно отзывавшийся о „последних республиканцах“—Кассие и Бруте.

В древней Греции и Риме книга жила в иной социальной обстановке, чем в старых монархиях Востока. Круг читателей не ограничивался жречеством и правительственной средой. В него входили многочисленные группы, связанные с оптиматами и их операциями (приказчики, агенты, счетоводы); создается обширный средний слой населения. Грамотность перестает быть монополией, она доступна бедняку. В Греции уже подымается вопрос относительно всеобщего и обязательного обучения. Школы были очень распространены не только в крупных центрах, но даже в мелких городах и селах¹⁾. Появляется образованная женщина. Напряженная политическая и социальная борьба, функционирование законодательных учреждений пред'являли

¹⁾ См. проф. В. Бузескул. Школьное дело у древних греков. Харьков, 1918 г.

даже к господствующим классам иные требования и заставляли серьезно заботиться о воспитании подрастающих поколений. Здесь помимо узко утилитарного отношения к грамотности, образчик которого видели в Египте, развивалось стремление к широкому образованию, стремление, которому удовлетворяли прославленные учителя, а впоследствии библиотеки, музеи и университеты. Появляется широкий слой интеллигенции, создающей и приобретающей книги. Политическая борьба вызвала устную и письменную агитацию, связанную с листовками, плакатами, памфлетами. Более сложная экономическая жизнь создавала новую литературу технического характера (напр., посвященную архитектуре, имеются между прочим специальные трактаты об устройстве библиотечных зданий, по землемерному делу, сельскому хозяйству), создается подлинно научная книга. Но вот книги по сельскому хозяйству (Катона, Варрона, Колумеллы) имеют в виду интересы среднего и крупного хозяйства, включающего несколько десятков или сотен десятин, располагающего значительным рабским трудом. Мелкое крестьянское хозяйство вне поля их зрения. В этой литературе можно встретить наставление, как интенсивнее эксплуатировать рабов; даже если к последним рекомендуется гуманное отношение, то делается это, исходя из интересов землевладельца. Однако в последнее столетие существования римской республики сильно звучала в политической литературе демократическая нота, ярко защищались интересы обезземеливаемого крестьянства. Сохранилась литература подлинная и отраженная, которая дала возможность Пельману написать обширное сочинение „История античного коммунизма и социализма“. Часто революционная и демократизирующая роль книги в древности вызывала у консервативных элементов опасения. Известно, что Платон выдвинул целый ряд психологических соображений против письменности (см. „Федр“, стр. 164 и далее). Известно, какой строгой цензуре подвергает Платон в своем идеальном государстве книгу, как узко он ограничивает самое количество допускаемых к обращению книг.

Все это говорит об иной, более широкой социальной роли, выпавшей на долю книги в античной Греции и Риме, чем в восточных государствах.

КНИГА В СРЕДНИЕ ВЕКА.

АНТИЧНАЯ книга является той основой, на которую всецело опирается книжное дело в средние века¹⁾. От нее оно заимствовало материал, форму и многие подробности, но оно не застыло в подражании унаследованным образцам, а внесло много нового, своеобразного и подготовило почву для того развития, которое испытала книга в новое время.

Начальный период средневековья знаменовал собою глубокий упадок книжного дела сравнительно со временем императорского Рима. Разложение империи, возрождение натурального хозяйства, разрыв связей между прежними центрами культурной жизни и упадок этих центров, нашествия и передвижения варваров, варваризация государственной и общественной жизни—все это не способствовало возбуждению и поддержанию интереса к книге. Фанатически настроенные христиане проповедывали борьбу с языческой литературой и культурой, чтение языческих авторов объявлялось греховным. Масса античных рукописей гибнет в эту эпоху; из экономии материала христиане вытравливают языческий текст свитков и заполняют их христианскими произведениями. Наряду с этим можно напомнить сожжение александрийской библиотеки, закрытие афинского университета.

Образованность становится монополией духовенства. Хотя еще во времена Карла Великого (VIII—IX вв.) не все священники были достаточно грамотными, тем не менее, если были грамотные люди, они встречались среди духовенства. Чтобы выполнять свои обязанности хотя бы по совершению богослужения, клирики должны были уметь читать, а вместе с тем они являлись носителями умения писать. Всякий более или менее важный барин имел своего clericus (клирик—духовное лицо) попа, который бы читал и писал для него письма, ибо светские люди считали неприличным чему либо учиться, этот взгляд на светских людей

¹⁾ Для характеристики книги в средние века удалось использовать только W. Wattenbach, —Das Schriftwesen im Mittelalter. Leipzig, 1871. К сожалению, более нового издания книги Ваттенбаха (1896 г.) не оказалось в библиотеках г. Харькова. Интересные данные в книге Clark, J. W. The Care of books. Cambridge, 1909.

разделялся клириками. Сам „покровитель пресвещения“ император Карл Великий не умел писать. Разумеется, бывали исключения и чем дальше, тем больше. Все же главным образом, духовенство заполняло должности, связанные с умением читать и писать (канцелярии). А так как духовенство нуждалось в богослужебных книгах и должно было заботиться о подготовке своих приемников, то понятно, что оно продолжало традиции книжного дела и являлось хранителем не только духовной, но отчасти и светской литературы. Одна фраза, записанная около 1170 г. ярко характеризует положение дела: *claustrum sine armario, castrum sine armentario* (монастырь без книг¹⁾, замок без оружия). Еще красноречивее Фома Кемпийский: священник без книг подобен лошади без узды, кораблю без весел, писцу без перьев, птице без крыльев...

Пергамент, прочно утвердившийся наравне с папирусом в IV ст., в дальнейшем получает все большее распространение, пока к VII ст. совершенно не вытесняет его. Дальность расстояния до Египта, засорение торговых путей, возможность на месте получить пергамент, различные преимущества этого материала обеспечили его победу. В Германии папирус вообще не был в большом употреблении. Когда здесь начали писать, обычным материалом для письма явился пергамент. Во Франции документы на папирусе известны только из времен Меровингов. Особенно долго папирус сохранялся в папских канцеляриях (еще в IX в.), а папские буллы писались на папирусе до 1022 г. систематически, случайно же и позднее. Естественно, что в месте своего производства папирус сохранился в употреблении дольше, копты писали на нем до половины XIII в.

В средние века выработка пергамента достигла большого совершенства. Разумеется, в разных странах она стояла не на одинаковой высоте. Различали итальянско-испанский пергамент от немецко-французского тем, что у первого обе стороны (внешняя и внутренняя, покрытая волосами и обращенная внутрь) были различны после окончательной обработки. Изготавливался пергамент из кож коз, баранов (Италия), телят (Германия). Наиболее тонкий, белый и гладкий пергамент получался из кожи неродившихся ягнят, благодаря своим размерам пригодный только для небольших рукописей. Вообще же средневековая книга отличалась большими размерами, типичной средневековой книгой является большой фолиант. Для его написания требовалось предварительное истребление целого стада животных.

Писание в средние века не было таким простым делом, как в настоящее время, когда можно легко приобрести бумагу желательного сорта и даже разлиненную: благочестивому писателю нередко сво-

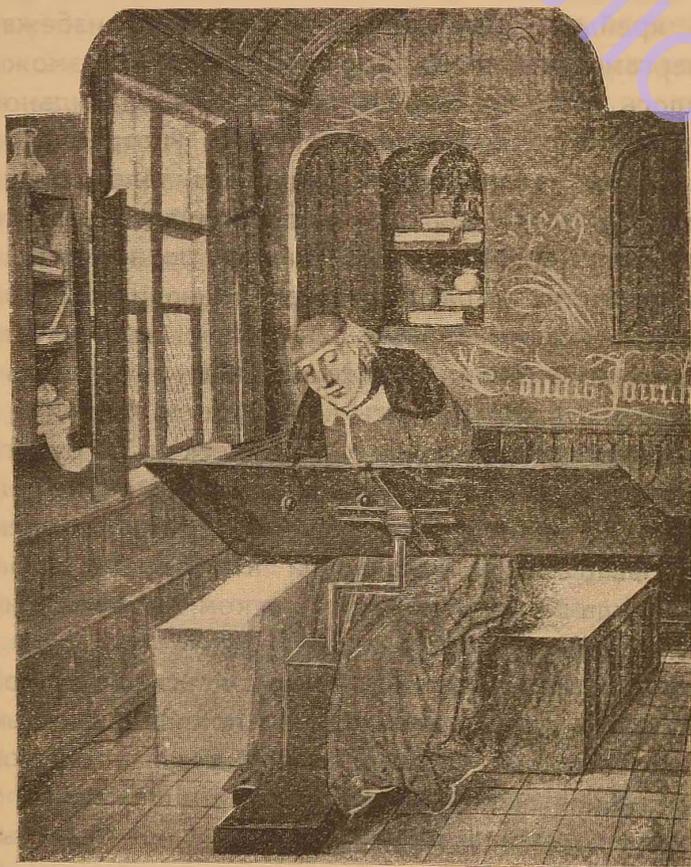
¹⁾ Вернее без «книжного склада».

ими руками приходилось изготовить себе пергамент (*propriis manibus pergamenum ac cetera necessaria elaborando ordinavit M. G., ss., 11, 172*), даже если пергамент получали изготовленным, над ним было еще много работы, прежде чем можно было приступить к писанию. Прежде всего, нужно было очистить грубо изготовленный пергамент для того, чтобы он равномерно принимал чернила. Для этого употреблялся специальный железный инструмент (*novacula sive rasorium*), приспособленный для соскабливания всяких грубых неровностей. Может быть, этот же инструмент употреблялся для удаления с рукописей старого текста при изготовлении палимпсестов. За соскабливанием следовало выглаживание или полировка пемзой (*pumex*), иногда полировке предшествовало натирание крейдой. Вообще же совершенно избежать непригодных мест на пергаменте (узлов, прорывов) было невозможно и переписчику приходилось их тщательно обходить. Для правильного расположения строк пергамент разлинеивали, для чего употреблялись циркуль (*punctorium*), линейка, карандаш или свинцовая палочка. Сначала на пергаменте, приготовленном для письма, проводили две вертикальные линии вблизи краев страницы, а уже на этих линиях откладывались правильные промежутки циркулем; затем проводились горизонтальные линии для строк. Вертикальные линии указывали начало и конец строк. На пергаменте линии выдавливались заостренным предметом (*lineal*), а на бумаге проводились карандашом. Чернила в старинных рукописях употреблялись черного или несколько бурого цвета всегда исключительно хорошего качества и поразительной сохранности, после же XIII стол. чернила часто кажутся серого или желтоватого цвета и нередко выцветают. Конечно, и в это время встречаются чудные черные чернила с металлическим блеском, вызывающим зависть современных каллиграфов.

В древности с чернилами обращались, как со всякой другой краской, их легко было смыть, поэтому необходимой принадлежностью древнего переписчика была губка, сохранившаяся в византийской практике. Средневековый переписчик счищал испорченное место и затирает его крейдой. Для сохранения чернил служили чернильницы, часто сделанные из рога, просто втыкавшиеся в отверстие пюпитра, на котором писали средневековые писцы. Для письма употреблялись, как в древности, трость (*calamus*) и перо (гусиное, *penna*): *instrumenta, sunt scribendi calamus et penna* (Исидор Севильский); кисть употреблялась для раскрашивания и золотых букв.

С самого начала своего существования христианская церковь нуждается в книгах, и, если в римскую эпоху к ее услугам были профессиональные каллиграфы, то затем ей повсюду, кроме Италии приходилось обходиться своими силами. Переписка книг стала уделом

духовенства и особенно монашества. В занятиях монахов перепиской книг усматривалось два преимущества—сосредоточение внимания самих переписчиков на вопросах религиозных и широкое распространение путем переписки учений господина. В странах новообращенных, где не было никаких школ, в монастырях сосредоточивалось обучение будущих священников и вообще церковных деятелей—чтению и письму на латинском языке и тем остаткам науки, которые не погибли еще или считались науками в окружающем варварстве; вместе с тем, монахи переписывают книги. В ирландских и английских монастырях, прежде всего, затеплилась эта своеобразная умственная жизнь. Там очень много

Писец за работой. Фландрская миниатюра 1466 г.

и красиво писали ирландские и шотландские монахи перенесли это направление на континент. Однако степень образованности шотландских монахов характеризуется крайней бесграмотностью тех заключительных надписей, которые делались ими на рукописях. Цитаты на греческом языке не переписывались, или копировались без понимания, так как никто греческого языка не знал. Рукописи были испещрены ошибками, которых некому было исправлять. Наряду с монахами фигурируют в роли переписчиков за плату безработные клирики. Правительство Карла Вел. вело усиленную борьбу с невежеством духовенства и всячески поощряло книгописание. На помощь церкви в ее книжной нужде приходили благочестивые люди, жертвуя при жизни или в завещаниях церквям и монастырям разного рода книги. Имена таких жертвователей записывались и раз в год за них, а также за переписчиков совершалось зау-

покойное богослужение. Другие обеспечивали изготовление и исправление книг в определенной церкви, передачей в ее распоряжение определенных доходов со специальным назначением.

Центром монастырской жизни было *claustrum* (крытые внутренние галлерии в монастыре). Здесь монахи держали свои книги, здесь они занимались чтением и письмом, летом и зимой. Таким образом, их занятия зависели от погоды. Один английский аббат второй половины XI в. извиняется перед своим корреспондентом за неприсылку всех просимых им сочинений Беды и в оправдание ссылается на сильный холод прошлой зимы, мешавший работать его переписчикам. Ордрик Виталь, автор первой половины XII в., заканчивает свою книгу (Церк. Истор., 4 кн.) жалобой, что он должен, отложить свою работу из-за зимы. Один монах описал неудобства указанного помещения для занятий в латинском двустишии:

*In vento minime pluvia nive scle sedere
Possumus in claustro nec scribere nec studere.*

(Мы не можем ни писать, ни заниматься в *claustro* ни в бурю, ни в дождь, ни зимою, ни летом).

Если погода позволяла, здесь совершалась энергичная работа¹⁾. Здесь же в стенной нише обычно помещались книги, которые переписчик мог взять для переписки или для справки. Однако в большинстве монастырей устраивались специальные помещения для письменных работ „писарня“ (*scriptorium*). Д. Н. Егоров описывает *scriptorium* монастыря св. Галла²⁾: „в первом этаже помещается „писарня“... в ней светло, 6 окон, 7 конторок для писцов. Посредине сидел диктатор, он читал манускрипты, 14 писцов записывали. А на втором этаже—библиотека“. В монастыре Сито шесть скрипториев, над ними также библиотека.

Переписка книг была душеспасительным и богоугодным делом.

Алкуин говорит о переписывании: это более почтенное занятие, более благодетельное для здоровья, чем работа в поле, потому что последняя приносит пользу только телу, тогда как работа переписки спасает душу. С этой работой связывались различные легенды. Шотландскому монаху Мариану вместо забытых свечей, светили 3 пальца левой руки, как светильники; для одного грешного монаха каждая буква исписанных им фолиантов погашала на том свете какой-нибудь совершенный им грех. Рука другого монаха, много переписывавшего на своем веку, после его смерти не испытала тления и долго хранилась в монастыре в качестве реликвии.

¹⁾ Ср. Clark, *The Care of books*, p. 70—71.

²⁾ См. Культурная история средних веков. М. 1918, стр. 133, (литографировано).

Каллиграфическое переписывание производилось очень медленно; если хотели ускорить работу, прибегали к распределению отдельных тетрадей кодекса между разными переписчиками: в рукописях нередко различные тетради переписаны различными почерками, в конце тетрадей иногда приходилось писать более сжато, чтобы исчерпать назначенный материал, иногда оставались незаполненные пробелы; иногда под разными листами одной и той же рукописи имеются подписи разных переписчиков. Расцвет монастырской переписки нужно отнести к IX—XIII ст. Эта работа не всегда была добровольной, к ней принуждали иногда, как к исправительной мере, своего рода эпитемии, иногда сами писцы прибегали к ней, как к спасительному занятию. Всякий под'ем монастырской дисциплины, всякий расцвет монастыря сопровождался усиленной перепиской церковных книг. Тогда письму посвящали до 5 часов в день, писали быстро, пользуясь сокращениями, опытный переписчик мог переписать евангелие в $7\frac{1}{2}$ суток (Д. Н. Егоров I. с.). В таких местах, как Гиршау или Турнэ постоянно работали под надзором и руководством монастырского начальства 12 переписчиков. Монастырские уставы обычно поощряли подобную деятельность. Занимались перепиской и монахини. И высокопоставленные церковные иерархи и светские вельможи иногда отдавали свои досуги этому благочестивому занятию. В некоторых монастырях переписывание книг долго не прекращалось после изобретения книгопечатания.

Эта работа в общем строе монастырского натурального хозяйства служила целям собственного потребления: переписанные книги пополняли монастырскую библиотеку; иногда они служили для обмена на другие книги; иногда они являлись предметом для дорогого и приятного подарка, иногда выполнялись по заказу других монастырей, духовных или светских лиц, которые не имели досуга или оригинала для выполнения переписки самостоятельно. В редких случаях энергичные аббаты развивали дело до размеров регулярного промысла, но все же не в целях торговли. Работа совершалась не торопливо, могла тянуться месяцы и годы: для переписки важен был не результат, а душевспасительное действие его работы. Средневековые переписчики имели возможность вырабатывать себе удивительно красивые почерки и создавать безупречные рукописи. Каждая буква выписывалась тщательно и по размерам не выделялась из ряда остальных. Строки были равномерны и столбцы строк на страницах являли вид правильного прямоугольника с совершенно параллельными сторонами. Для глаза, привыкшего к современному скорописному и небрежному почеркам, страница средневековой рукописи кажется печатным произведением. Даже помимо всяких украшений, подобная страница своим изяществом способна доставить большое наслаждение.

Почерки варьировались от страны к стране, в одних местах они были более круглыми, в других более заостренными, так что на рукописях лежали определенные национальные особенности. Однако, вообще можно сказать, что в начале средних веков писали ближе к закругленному латинскому шрифту, с течением времени буквы все более и более заостряют, пока не вырабатывается готический шрифт. Разумеется, не все переписчики были артистами в своем деле, многие рукописи написаны небрежно и некрасиво.

Окончание большого манускрипта было событием, которое с особым волнением переживалось переписчиком; он прибавлял от себя несколько слов в конце рукописи, иногда в прозе, часто в стихах, существовали формулы заключительных надписей, которые переходили из рукописи в рукопись; переписчики сообщали свое имя, время переписки, повод к ней, доставляя, таким образом, очень ценные для историков сведения. Иногда они просят читателя о молитве, или высказывают благочестивое пожелание; впрочем пожелания не всегда бывали благочестивыми, часто, особенно в позднейшее время, они касаются еды, вина, платья, женщин, которые будут наградой писцу за его труд. Иногда посылается проклятие по адресу того, кто вздумает похитить книгу или будет обращаться с нею небрежно.

С развитием менового хозяйства и городской жизни в Западной Европе к XIII ст. изменяется состав переписчиков и характер их работы. Переписчик работает за деньги и не в тиши монастырского скриптория, а в шумном торговом городе. Если монах пишет, то не ради „душеспасения“, а за плату. „Братья общей жизни“, *clerici de vita communi*, из переписки делают главный источник своего существования. В городах появляются профессиональные переписчики миряне, пишут не только на латинском, но и на национальных языках. Национальную литературу переписывают миряне, латинскую—монахи. С развитием университетской жизни усердными переписчиками книжной мудрости являются студенты. Для быстрого размножения рукописей ради ускорения дела прибегают к диктовке текста одновременно многим переписчикам. Переписка производится очень быстро, прежние красивые рукописи становятся редкостью; при невысоком уровне образования переписчиков книги изобилуют огромным количеством ошибок. Переписка гуманистов XIV века (Боккаччио, Петрарка) полна жалоб на плохих переписчиков. Ученым того времени приходилось самим засаживаться за переписку, чтобы получить сносную рукопись. Надо заметить, что наряду с этим XIV в. дал наиболее изящные образцы рукописей, как в смысле каллиграфии, так и украшений, главным образом во Франции и Нидерландах.

Средневековье знало разнообразные приемы украшения рукописей, отчасти унаследованные от римской эпохи. Еще в древности

окрашивали пергамент в пурпурный цвет сначала только для оборачивания свитков или для лоскутка с заглавием. В третьем столетии уже существует мода писать целые произведения золотом и серебром на выкрашенном в пурпур пергаменте. Еще сохранились образцы подобных манускриптов, хотя они не восходят ранее 6 столетия: в эту эпоху такая честь оказывалась только книгам священного писания. Подобные роскошные рукописи встречаются только до половины XII века. В Вене хранятся 2 молитвенника, писанные золотом и серебром на черном пергаменте (конец XV в.).

От античности средневековый переписчик унаследовал обычай выделять заглавия книг, первые строки текста, первые буквы абзаца красными чернилами или киноварью (rubricatio); иногда это раскрашивание делал сам писец, иногда оно выполнялось другим лицом (rubricator), для чего переписчик оставлял незаполненные места, которые в некоторых рукописях в таком виде дошли до нас. Из красных или выделенных красными штрихами букв развивается особое искусство название которого переносится (miniare—красить киноварью, miniator) на рисовальщиков миниатюр. Для разрисовывания букв употребляют не только киноварь, но также голубую краску. Инициалы выделяются все отчетливее, увеличиваются в размере, выдвигаются на поля, составляются из самых причудливых сочетаний растений, животных, рыб и их частей, произвольно удлиняются, разветвляются по полю книги, пока не покроют его целиком и не превращаются в рамку для текста.

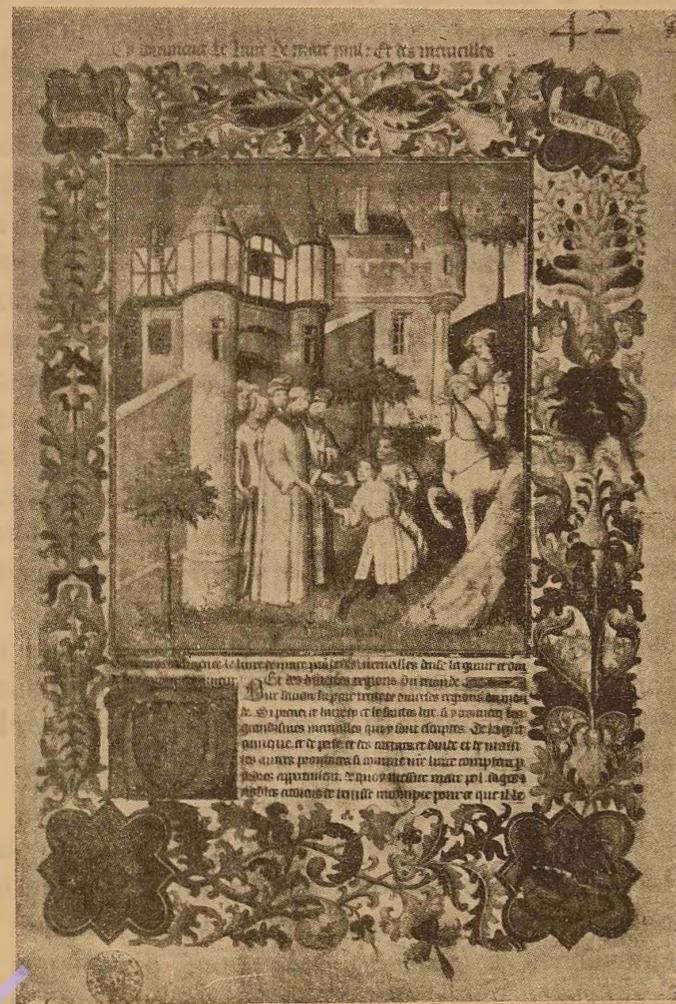
К XII столет. сами начальные буквы превращаются в рамку для картин, заполняя иногда целые страницы. Что касается иллюстраций, то они вначале немногочисленны, а с течением времени им уделяется все больше и больше страниц, иногда целиком, иногда частями. Украшение книги инициалами, орнаментом, иллюстрациями пережило длинную и сложную историю, отражая на себе все извилины и изгибы западно-европейского и даже восточного искусства; в частности иллюстрации разделяли судьбу стенной живописи, а когда с установлением готического стиля (XIII в.) живопись со стен перешла на окна, то это обстоятельство также нашло свое отражение на миниатюре: в самом деле, прежде она занимала целые страницы, теперь крупная поверхность разбивается на медальоны, ромбики, многоугольники, как и стекла в окнах готических храмов. Книжные украшения разных стран, разных местностей одной и той же страны и, разумеется, разных эпох носят свою физиономию; составляя проявления живописного искусства, иногда единственный источник для знакомства с ним в какую-нибудь темную эпоху западно-европейской истории; книжные украшения тщательно изучаются, как в специальных монографиях, так и в общих

трудах по истории искусства¹⁾. Вначале они были преимущественно орнаментального характера, затем по мере усовершенствования техники иллюстрации количественно возрастают. Национальная библиотека в Париже обладает 2 экземплярами рукописной библии, один из них содержит 5,122 иллюстрации. Каждая иллюстрация сопровождается

объяснением в две строки на латинском и французском языках; каждая строка украшена в начале и конце блестящей золотой буквой. Стоимость этих украшений, по расчетам знатоков, равняется 82,000 фр. золот. без стоимости самой книги, т. е. пергамента, переплета, переписки. Потому же расчету стоимость другой книги равна 50.000 фр. Подобная масса иллюстраций говорила о возрастающей любви к ним со стороны грамотной и неграмотной публики. Запутанные геологические трактаты и сочинения по геометрии и философии расцветивались красочным орнаментом и пышно разрисован-

ными иллюстрациями, которые в настоящее время сочли бы пригодными только для детей. Однако многие миниатюры поражают даже в воспроизведениях необычайной тонкостью, артистичностью и изяществом своего выполнения. Знатоки уверяют, что они придают украшаемым им

¹⁾ См. напр., прекрасное многотомное издание—Histoire de l'Art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours; коллективный труд под редакцией André Michel. Paris. 1905—6 г.г.

Текст с миниатюрой. Из французской рукописи XV века.

книгам (особенно Псалтирям, Часословам и другим наиболее употребительным книгам) непревзойденную красоту¹⁾.

Когда украшение книги достигло высокого развития, все дело изготовления книги потребовало сложного разделения труда. Переписчик, выбранный за свое искусство, писал текст в определенных местах страниц и благодаря однообразию почерка придавал определенный характер и связь работе; один рисовальщик разрисовывал поля, а другой набрасывал контуры начальных букв; illuminator заполнял контуры позолотой и яркими красками. Наконец, миниатюрист делал иллюстрации и рисовал изящные картины, которые придавали главную прелесть книге. Иногда эта работа выполнялась несколькими лицами, так что иллюстрации получались различного достоинства. Иллюстраторы иногда писали в послесловии свои имена, иногда оставались неизвестными. В XV в. во Франции своими иллюстрациями прославили Жан Фуке (1415-1485). В одной книге XII в. переписчик и рисовальщик оба изображены в начальной букве. Фронтиспис другой книги украшен миниатюрой, на которой изображен писец, умерший до окончания рукописи, распростертым на мгиле, его товарищ обращается к Христу с молитвой: *Suspice scriptores et eorum, Christe, labres* (Христос, прими переписчиков и их труды). Христос через ангела посылает венец блаженства.²⁾ Иллюстрирование книги производилось еще тогда, когда она была в отдельных листах, не сшитая и не переплетенная. Только после окончания переписки и украшений книга поступала в переплет, который при огромных размерах средневековых фолиантов, имел существенное значение для сохранности книги. Некоторые монастырские правила говорят о необходимости закрывать книгу уходя в церковь или к столу.

Различались переплеты простые и роскошные. Простые переплеты делались обыкновенно самими монахами или студентами, которые переписывали книги для своего употребления. Здесь главная забота заключалась в прочном сшивании отдельных тетрадей, из которых составлялась книга. Впрочем, сшивание книг в средние века вообще производилось необычайно прочно. Переплеты делались прочными, о красоте обычно заботились мало, или гибкими чтобы книги небольшого формата удобно было носить в кармане. Книги большого формата переплетались в деревянные доски толщиной от $\frac{1}{4}$ до 2 дюймов. Для роскошных переплетов требовались специальные мастера, искусство которых превосходило умение среднего монаха—переписчика.

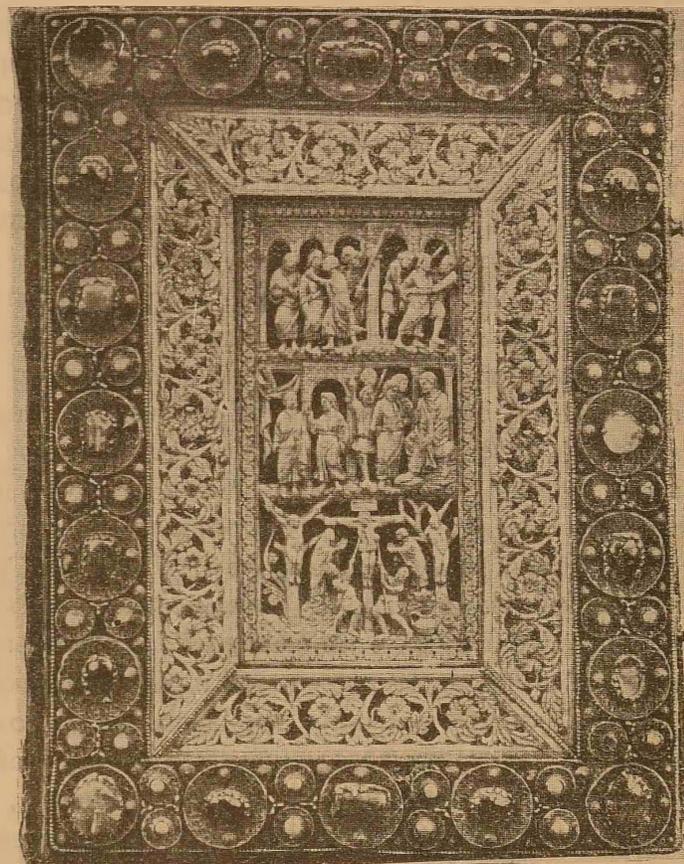
¹⁾ См. Яремич С. Миниатюры западно-европейских рукописей. (Старые Годы январь 1914 г.).

²⁾ André Michel, op. cit., т. II, ч. 1, стр. 306.

Книги без сложной орнаментации и предназначавшиеся для повседневного употребления покрывались свиной кожей, как наиболее прочной и пригодной для обтягивания досок. Покрышки и корешок украшались искусственным узором, легко наносимым на кожу согретым катком или штампом. Для богатых переплетов употреблялась телячья или козлиная кожа. Здесь делалось золотое тиснение с необычайной

тщательностью и искусством. Для защиты позолоты доски в переплете делались иногда с углублением в середине, а углы или весь край покрывались обвивались толстыми пластинками из латуни или меди; для этой же цели иногда употреблялись более толстые медные шишки в середине и менее толстые—по углам. В дешевых книгах для той же цели служили железные углы и гвозди с широкими шляпками. Чтобы переплет не коробился делались две металлические застёжки.

В конце концов такую книгу трудно было держать в руках: она была слишком тяжела. Она была полна углов и шишек, ее нельзя было класть на гладкий или полированный стол, чтобы не оцарапать. Ее нельзя было поставить из за ее наружных украшений рядом с другими книгами на полку. Она должна была лежать нижней стороной, чтобы все украшения верхней и корешка были видны. Для безопасности книги и для удобства читателя книгу держали обычно на наклонной поверхности или на локте, снабженных внизу планкой, чтобы книга не упала. Отчасти на локте или пюпитр были необходимы и для безопасности читателя. Петрарка, читая тяжеловесный том писем Цицерона, нечаянно

Переплет евангелия, украшенный слоновой костью и друг. драгоценностями (IX—X в.).

уронил книгу и так повредил себе ногу, что возникло опасение насчет ампутации... В середине века вообще делалось много разных приспособлений для удобства чтения и письма.

Разукрашенная крышка роскошной книги бывала еще более великолепна, чем ее разрисованный текст. Золотых и серебряных дел мастера, ювелиры, художники продолжали дело переплетчика и разворачивали все средства своего искусства. Книга, подаренная Карлом V. одной французской церкви была обита золотыми и серебрянными пластинками и драгоценными камнями. Благочестивая сестра Карла подарила другой церкви книгу, переплет которой блистал драгоценными камнями, а в середине был вставлен большой агат с подходящей гравюрой. Одной церкви была благочестиво поднесена книга с переплетом, покрытым пластинками слоновой кости, на которых едва-ли уместно был изображен праздник Вакха.

Страсть к обладанию богато переплетенными и иллюстрированными книгами распространилась в последние столетия средневековья среди высшей, придворной аристократии, особенно во Франции, где во главе этого движения стояли короли. Они платили бешенные деньги за изящные издания, имели придворных каллиграфов и миниатюристов, составляли большие библиотеки. Книга становилась предметом любования, а не поучения. Книга приобреталась для того, чтобы полюбоваться ее внешностью, а не содержанием. Дамы не отставали от мужчин, может быть они шли даже впереди в своем интересе к любовным песенкам трубадуров и министрелей, а скучные часы пребывания в церкви коротали рассматриванием изящных иллюстраций молитвенника.

Итак, центром книжного производства долго являлся в средние века монастырь. „Пытаясь восстановить чувства, говорит Кларк (стр. 65), какие монастырские общины питали к книгам, необходимо помнить их родительский интерес к ним. В большинстве случаев книги были написаны в том самом монастыре, в котором затем читались из поколения в поколение; а если не написаны сами, то приобретены в обмен на написанные таким образом. Действительно, если книга не была дочерью монастыря, то она приходилась ему племянницей“.

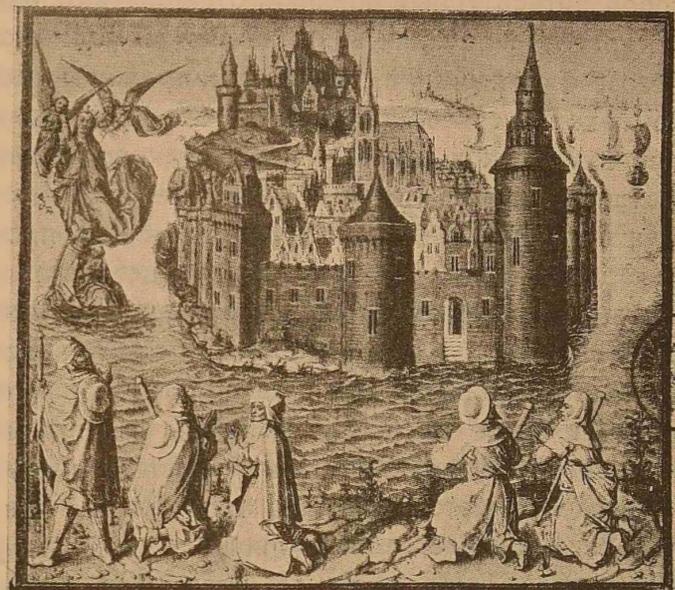
Это обстоятельство, а главным образом экономические соображения заставляли высоко ценить книгу. Монастырские правила пестрят указаниями о необходимости опрятного, бережливого и внимательного отношения к книге.

Как распространялись книги?

Книжная торговля замерла в первые столетия средневековья, кроме разве Италии, где прочнее держались культурные традиции античности. Вестготская Правда (VI в.) предусматривает продажу этого кодекса не дороже 12 солидов. Повидимому, в Италии книжная торговля сох-

ранилась в античных формах, только теперь в мастерских *notarii*, *cartularii* или *antiquarii* место рабов заняли наемники (*mercenarii*). Монастыри книгами не торговали, наоборот, иногда ссужали деньги под залог книжного имущества. Несмотря на такое положение дел средневековые манускрипты получали широкое распространение. Бернар Клервосский так говорит о книгах

ненавистного Абельяра: „Дай бог, чтобы его книги лежали в шкапах, но их читают на перекрестках, у его книг есть крылья, города и замки вместо света наполняются тьмою, ядом, вместо меда или, лучше сказать, вместе с медом; эти книги переходят от народа к народу, от одной нации к другой, из одного государства в другое¹). Даже учитывая риторические преувеличения знаменитого проповедника XII в., надо при-

D'une femme enchanter d'un enfant pelerme au mont saint michel surprinse de la mer. Redama la dier te marie. La quelle fut garde et son enfat aussi

Текст с миниатюрой. Из французской рукописи XV в.

ности широкого распространения книги в ту эпоху. Об этом свидетельствует, помимо других данных и то обстоятельство, что не раз средневековая интеллигенция (преимущественно духовенство) горячо обсуждала волновавшие ее вопросы, напр. поднятые в связи с реформами папы Григория VII и последующей борьбой императоров и пап. Это обсуждение принимало форму литературных споров, в которых принимали участие писатели отдаленных частей одной и той же страны или даже различных стран. Публицисты XI—XII в.в., очевидно, знали друг о друге, читали враждебные и дружественные произведения; очевидно, были пути, по которым рукописи переносились с места на место и проникали в далекие, глухие углы. Так как авторами упомянутых произведений (а затем и вообще средневековых произведений) были преимущественно духов-

¹ Гаусрат—Средневековые реформаторы. М. 1900. Т. I, стр. 278.

ные лица, то особенности жизни средневекового духовенства вскрывают способы литературного общения¹⁾.

Большое значение имел обычай замещать должности епископов и аббатов не местными людьми, а со стороны. Из Бамберга, например, назначали в Падерборн, Регенсбург, Кельн и Вюрцбург и т. п. Приезжавший издалека епископ, или аббат, или простой каноник привозил с собой литературные новинки; отрываясь от одного круга лиц, авторов и интересов и, попадая в другой, он их взаимно связывал. Кроме того, у него было тяготение и интерес к прежнему месту своей деятельности, и он находил способ поддержать с ним сношения, в том числе и литературные.—Между центрами средневековой литературной жизни—монастырями, существовали разнообразные связи и отношения. Родственные учреждения разбрасывались на широком пространстве, не стесняясь государственными границами, их представители собирались на съезды, по различным делам должны были посещать крупные центры, вплоть до г. Рима и т. п. В средние века был широко распространен обычай совершать путешествия, нередко за-граничные, с образовательными целями, в такие места, где имелись школы, прославленные высокой постановкой образования или ученостью преподавателей. Такие путешествия засвидетельствованы для XI—XII в.в. в Англии, Германии, Франции; они облегчались наличием международного учебного языка и достигли полного расцвета, напоминая путешествия ремесленников со времени возникновения университетов. Вообще между школами средневековья устанавливались тесные связи, они менялись своими учителями и учениками. Учеников иногда нарочно посылали за-границу или в отдаленную школу, знаменитых учителей привлекали со стороны для руководства данной школой. К тому же, надо прибавить наличие странствующих учителей и проповедников в средние века вообще большое количество интеллигентного бродячего элемента, который кто-то удачно назвал „бродячими журналистами“, ведь они были источниками всяких новостей, в том числе и литературных.

Содействуют распространению книги завязывающиеся торговые сношения. В XI ст. уже появляются купеческие корпорации по Рейну, Дунаю, через Альпы, идет живой торговый оборот, Майнц, Регенсбург, Лион, города Шампани и Италии приобретают значение не только местных рынков. Рынки же вообще устраиваются в праздники в местах большого скопления народа, преимущественно у монастырских стен. Монастырские стены дают приют многочисленным приезжим. На большие ярмарки съезжаются не только купцы, которые вместе с другими товарами могут привезти и кое-какие рукописи, интересные для

¹⁾ Mirbt, C. Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII.

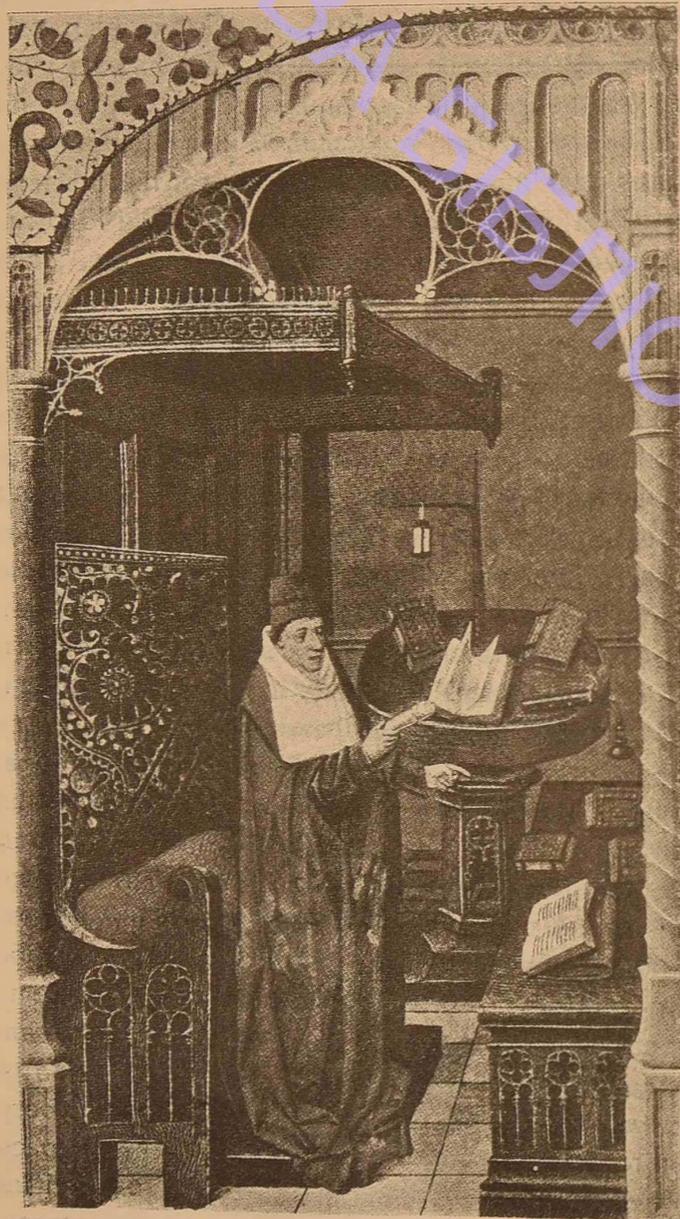
понимающих людей. Разумеется, во вторую половину средневековья уже завязывается и книжная торговля.

Своеобразные отношения в книжном деле развились в центрах ученой жизни, в высших школах Парижа, Болоньи и в позднейших учреждениях подобного рода в других странах¹⁾. Преподаватели и многочисленные, постоянно меняющиеся ученики нуждались для учебных целей в одинаковых, тщательно проверенных текстах, комментариях, руководствах и трактатах. Это приводило к регулированию переписки, продажи и выдачи для прочтения рукописей (соответственные ранние статуты в Болонье 1259, 1289 и 1334 г.г., в Париже—1275 и 1323 г.г.). По Парижским законам, имевшим значение и в других местах, книготорговцы (*stationarii* и *librarii*, жившие преимущественно *in vico s. Jacobi*) считались родственниками (*propinqui*) университета и были клятвой обязаны подчиняться распоряжениям последнего. Повидимому, они были скорее библиотекарями или розничными торговцами, чем издателями в собственном смысле слова. Чаще всего сами преподаватели ведали размножением книг, употребляемых ими для преподавания и отчасти составляемых ими самими. При этом они могли пользоваться услугами бедных студентов. Что касается последних, то они сами изготовляли для себя учебники и *stationarii* должны были иметь у себя предписанные книги и выдавать студентам за определенную плату для копирования. Плата, назначавшаяся в таких случаях, была очень низка: использование трактата о евангелии Матфея в 37 стр. стоило 1 су; св. Фомы о Метафизике—53 стр.—3 су; трактат о каноническом праве в 120 стр.—7 су, св. Фомы о душе 19 стр.—13 денье (в 1303 г.). Таким образом, можно было легче следить за чистотой текста, избегать предпечения отдельных преподавателей и предупреждать появление нежелательных учений. Если даже переписка производилась профессиональными переписчиками, учебное начальство заботилось, чтобы студенты получали свои тексты у ответственных торговцев, а не из трудно контролируемых источников. Студенты и другие лица предлагали книготорговцам для продажи использованные экземпляры, на этой почве развивается значительная посредническая торговля, также регулируемая университетскими статутами, стремящимися оградить интересы студенчества и регулировать прибыль продавца (допускалась прибыль в $1\frac{2}{3}$ — $2\frac{1}{2}$ %). Эти университетские торговцы являются предшественниками современных розничных книжных торговцев.

Университетские статуты очень стесняли книжную торговлю. К уже приведенным положениям можно добавить еще некоторые

¹⁾ См. Dziatzko, Buchhandel (в Handwörterbuch der Staatwissenschaften I, p. 746 ff.).

иллюстрации¹⁾: книготорговцы обязывались ежегодно или через год приносить клятву в том, что они будут вести себя честно, добросовестно в делах, касающихся покупки, держания и продажи книг. В

Лектор перед аудиторией. Миниатюра французской рукописи конца XV в.

переписываться правильно и продаваться в качестве правильных *bona fide*. Книгопродавец должен поклясться в их полной правильности

¹⁾ Theo L. de Vinne, The invention of printing. Lond 1877, стр. 160 сл.

1342 г. им предписывалось говорить истину просто и ясно без утайки цены и лжи — относительно книг. Книготорговец не имел права купить книгу для продажи, пока она не была выставлена в течение 5 дней в зале университета и ее приобретение было отклонено преподавателями и студентами. Цены на книги устанавливались мастерами книготорговцами, назначаемыми университетом. По попытка получить большую цену влекла за собою штраф. Прибыль книгопродавца устанавливалась в 4 денье при продаже профессору или студенту и 6 денье при продаже публике. Книготорговец не должен требовать никаких чаевых или дополнительных денег к установленной цене. Книги должны

Продающий неправильные книги должен их исправить и кроме того подвергается наказанию. Прежде, чем новая книга поступала в продажу, она представлялась ректору университета, которому принадлежало право уничтожить ее или исправить, или разрешить к продаже по установленной цене.

Последнее постановление вводит в область средневековой цензуры, которая всецело была в руках церкви или связанных с нею учреждений (инквизиция, университеты, стоявшие под особым покровительством церкви и состоявшие, в значительной степени, из духовных лиц). Если книга была предосудительного содержания, ее сжигали, автора арестовывали. Согласно римскому праву смертная казнь поражала не только автора и покупателя запрещенной книги, но и того, кто случайно находил ее, но не сжигал. В средние века особенно преследовались книги еретические, а также еврейские; в последних подозревали наличность богохульных отзывов об Иисусе и обстоятельствах его рождения¹⁾. В 435 г. Феодосий II и Валентиниан III приказали сжечь все книги несториан; другой закон грозил смертью всем, кто не выдаст сочинений манихеев. В 680 г. вестготский король Эрвиг запретил евреям читать книги, „несогласные с христианской верой“, между прочим, Талмуд. В 1210 г. парижский университет приказал сжечь сочинения Давида де-Динана, а также „Физику“ и „Метафизику“ Аристотеля. В начале XIII в. церковь запрещала мирянам иметь переводы священного писания (каноны Нирбонского собора 1229 г.), Иаков I Арагонский сжигал их. В 1348 г. в Париже было сожжено в два приема двадцать возов еврейских книг. В 1309 г. в Париже было сожжено еще 4 воза еврейских книг. Подобные же сожжения отмечаются и в других местах. В половине XIII в. Париж был взволнован проповедью миноритов, комментировавших *liber introductorius* (комментарий на творения Иохима из Фиоре). Всем хотелось иметь копии книги. По настоянию докторов университета папой была учреждена комиссия, которая осудила *liber introductorius* и наказала ее автора (Гирардо из Борго сан Доннино) на вечное заточение²⁾.

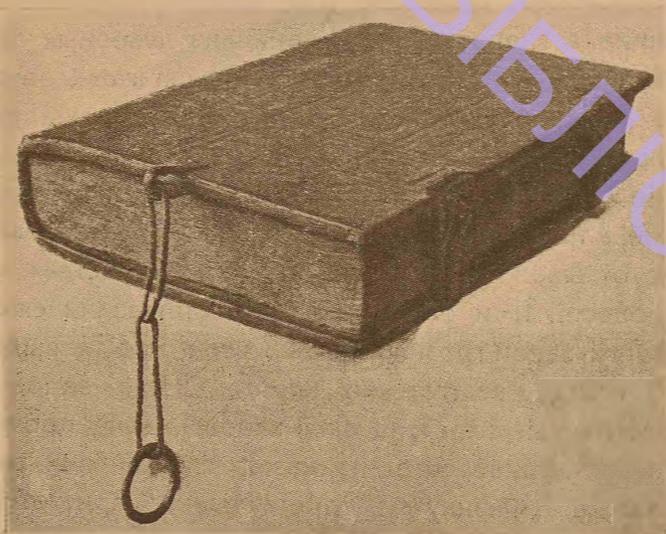
Цены на книги вообще стояли высокие, особенно дороги были разрисованные и иллюстрированные манускрипты. В XIV ст. средняя цена тома из большой библиотеки считалась в 450 фр., в 1231 г. средняя цена каждого тома из 300, имевшихся в Регенсбурге равнялась 600 фр. В сравнении с переплетом и иллюстрациями переписка стоила недорого. В XIV ст. переписка библии (без пергамента, переплета и украшений)

¹⁾ Многочисленные иллюстрации в книгах Г. Ч. Ли—История инквизиции в средние века, I—II Спб. 1911—1912 г.

²⁾ Гаустрат—Средневековые реформаторы, т. II, стр. 229.

в Болонье стоила 80 болонских ливров. В XV ст. цена переписки понижалась, тогда как стоимость переплета и украшений подымалась. Дороговизна книг приводила к тому, что в книгохранилищах книги держали на цепях.

Только с XIII ст. появляются книги на народных языках, только с этого времени книги начинают говорить языком понятным широким

Книга на цепи.

массам о предметах им доступных. В прежнее время такие книги — редкое исключение. Только с этого времени книга выходит за стены церквей, монастырей и замков и появляется на столе у горожанина. Круг читателей все еще очень ограничен, церковь борется против его расширения, высокие цены на книги кладут ему резкий предел.

Книга на народном языке проникнута определенным классовым настроением: она рисует благородство, смелость, самоотверженность, верность рыцаря, его любовь к прекрасной даме, его любовные радости и страдания. О крестьянах здесь говорится, что „сам бог ненавидит крестьян и обрек их потому на всяческие страдания, что и Иисус Христос не пускает их в рай, не желая жить вместе с ними¹⁾. Латинская книга—это богословский или философский трактат, если не житие святого, хроника или священное писание. В одном отношении книга начинает освободительную борьбу: горожанин находит в ней орудие против церковного самодержавия, создается веселая новелла, подвергающая осмеянию старомодное духовенство, появляется политический трактат, защищающий право государства против притязаний церкви.

Овсянников, А.—Французская революции в песнях современников. 2-е изд. М. 1922 г. стр. 99.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ. КНИГА В НОВОЕ ВРЕМЯ¹⁾.

ЕЛОВЕЧЕСТВУ издавна были известны способы замены письма механическим оттиском, дававшим возможность один и тот же текст получать в большом количестве экземпляров. Еще в древнем Египте и Вавилоне были известны вырезанные печати, которые прикладывались к разным актам, такую же роль замены росписки исполняли перстни. О книгопечатании в Китае упоминалось, оно не имело значения для развития соответственного искусства в Европе. Непосредственно книгопечатание можно выводить из приемов тиснения на материях определенных рисунков, приемов известных в древности и в средние века. На деревянную доску наносился подлежащий тиснению рисунок, этот рисунок тщательно вырезывался ножом, остальная масса удалялась, получавшееся рельефное изображение покрывалось краской и прикладывалось к материи, на которой затем оставался оттиск рисунка. Заменяя материю бумагой, можно было получать эстамп или текст. Такой способ получения изображений и текстов действительно практиковался и носит название ксилографии (ксилос—дерево).

Наиболее ранними произведениями ксилографии были игральные карты и изображения святых. Употребление игровых карт в Европе известно с XIII ст. После воспроизведения отдельных листов ксилография стала применяться к печатанию целых, правда, небольших книг. Первоначально на пути развития ксилографии стояли чисто технические препятствия: плохие краски, плохие ножи. Эти препятствия однако быстро преодолеваются и граверы (резчики по дереву) до известной степени воровским способом, скрывая подлинный характер своей работы, наполняют рынок все большим и большим количеством своих произведений. Тяжелый и дорогой пергамент, толстая и хрупкая хлопковая бумага заменяются льняной, производство которой быстро распространяется в Европе с того времени, когда ношение нижнего белья входит

¹⁾Theo. L. de Vinne, The invention of printing. London 1877. Bouchot, H. Le livre d'illustration, la reliure Paris 1886. Meisner H. und Luther I. Die Erfindung der Buchdruckerkunst. Bielfeld u Leipzig 1900.

в обычай и дает возможность иметь в большом количестве необходимые для производства бумаги тряпки. В период 1350—1400 гг. бумажные мельницы быстро покрывают Западную Европу.

Самым трудным делом в ксилографии было вырезывание на доске изображений и текстов. Это была кропотливая и медленная работа. Ее нужно было делать очень чисто для получения скольконибудь ясных оттисков. Естественно, что граверы стремились ее всячески упростить: наложение теней избегалось, оставался контурный линейный рисунок. Когда гравирование было окончено, дальнейший процесс печатания совершался легко. Доска покрывалась краской, на нее накладывалась влажная бумага и прижималась особым катком. Каток представлял собой кожаный валик, наполненный лошадиными волосами или тряпьем. Правильное употребление катка обеспечивало удачное печатание, для этого требовалась постоянно и равномерно распределенная сила. Обратная сторона наложенного листа показывала вследствие движений катка грубые контуры букв и рисунка, так что для печатания она оказывалась непригодной.

Ксилографически выполненные листы относятся преимущественно к XV ст. (начало и середина). Их можно разделить на несколько групп: изображения без текста, изображения с текстом, текст без изображения. Само собою напрашивается предположение о хронологической последовательности возникновения перечисленных групп в только что приведенном порядке. Однако имеющиеся сведения не подтверждают этого предположения. Все эти группы возникли более или менее одновременно и едва ли раньше XV в. Относительно места возникновения ксилографии нет установившегося мнения: одни исследователи отдают пальму первенства Голландии, другие—Германии¹⁾. Что касается соотношения надписей и изображений, то иногда первые, иногда вторые занимают преобладающее место. На ряду с изображениями святых (св. Христофор, датируемый 1423 годом, св. Себастиан и др.) на отдельных листах фигурируют календари.

Большинство сохранившихся ксилографических книг относится ко второй половине XV в., т. е. к тому времени, когда было уже изобретено книгопечатание, т. е. ксилография первое время как бы конкурирует с типографией. Ксилографические книги печатались тем же способом, как и отдельные листы. Обычно две (или более) страниц

¹⁾ В истории искусства под ред. Андре Мишеля (t. III, partie 1, p. 350ss) приводятся ксилографические изображения с текстами, относящиеся, по мнению автора Henri Bouchot, к концу XIV в., и возникшие на франко-бургундской почве, вместе с чем вопрос о приоритете ксилографии получает новое освещение. В книге Бушо, указанной в предыдущем примечании, еще нет этой теории возникновения ксилографии, см. стр. 11 и сл.

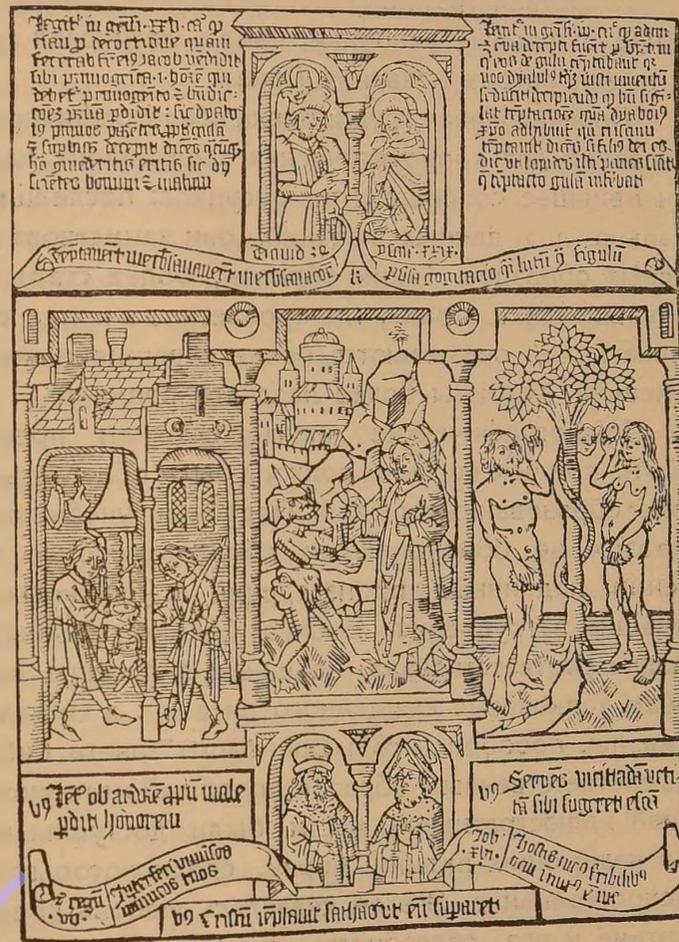
печаталось сразу: напр., 1 и 4 или 2 и 3 и т. п. Так как оборотные страницы были непригодны для печатания, то при брошюровке отдельные листы склеивались. Когда, позднее, в этом способе размножения книг каток был заменен прессом, то стало возможным печатание на обеих сторонах листа.

Ксилографические книги можно разделить на такие группы: 1) изображение и текст на одной и той же странице; 2) изображение на одной, текст на другой странице; 3) книги с текстом, но без изображений. В первой группе иногда текст чередуется с иллюстрациями, иногда иллюстрации помещаются вверху, текст внизу страницы.

Из многочисленных дошедших до нас книг подобного рода можно упомянуть следующие:

Biblia pauperum, библия бедных—по композиции и обилию картин наиболее выдающийся памятник ксилографии. Каждая страница разбита на 9 частей: пять с изображениями, четыре с текстом: в центре сцена из нового завета, по бокам параллельные события из ветхого, над центральным изображением и под ним бюсты пророков, а по углам соответственные библейские тексты с пояснениями. Имеются различные издания от 40 до 50 стр. Книга была очень распространена в средние века в рукописном виде.

Libet regum sive vita Davidis (книга царей или жизнь Давида). Каждая страница делится на 4 части: две верхних, больших, содержат

Страница из библии бедных (ксилография).

каждая по картине, две нижних, меньших, содержат объяснительный текст.—К этой же группе относятся «апокалипсис», «песнь песней» и др.

Среди книг второй группы особым распространением пользовалась *Ars moriendi* (искусство умирать), это вообще, вероятно, наиболее распространенная книга эпохи. Она состояла из 24 страниц: первые две страницы заняты предисловием, а на каждой из последующих чередуются изображение борьбы злых и добрых духов у постели умирающего и соответственные наставления.

К третьей группе (текст без иллюстраций) относятся преимущественно школьные учебники, напр., латинская грамматика, получившая по имени автора названия *Донат*.

Перечисленная группировка ксилографических книг не дает никаких оснований для хронологических заключений, как не дает их и большее или меньшее совершенство рисунков: последние рисовались не специально для данных изданий, они заимствовались обычно из рукописных образцов. Таким образом, более старые нидерландские книги, появившиеся в стране, где процветало в конце средних веков искусство миниатюры, оказываются более совершенными, чем грубо сделанные немецкие картины более позднего времени.

Ксилографические книги служили преимущественно учебным целям, при чем картины должны были облегчать работу памяти простых, мало образованных людей. Подобные учебники нужны были, главным образом, не обремененным образованностью клирикам, для которых чтение подлинных произведений и сложных текстов представляло большие затруднения. Библия бедных (бедных духом, образованием) вполне соответствовала обычным в средние века символическим способам толкования священного писания: в книгах ветхого завета видели символы, прообразы событий нового завета, библия бедных давала как раз соответственным образом подобный материал. Разумеется, эти книги в своей иллюстративной части были доступны и привлекательны даже для незнающих латыни мирян, среди которых они находили широкое распространение. В этом сказалась любовь средневекового человека к картине и его способность запоминать раз данные ему объяснения. Один исследователь говорит, что любовь к иллюстрации привлекала в средние века малообразованного читателя к книге в большей мере, чем ее содержание.

Ксилография представляла много неудобств: вырезывание производилось очень медленно, каждую страницу нужно было вырезать отдельно, использованная доска не могла утилизироваться. Естественно было придти к мысли о вырезывании из дерева отдельных подвижных букв, комбинируя которые можно составлять страницы и печатать книги. В русских учебных книгах признается такая стадия книгопеч

чатания деревянными буквами¹⁾, хотя специальные исследования доказывают техническую невозможность печатания отдельными деревянными буквами (невозможность получить одинаковые по размерам буквы приводит в начале к неровным, а затем совершенно спутанным строкам; неодинаковая высота деревянных букв повела бы к прорыву бумаги). Возможно, что мысль изобретателя книгопечатания начинала с отдельных деревянных букв, но сущность изобретения заключалась не в этом: нужно было придумать легкий способ получать произвольно большое количество достаточно прочных и совершенно одинаковых букв. В законченном виде это изобретение складывается из вырезывания из металла отдельных литер (пунсоны), изготовления по ним формочек (матрицы), отливания в этих формах из легко плавкого металла любого количества отдельных букв (литер), которые могут складываться и разбираться. Остальные моменты книгопечатания: набор, приготовление краски, тиснение посредством пресса, естественно, следовали из основного изобретения. Новое изобретение давало возможность один и тот же шрифт много раз пускать в дело, в этом его преимущество перед ксилографией, не говоря уже о том, что набор производился быстрее вырезывания. Прежде чем новым способом можно было печатать книги, изобретателю пришлось преодолеть много препятствий. Нужно было изготовить шрифт, который удовлетворял бы разнообразным требованиям: не очень твердый, чтобы не рвать бумаги, не очень мягкий—чтобы выдерживать давление пресса, шрифт должен был обладать устойчивостью при соединении литер в строки. Над прессом много задумываться не приходилось: его образцы можно было найти в столярном и металлообрабатывающем ремесле. Вкладывание набора в оправу для помещения в типографский станок напоминало деревянные рамки, применявшиеся в ксилографии, когда одна страница состояла из нескольких отдельных частей.

Изобретателем этого ряда крупных и мелких приспособлений был уроженец города Майнца Иоганн Генсфлейш, более известный по наследственному владению матери—Гутенберг. Поразительно мало сообщили современники об этом замечательном человеке и его биография восстанавливается в общих чертах и предположительно по тем скудным сведениям, которые сохранили архивы Майнца и Страссбурга. Предки из богатых горожан Майнца. Год рождения неизвестен (около 1400 г.). В 1411 г. его родители вынуждены переехать в Страсбург. В 1430 г. Гутенберг снова в Майнце. В 1434 г. процесс с майнцким

¹⁾ См. П. Виноградов. «Учебник всеобщей истории». Часть II. «Средние века», стр. 194. Изобретение приписано «одному голландцу». Подробнее: «Книга для чтения по истории средних веков» под ред. П. Виноградова, IV, стр. 284. Изобретение приписано Лаврентию Костеру.

городским писцом из за 310 гульденов ренты. 1435 г.—Гутенберг в Страсбурге. 1438 г.—договор с тремя лицами об эксплуатации неизвестного изобретения Гутенберга, быть может, здесь же первые опыты печатания подвижными буквами. 1448—он снова в Майнце, 1450 г.—договор с Фустом о ссуде 800 гульденов для завершения и эксплуатации изобретенного Гутенбергом книгопечатания. В качестве сотрудника привлекается прекрасный каллиграф Петр Шеффер. 1455 или 1456 г.—типография Гутенберга за долги переходит к Фусту, который продолжает книгопечатание при содействии Шеффера. Гутенберг получает помощь для создания новой типографии. Последние 10 лет жизни Гутенберг был видимо инвалидом, скончался в 1468 г.

Вот все, что нам более или менее документально известно о Гутенберге. Это канва, по которой рисуют узоры жизни, исполненной труда, направленного к разрешению великой задачи Гутенбергом в

Prius psalms codex: venustate capitalium decoratus. rubricationibus sufficienter distinctus. ad invencione artificiosa imprimendi ac caracterizandi absque ulla calami exaratione sic effigiatius. et ad laudem dei ac honorem sancti Jacobi est summat. Per Johem fultnerum magistru. et Petru Schpifler de germelxym drciu. Anno dni Milleimo CCC. lix. xxix. die. mensis Augusti,

Заключительные слова псалтиря 145 г. (первая датированная печатаная книга).

сотрудничестве с Шеффером (Фуст играл роль, повидимому, только финансиста предприятия, не участвуя в нем своим трудом); кроме того Гутенберг самостоятельно провел несколько изданий. Их датировка очень сбивчива, не всегда достоверна. Шеффер не был простым исполнителем: по его рисункам резались пунсоны для некоторых изданий ему приписывается усовершенствование типографского металла, типографской краски, изготовление пунсонов из стали, благодаря чему матрицы выколачивались из меди. Эти усовершенствования механизировали приготовление основы изобретения Гутенберга—металлической буквы (литеры).

Повидимому, первым произведением, вышедшим из под станка Гутенберга был Донат (1451 г.), затем текст отпусковой грамоты, индульгенции (1452); в 1453 было положено начало печатанию библии, кото-

рое закончилось в 1456 г. От времени Гутенберга сохранилось две библии: одна в 42 строки на стр., другая в 36. Первая явилась раньше на свет и относится ко времени совместной работы Гутенберга—Фуста (закончена П. Шеффером), вторая была повторением, перепечаткой, сделанной целиком Гутенбергом. 42 строчная библия представляет собою том в 641 лист, напечатанный в два столбца, крупными буквами, с увеличенными инициалами. Шрифт отчетливый, ясный. Строки заполнены целиком, заглавия написаны каллиграфически красными чернилами. Сохранился 31 экземпляр этой библии (всего было напечатано вероятно не более 100), 10 на пергаменте, 21 на бумаге.

После окончания 42 строчной библии Шеффер напечатал Псалтирь, являющийся „прекраснейшим и совершеннейшим памятником едва возникшего искусства“; заканчивается эта Псалтирь послесловием такого содержания: „Настоящее собрание псалмов, украшенное прекрасными заглавными буквами и в достаточной мере разделенное по рубрикам, выполнено во славу Бога, и в честь святого Якова благодаря искусному изобретению печатания, без помощи пера после многих усилий и трудов майнцским гражданином Иоганном Фустом и Петром Шеффером из Гернсгайма в 1457 г. накануне Успения“. Это первая датировка печатной книги.

Гутенберг напечатал после разрыва с Фустом Библию на 882 листах (в двух томах), по 36 строк на каждой странице, его последним печатным трудом был Католикон—грамматическое произведение на 373 листах...

Первопечатные книги всецело воспроизводят современные им манускрипты. Они были больших форматов, особенно богослужебные книги, библии, комментарии на библейские и юридические тексты. Бумага в них была необыкновенно толстая и крепкая; деревянные доски переплетов и размеры делали их очень тяжелыми. Заголовки в них выписаны красными или синими буквами, инициалы разрисованы в несколько красок, рамка украшена богатым орнаментом. В особенно роскошной Псалтири Шеффера имеется 288 инициалов, богато разрисованных синей и красной краской. Буква *B* первого псалма (beatus vir—блажен муж) считается по выполнению одной из красивейших букв. Все украшения в книгах делались от руки, так что для инициалов и пр. оставлялось пустое место (которое так и осталось незаполненным в Католиконе престарелого и разоренного Гутенберга). По образцу рукописей в книгах отсутствует титульная страница. Сообщение о времени, месте печатания и издателя помещалось в конце, если вообще помещалось. Впервые титульная страница появилась в 1470 г., а обычной сделалась около 1520 г. В книгах, по образцу рукописей, допускались многочисленные сокращения и лигатуры (соединения

соседних букв в один знак) Первое время они даже увеличились. В 1475 г. один любекский издатель в предисловии к книге говорил, что он широко пользовался сокращениями, чтобы вместить произведение в одном томе вместо двух. В 1498 г. в Париже было напечатано „Руководство к чтению сокращений“, оно появилось в такой момент, когда книги становились совершенно неудобочитаемыми из-за сокращений¹⁾. Тем не менее, новое изобретение сразу обнаружило свое значение. Хотя печатание обходилось дорого вследствие большого количества ручного труда, хотя издания выходили в небольшом количестве (экземпляров 100—200), тем не менее цена первопечатных книг поражала своей дешевизной. Фуст прослыл за волшебника, когда продавал в Париже свои библии по 750 гульденов (гульден 81 к.). В 1471 г. один епископ пишет папе Павлу II, что изобретение книгопечатания понизило стоимость книги до $\frac{1}{5}$ прежней цены.

Как только появились первые печатные книги, печатный станок сразу заработал в нескольких странах, во многих городах. Такое быстрое распространение нового изобретения уже у современников вызывало впечатление одновременного открытия нового искусства и у Гутенберга сразу появилось несколько конкурентов, претендующих на роль изобретателей книгопечатания, и не только за границей, но и в разных городах Германии. Эти претензии в большинстве уже давно отвергнуты наукой, некоторые упорно держатся до наших дней, даже и лишены серьезных оснований. Особенно упорствует в своих притязаниях Голландия. Еще в 70-х годах прошлого столетия голландский ученый Ван-дер-Линде подвергся общественному ostracismu и вынужден был покинуть свою родину за то, что он решился оспаривать честь изобретения книгопечатания у гарлемца Лаврентия Янзона (Костера)²⁾.

Изобретение книгопечатания имело огромное значение. Вся культурная жизнь человечества постепенно приобретает иную физиономию. Книга становится дешевле, доступнее, сразу получается в очень

¹⁾ В других отношениях книгопечатание прогрессирует быстрее. Печатание иллюстраций, резанных на дереве, появилось у Альбрехта Пфинстера в Бамберге около 1461 г., обозначение страниц (лагинация) с 1470—1471 г., обозначение листов (сигнатуры) с 1472 г.

²⁾ Ван-дер-Линде принадлежит 3 томный труд по истории изобретения книгопечатания (Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst, Berlin 1886), в котором легенда о Костере разрушена окончательно. Несмотря на это, новейшее издание Британской Энциклопедии (1911 г.) считает именно Костера изобретателем книгопечатания (см. сл. Typography). Эта честь впервые была приписана Костеру гарлемским врачом Адрианом Юниусом в книге, написанной в 1565—1569 г.г., т. е. через 128 лет после мнимого изобретения книгопечатания, при чем все построено основано на слухах, рассказах стариков.

большом количестве экземпляров. Теперь книга производится не по заказу, а на неопределенный рынок, потому что по существу дела книгопечатание окупалось при массовом характере. Это заставляло организовать книжную торговлю и искать новых путей распространения, углубляя и расширяя известные отчасти и прежде. Приходится следить за интересами и вкусом читателей, пробуждать их, широко применяется реклама. Книгопечатание отражается на методах преподавания: в руки учащегося попадает учебник, и прежняя школа памяти заменяется изучением книги... Литературный оборот значительно облегчился и делался быстрее. Книга разносила всякую новую мысль, издание книги становилось значительно легче, поэтому больше людей пишет и печатает книги. Ученое произведение уже не может базироваться на одной—двух книгах, в его основу кладется знакомство с целой литературой. Книга перестает быть монополией зажиточных классов населения. Становится возможным издание очень больших книг, много томных произведений, больших коллективных трудов. Разумеется, не все последствия изобретения обнаруживаются сразу. Потребовалось еще много мелких и крупных изобретений, прежде чем книгопечатание достигло современного развития. Оно оказалось удивительно приспособленным ко всем тем требованиям, которые к нему предъявил: рост населения, развитие общественной жизни, расцвет науки и искусства, учебного дела, развитие периодической печати.

Уже гуманизм многим обязан книгопечатанию. Во всей глубине использовала книгу реформация. В период с 1518 по 1523 г. количество выпущенных в Германии книг увеличилось в 7 раз. В начале Лютер отказывался печатать свои знаменитые тезисы, но затем он великолепно и усиленно пользовался печатным станком. Его выступление против индульгенций, а затем против католической церкви вызвало бесчисленное множество печатных откликов, все движение породило множество памфлетов, с самых разнообразных точек зрения обсуждавших религиозные и социальные вопросы. Требования составших крестьян, ремесленников и рабочих, революционные и коммунистические лозунги широко распространились при помощи печати. Почти одновременно печаталась „Утопия“ Томаса Мора. Английская революция породила новый поток памфлетной литературы. В библиотеке Британского музея имеется коллекция в 30,000 памфлетов этой эпохи, среди них книги левеллеров и социальных писателей вроде Уинстанли. Известен брошюрный поток, предшествовавший во Франции созову Генер. Штатов 1789 г.

Из Германии книгопечатание быстро распространилось в другие страны Европы. В 1464 г. в Субиако возле Рима печатается Донат. Итальянский шрифт, следуя образцу местных рукописей, даже у немец-

ких типографов принимает более округлую форму. Из итальянских городов славился своими типографиями богатый торговый г. Венеция, где к 1500 г. имелось уже 214 типогр., а в 1515 г.—247. Здесь с 1494 г. подвизался знаменитый ученый и типограф Альдо Мануччи. Особенно он прославился изданиями греческих и латинских авторов, выпускавшихся сериями; эти издания явились результатом тщательной проверки текстов, благодаря чему они отчасти не утратили значения до настоящего времени, кроме того им придана изящная и удобная внешняя форма. Он изготовил для латинских авторов 14 различных шрифтов, ввел в употребление курсив (по фр. *italique*). Он заменил тяжеловесные фолианты (*in quarto*) более удобными томиками *in octavo* (лист складывается на 8 частей, имеет 16 страниц, наиболее распространенный формат современной книги), сохранив в них прежнее содержание, это достигалось более компактной печатью при менее крупных шрифтах. Альдо Мануччи явился основателем типографской фирмы, существовавшей более 100 л., ее произведения («альдины») очень ценятся библиофилами. Сам основатель фирмы успел до 1515 г. (год смерти) издать 120 названий книг. Венеция вела обширную книжную торговлю со всей Европой, ее издания проникали повсюду.

Венеции, городу с живым и большим торговым оборотом, естественно было и на книгу посмотреть с экономической точки зрения и обратить внимание на те материальные интересы, которые ею затрагиваются. Здесь в 1469 г., впервые в истории книгопечатания, типографу выдается привилегия на печатание определенной книги, привилегия, защищавшая его интересы от конкуренции со стороны других типографов. В 1486 г. Сабелик получает первую привилегию на печатание его труда («История Венеции»), привилегию, обеспечивающую за автором право продать свою работу, затем подобные же привилегии даются другим авторам. До 1500 г. таких привилегий известно 108 для 298 книг. В 1544 г. закон вообще запрещает печатать сочинения без разрешения авторов. Таковы—зародыши современного авторского права.

Во Франции первая типография возникла в 1470 г. Здесь развитие книгопечатания стеснялось надоедливой опекой университета и цеховыми порядками. Университет обеспечил типографам свободу от налогов, от последних были свободны книги, шрифты, краски; но к внешнему виду книги предъявлялись строгие требования, за ошибку допущенную в печатном тексте взысканиям подлежали корректора, наборщики и даже авторы; строго воспрещалась продажа бумаги непредусмотренных сортов. Цеховые порядки ставили препятствия вступлению в число типографов или книготорговцев; обязательными условиями являлись: четырехлетнее ученичество и 3-х летняя служба в соответственных предприятиях, удостоверение в знании латинского и

греческого языка, свидетельство о нравственном поведении и правдивости и не менее $\frac{2}{3}$ голосов экзаменаторов на экзаменах. Благодаря этим строгостям количество типографий сокращалось (в 30-х годах XVI ст. всего 12), и хотя спрос на рабочие руки не повышался, однако наборщики устроили забастовку в 1539 г. На грани XV—XVI вв. в Париже была основана типография Этьенна, фирма которого существовала более 100 лет и оказала большие услуги развитию типографского дела во Франции. Один из Этьеннов, Робер, ввел шрифты, которые употреблялись до начала XIX в. Готический шрифт был оставлен, были введены надстрочные знаки.—Помимо Парижа другим крупным центром книгопечатания и книжной торговли во Франции был Лион. В XVII и XVIII ст. Франция славилась изяществом своих изданий, часто украшенных художественно сделанными гравюрами. Французские переплеты (особенно из библиотеки Гролье—XVI в.) и теперь служат образцами художественных работ в этой области. Французские словолитни не знали соперников. Французский книжный рынок приобретает мировое значение, так как французские авторы в эту эпоху читаются повсюду.

Первая типография в Англии была основана купцом Кекстоном в Весминстере в 1474 г. Англия выработала свой национальный шрифт—более широкий латинский.

Почетное место в истории книгопечатания занимает голландская фирма Эльзевиров (1592—1712), стремившаяся соединить в своих изданиях изящество, точность текстов и дешевизну. В середине XVII стол. была издана коллекция классиков по небывало низкой цене—1 флорин за томик в 500 стр., формат был сделан еще более удобный чем у Альдов— $\frac{1}{12}$ листа. Этот формат быстро утвердился в Голландии, Бельгии, а затем перешел во Францию. Вообще издания Альдов и Эльзевиров вызвали подражание в других странах, особенно во Франции. Здесь стремились в точности воспроизводить свои образцы и достигали в этом отношении такого совершенства, что публика не различала подлинников и копий.—Что касается книгопечатания Голландии, оно тесно связано с преобладающими интересами страны: морская торговля, колониальные предприятия составляли основу ее богатства: голландские типографии печатали лучшие географические карты того времени.

С первыми успехами книгопечатания оно привлекает к себе внимание властей духовных и светских. В германских городах (Кельн, Майнц) уже в XV ст. устанавливается цензура. В 1496 учреждается цензура университетов. В 1501 было постановлено, что каждый епископ осуществляет цензуру в пределах своего диоцеза (епархии). Позднее опубликовывались списки запрещенных книг, а триентский собор утвердил офиц. церковный список запрещенных книг (*index librorum prohibitorum*). Подобные же мероприятия проводились и светскими властями.

В Англии типографы очень рано обязываются представлять властям на просмотр предложенные для напечатания рукописи; только исполнение этого условия обеспечивает с 1529 г. получение типографской привилегии. Покупка или обладание неразрешенной книгой считались преступлением. В 1556 книготорговцы соединяются в корпорацию, которая наделяется разными привилегиями—для борьбы с нежелательными книгами. В предреволюционное время (1625—1640 гг.) Звездная палата и суд высокой комиссии жестоко карает авторов диссидентских произведений и смелых политических памфлетов: их выставляли к позорному столбу, клеймили раскаленным железом, рубили руки, вырезывали язык. Республика освободила печать. Реставрация восстановила цензуру, которая была уничтожена в 1694 г. Наряду с мощным развитием промышленности и торговли, Англия пережила в XVIII в. блестящее развитие печати и книжного дела... Ее режим, тон ее печати внушал зависть континентальным народам, которым нужно было пережить длинный ряд революций, чтобы устранить господство феодальных классов и полицейского государства. В прибавлении к книге Ф. Рокэна «Движение общественной мысли во Франции в XVIII в.» (СПб. 1902) напечатан список книг, подвергнувшихся осуждению с 1715 по 1786 г. во Франции. Этот список занимает 46 стр. петита, в два столбца (524—570).

Правительственные мероприятия и цензурные строгости не препятствовали распространению книг. Печатались они в тайных типографиях или за-границей. Наиболее популярные сочинения XVIII в. были запрещены, это не мешало тому, чтобы они продавались на глазах у властей и чтобы их все знали.

С каждым столетием книги делаются удобнее. Уже в XVI ст. исчезают деревянные переплеты, бумага становится тоньше, шрифты изящнее, набор чище, сокращения устраняются. Техническая сторона книгопечатания, однако, мало совершенствовалась до конца XVIII в., она оставалась почти в том положении, в каком была в XV—XVI ст. XIX век внес глубокие изменения в процесс книгопечатания от начала до конца,— в результате чего значительно поднялась производительность типографской работы, удешевились ее произведения, а книжная торговля и вообще распространение книг достигли небывалых размеров.

После промышленного переворота в конце XVIII ст. в Англии одна отрасль промышленности за другой последовательно подвергались механизации: ручной труд заменялся машинным. Не избежало этой же участи и типографское дело.

С 10-х годов XIX в. начинаются попытки изобретения словолитной машины (машины для отливания литер); эти попытки вначале дают очень несовершенные результаты, но уже в 40-х годах входит в упот-

ребление машина, дающая в день 12.000 литер, тогда как ручной способ давал у наиболее искусных рабочих 5.000; дальнейшие усовершенствования повели к тому, что к концу XIX в. словолитня дает 100.000 литер в 10 часов.

Типографы долго бились над задачей сохранения наборов определенных произведений на случай повторных изданий, чтобы избежать расходов, связанных с вторичным набором одного и того же текста. Хранение готовых наборов было очень трудно, набранные столбцы понемногу портились, рассыпались; подобное хранение обходилось очень дорого, оставляя большие количества шрифта без употребления. В 1796 г. парижский типограф и словолитчик Ф. Дидо придумал способ отливания целых наборов, а в 1804 г. лорд Стэнгоп изобрел удобное стереотипирование. После некоторых усовершенствований этот способ входит в 50-х годах во всеобщее употребление. Типографы получили возможность путем стереотипирования давать точное воспроизведение определенного издания, не прибегая к новому набору и не задерживая шрифта. Стереотипирование особенно важно в изданиях, требующих точности и рассчитанных на многократное повторение, напр. учебники, таблицы логарифмов. Стереотипирование применяется при печатании больших газет на ротационных машинах (см. ниже).

Механизации подвергся и самый процесс набора текста: во вторую половину XIX в. появляется длинный ряд наборных машин, сущность которых сводится к тому, что перед наборщиком, вместо ящика с литерами,—кассы,—которые он должен складывать в верстатку, лежит клавиатура, напоминающая пишущую машинку; процесс набора превращается в постукивание по определенным клавишам. Лучшие машины дают возможность набирать от 3 до 10.000 букв в час. Кроме того, лучшие наборные машины снабжены механизмом для разбора набранного шрифта, что отнимает много времени в типографской работе.

До начала XIX века печатание производилось ручным способом; печатный станок был деревянный, затем его части делаются из железа, в начале XIX в. был построен весь железный станок. Ручной способ печатания дает и в настоящее время 50—100 отпечатков в час, количество совершенно ничтожное, если принять во внимание необходимость отпечатать в течение 3—5 часов несколько десятков или сот тысяч оттисков, хотя бы в современном газетном деле. В 1812 году Кенигом впервые была построена скоропечатная машина, дававшая 800 оттисков. Затем эта машина совершенствуется (знаменитая немецкая фирма Кениг и Бауер), появляется очень большое количество скоропечатных машин. В 1880-х годах строится „американка“, дающая 2500 оттисков в час. При печатании занято обыкновенно несколько рабочих: накладчик, занятый подаванием листов в машину, батырщик следящий за

равномерным распределением и расходом красок, приемщик, снимающий готовые листы, фальцовщик, складывающий готовые листы в определенные форматы. Машина постепенно устраняет всех этих рабочих. Применяемые в газетном деле, так называемые ротационные машины, механически принимая бумагу, поступающую в виде бесконечной ленты с огромных рулонов, выбрасывает несколько десятков тысяч совершенно готовых экземпляров газеты, т. е. не только отпечатанных с обеих сторон, с воспроизведением иллюстраций и пр., но и сложенных в том виде, в каком мы обычно покупаем газету (in quarto)

Механизации подверглось также украшение книги. В 1796 году Алоизием Зенефельдером в г. Мюнхене изобретена литография, дающая возможность легко и дешево воспроизводить механическим способом рисунки (а также и тексты, написанные от руки особыми чернилами) в одну и несколько красок. Во второй половине 19 стол., после изобретения фотографии, становятся известными и вытесняют литографию фототипия, цинкография, гелиография и пр. способы механического воспроизведения рисунков.—Особенно прославили литографию своими работами в первой половине 19 в. французские художники, ряд поколений которых дал длинный ряд иллюстраций на самые разнообразные темы французского быта и истории (Оноре Домье, заклеймивший „буржуазную монархию“ Людовика Филиппа). Широкое применение нашла литография к иллюстрированию в Англии, хотя здесь она не достигла французского совершенства, так как англичане предпочитали черную гравюру. Ниже Франции стояла и Германия.

Все перечисленные изобретения составляли необходимую основу необычайного развития книжного дела в 19 в. и в то же время отвечали все возрастающей потребности в огромных количествах печатного слова. Эти изобретения не могли бы возникнуть, если бы не выросла чудовищно спрос на книгу, на ее быстрое производство; на рынок невозможно было бы выбрасывать в короткий срок невероятного обилия книг и газет, если бы не появилось механических способов их печатания и украшения. Некоторое представление об этом развитии могут дать нижеследующие цифры.

В течении второй половины 15 в. было напечатано всего около 30.000 названий книг (во всех странах).¹⁾ В последующие столетия в Германии печаталось в круглых цифрах:

¹⁾ Книги, напечатанные до 1501 г., называются *инкунабулами* (incunabula—колыбель); они тщательно собираются, каталогизируются, описываются и представляют большую библиографическую ценность. Их сохранилось довольно много, имеются во всех европ. библиотеках; около 4000 в Петербургской государственной. Шесть седьмых всего количества инкунабул составляют сочинения религиозного и схоластического характера, остальные—научные, древняя и новая литература. См. У. Г. Иваск, „Об инкунабулах“. Библиографические известия 1913, стр. 179 сл.

в 16 ст.— 100.000 названий.
 „ 17 „ — 200.000 „
 „ 18 „ — 500.000 „
 „ 19 „ — 1.000 000 „

За 19 век имеем более подробные сведения:

В 1801 году напечатано 3 900 названий
 в 1850 „ „ 9 053 „
 в 1900 „ „ 28.703 „

Вообще же за четыре с половиной века мировая книжная производительность, по сведениям международного библиографического института в Брюсселе, представляется в таких цифрах: ¹⁾

до 1500 г. 30.742
 1500—1600 285.224
 1600—1700 972.300
 1700—1800 1.637.196
 1800—1900 6.100.527

За некоторые годы 19 в. имеем данные для сравнения книжной производительности Германии с другими странами:

Г.г.	Германия	Англия	Франция	Соед. Штаты Сев. Ам.
1886	16.253	5.210	12.831	4.676
1887	15.972	5.686	12.901	4.437
1888	17.000	6.591	12.937	4.631
1889	17.986	6 067	14 402	4.014
1890	18.875	5.735	13.648	4.559

Последняя таблица показывает, что книжная производительность растет из года в год во всех странах (кроме Соединенных Штатов С. А.) и что первое место занимает в этом отношении Германия. В последующие годы это положение Германии становится еще отчетливей:

1906	29.198 ²⁾	8.603	10.898 ³⁾	7.139
1913	35.078	12.379	10.758	12.230

Огромная книжная производительность Германии объясняется отчасти ростом ее населения, отчасти наиболее совершенной организацией книжной торговли, опирающейся на сеть комисионеров, широкий кредит, антиквариат, скупающий и по пониженным ценам распродающий остатки изданий. широкую практику изданий по под-

¹⁾ Эти цифры заимствованы из журнала „Книга“ № 1 за 1923 (изд. „Книгоспилки“ в Харькове), журнал заимствует свои данные из книги Ivinsky La statistique internationale des livres.

²⁾ Среднее за 10 лет (с 1897 по 1907)

³⁾ Для Франции годом максимальной книжной производительности был 1898—14.781.

писке; книжной торговли, стремящейся возможно ближе подойти к потребителю при посредстве раз'езжающих агентов и торговцев в раз-нос. Наконец, большое значение имеет вывоз за-границу: $\frac{1}{3}$ немецкой научной литературы сбывалась за-границу. Вот цифры характеризующие немецкий экспорт книг, карт, музыкальных произведений:

Год	Вывезено на	миллионов марок
1897 г.	64,5	миллионов марок
1900	78,7	" "
1901	79,4	" "
1902	85,6	" "
1903	84,0	" "
1904	92,0	" "
1905	96,4	" "
1906	65,4	" "
1907	58,5 ¹⁾	" "

Успехи книжной производительности становятся заметными особенно во второй половине XIX в. К этому времени обнаружило свое значение большинство упомянутых выше усовершенствований в области книгопечатания, получили большое развитие пути и средства сообщения, выводящие общество из отчужденности и замкнутости, втягивающие в торговый круговорот самые глухие места и повышающие спрос на книги. Вместе с тем, к концу столетия постепенно падают стеснения, стоявшие на пути развития печати; распространение образования, введение всеобщего и обязательного обучения в ряде стран, организация больших политических партий, вообще усиленный темп политической жизни, возникновение демократических и рабочих партий, развитие профессиональных союзов и рабочего законодательства,— все это факторы, повышавшие потребности в книге, оставлявшие больше свободного времени для самообразования и чтения, расширявшие круг читателей. Появляются издания, рассчитанные на демократического читателя: за несколько копеек становится возможным получить классические произведения или доброкачественную научно-популярную книгу с большим количеством листов (В Германии Reclam's Universal Bibliothek, издания Гёшена, Aus Natur und Geisbeswelt и т. п., в Англии The Nelson classics или The Home University library of Modern Knowledge, аналогичные издательства имеются в Франции и др. странах). Книга перестает быть роскошью, она имеется в каждом доме, она становится спутником рабочего и крестьянина в их жизненной борьбе. Сами рабочие прибегают к печатному станку, как к орудию классовой борьбы.

¹⁾ Большинство приведенных цифр заимствованы из статьи Buchhandel в 3 изд. Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

На гроши, собранные в партийных, профессиональных и кооперативных организациях, создаются издательства, распространяющие книги и брошюры, предназначенные главным образом для рабочих и защищающих интересы рабочего класса. Рабочие организации в стремлении эмансипироваться от капитала обзаводятся своими типографиями. Из этих организаций по книгоиздательской деятельности в до-военное время первое место бесспорно занимала немецкая социал-демократия. „Простой перечень книг и брошюр с кратким объяснением содержания некоторых из них занимает (в 1902 г.) в каталоге „Vorwärts'a (центральное издательство Германской социал-демократии) 34 страницы в 16 долю листа“. (Э. Мильо—Германская социал-демократия, М. 1906 Стр. 163—164).

Вместе с тем на книгу ложится отпечаток массового, фабричного производства. Книга дешевет, но много теряет в своем изяществе. Шрифты выбираются возможно компактнее, но не возможно яснее, украшения из книги исчезают, поля оставляются возможно узкими, книга приобретает сухую, деловую внешность. Даже переплет делается механическим способом и лишается всякой индивидуальности, служа более целям рекламы для издательства, чем украшению или сохранению книги: делается он не прочным, но на нем непременно вытеснена фирма издательства.

В конце-концов, среди зажиточных классов, у выдающихся писателей и художников пробуждается любовь к старой книге, сделанной еще как бы ремесленным способом. Тщательно разыскивают и изучают первопечатника книги. Инкунабулам посвящается огромная литература, за инкунабулы платят бешеные деньги. Современной книге хотят придать внешность средневекового манускрипта или подражающей ему книги XV стол. Начиная обращать внимание на украшения. Высокоталантливые художники посвящают свое дарование не столько иллюстрированию, сколько декорированию украшению книги. Заставки, виньетки, обложки, концовки книг привлекают таких художников, как Бердслей, Валлотон. Марки фирмы, книжные знаки („ex libris“) тщательно обдумываются и часто выполняются с большим вкусом¹⁾. Красивые переплеты снова входят в моду. Книга снова становится художественным произведением. Возникают общества библиофилов, занимающиеся поощрением изящных изданий иногда только для своих членов, иногда для всякого желающего. Издаются специальные журналы, рассчитанные на вкусы любителей красивой книги. Устраиваются аукционы, на которых книги каталогизируются не по авторам

¹⁾ См. Фрейман. Ex libris. Спб. 1922 г.

а по переплетчикам¹⁾. Подобно тому, как имеются специальные издательства, рассчитанные на массовое производство дешевых изданий, так появляются издательства, выпускающие роскошные издания, editions de luxe, Luxusausgaben, на веленовой или вержé бумаге, тщательно сделанные в небольшом количестве экземпляров, часто иллюстрированные и украшенные знаменитыми художниками и перенумерованные.

Что касается форматов, сортов бумаги, в этом отношении наблюдается разнообразие поразительное, от миниатюрных изданий в 1 вершок ($\frac{1}{256}$ листа) и меньше до больших томов in quarto и in folio. Бумага употребляется самой разнообразной плотности и качества. В обычных изданиях избегают очень плотных сортов, так как они увеличивают вес и об'ем книг. Особой легкостью и компактностью отличаются английские издания, из которых многие печатаются чуть ли не на папиросной бумаге. Томик в 920 стр. в $\frac{1}{16}$ листа, в мягком переплете, вмещающий всего Давида Копперфильда, легко можно вложить в боковой карман²⁾.

Все возрастающее социальное значение книги, увеличивающийся круг людей, так или иначе тесно связанных с книгой, порождают повышенный научный интерес к книге. Книга становится предметом изучения, которому отдаются отдельные лица и корпорации. Книге посвящается огромная литература, детально рассматривающая способы ее изготовления, распространения в прошлом и настоящем. Все вышедшие и вновь выходящие книги тщательно регистрируются и описываются. Изобретаются разнообразные системы классификации книг, наиболее приспособленных для того, чтобы не растеряться в необозримом потоке непрерывно кристаллизующейся человеческой мысли, создаются многочисленные справочники, из года в год пополняемые, в систематическом порядке перечисляющие книги, относящиеся к определенному кругу интересов. Это описание книг постепенно вырабатывается в специальную дисциплину библиографию, распадающуюся на множество отделов и подразделений... Как книговедению в широком смысле (производству и распространению книг, под которым подразумевается книжная торговля и библиотековедение), так и книгописанию (с точки зрения содержания, библиографии) в свою очередь посвящаются многочисленные специальные журналы. Регистрацией вновь выходящих книг занимаются государственные и частные учреж-

¹⁾ С некоторыми проявлениями и достижениями намеченного движения в Зап. Европе и Америке знакомит изданный английским журналом Studio специальный номер (1914 г.), посвященный книге: The art of the book.

²⁾ David Copperfield by Charles Dickens. Thomas Nelson and Sons. London, Edinburg, and New York. 1906. Томик украшен изяшной иллюстрацией перед титульным листом. Томик составляет часть собрания сочинений Ч. Диккенса.

дения. К сожалению, до сих пор не установлены однообразные приемы регистрации: до сих пор в одних странах регистрируются, например, отдельные томы, в других названия сочинений одного и того же автора, в одних странах делается различие между толстыми книгами и брошюрами (книги до 3 печатных листов), в других нет. Так что статистические данные относительно книжной производительности в разных странах можно сопоставлять очень осторожно, не придавая этим сопоставлениям слишком безусловного значения. Точно также затрудняется сравнение и отсутствием однообразной системы классификации, это обстоятельство часто препятствует рассмотреть настоящую физиономию книги в той или иной стране.

Создаются учреждения подсобные и для книговедения и для библиографии: музеи книговедения, институты библиографии. Первые сосредотачивают все те предметы, модели, образцы, диаграммы, которые необходимо для наглядного ознакомления с судьбами книги в прошлом и настоящем, вторые занимаются регистрацией и описанием книг в помощь тем практическим и научным работникам, которые, опираясь на готовые описания и перечни, будут изучать специальную литературу.

Ничто так ярко не может иллюстрировать социального значения книги, как выставки, посвященные книжному делу в местном, национальном или международном масштабе. Из подобных выставок заслуживает особого упоминания „Международная выставка книгопечатания и графических искусств“ в Лейпциге в 1914 г. „Выставка имеет целью мирное соревнование всех культурных наций на поприще книгопечатания и промышленности, а также графического искусства,—говорилось в проспекте;—она должна олицетворять огромное влияние печатного дела на народное просвещение и показать ту исключительную роль, какую играет этот вид промышленности в жизни народов“. Война помешала полному успеху этой выставки, продолжавшейся от мая до ноября. Тем не менее, выставка воочию показала грандиозный размах работы, ведущийся для книги, около книги и самой книгой. В выставке приняли участие все крупные и многие мелкие государства, показавшие наиболее интересное, чем они обладали в области книжного дела и книжной промышленности. В особом „Дворце культуры“, над которым работало свыше 600 ученых с Карлом Лампрехтом во главе были собраны и размещены в систематической форме экспонаты, изображавшие общую картину развития книжной промышленности и графических искусств всех времен и всех народов¹⁾. Особый отдел на выставке был посвящен библиотечному делу в его прошлом и настоящем; работа библиотек всех стран и народов внутренняя и внешняя—в

¹⁾ См. А. Плотников—Международная Лейпцигская Выставка книжного дела и графических искусств (Библиотекарь, 1914 г. стр. 431).

снимках зданий, внутреннего убранства, моделях и образцах библиотечной обстановки, в образцах карточек, вспомогательных книг, диаграмм всякого рода—получила очень яркое освещение.

На выставке приняла участие и Россия. Ее павильон пользовался большим успехом. Привлекали русские старопечатные книги, поражали успехи русского книгоиздательства (свыше чем на 60 разных языках) вообще, русской книжной графики в частности ¹⁾.

КНИГА В РОССИИ ¹⁾.

КНИГА была занесена в Россию после принятия христианства и ее судьба очень долго самым тесным образом была связана с новой религией. Книга пришла к нам уже в форме пергаментного кодекса и, повидимому сшитки у нас употреблялись только в деловых документах. Слово пергамент вошло в русский обиход довольно поздно, в XVI—XVII ст., раньше его называли „кожей“, „телятиной“, „харатьей“, о книгах говорили „харатейные списки“. Пергамент в России употреблялся белого цвета, стборный, без зализей и сшивок, привозимый обычно из Византии, стоил он дорого, напр. в XIV в. за тетрадь в 8 листов платили 5 руб. 60 коп. Несмотря на это палимпсесты употреблялись очень редко, смывали греческий или латинский текст, вероятно, не из экономии, а из неумения использовать книгу на непонятном языке. С XIV в. появляется у нас бумага, ее привозят из-за границы (из Италии, Франции, Польши, позднее из Голландии), выделка внутри страны началась поздно, и бумага стоила дорого, в XVI ст. лист—20 коп.

Как на Западе, книгописание на Руси было благочестивым и трудным подвигом. От книгописания, говорили в старину, „трое благо получиши: первое—от своих трудов питаешься, второе—праздного бѣса изгониши, третье—с Богом бесѣдоваши имаши“. Этим богоугодным делом занимались обычно монахи и священнослужители. В древней Руси (XI—XIV в.) образовалось несколько центров изготовления книг, первым был Киев. До основания Печерского монастыря, а отчасти при деятельности его инсков книги писались первыми киевскими митрополитами-греками, священниками и диаконами киевских церквей, которые снабжали книгами всю прилегающую к Киеву область. Затем появляются новые центры: Новгород и Псков на севере, галицко-волынские города:

¹⁾ Истории книги в России посвящены следующие труды: Бахтиаров, А. А. История книги на Руси. Спб. 1890; Бажерянов И. Н. Исторический очерк русского книгопечатного дела. Спб. 1895; Либрович—История книги в России. Спб. 1913. О древне-русской книге в руководствах и трудах по славяно-русской палеографии: Срезневского, Соболевского, Карского. Истории русской книги посвящена часть книги Ф. И. Булгакова. Иллюстрированная история книгопечатания. СПб. 1899.

¹⁾ См. Zentralblatt für Bibliothekswesen за 1914 г., статью посвященную библиотечному делу на Лейпцигской выставке. Лейпцигской выставке посвящен ряд статей в журнале „Библиотекаръ“ за 1914 г.

Галич, Владимир и Холм—на юге; затем выступают на северо-востоке Ростов и Владимир, а западнее Смоленск и Полоцк. В московской области книги начинают переписываться с XIV в. Главными поставщиками рукописей были, конечно, монахи, вообще духовные лица; впоследствии в монастырях появляются наемные каллиграфы, а в городах—профессионалы-писцы.

Хотя церковно славянский язык был ближе к русскому говору, чем латинский к языкам не романским, все же овладение этим языком составляло большой труд; трудным был и самый процесс писания: писали разными шрифтами—уставом, т. е. крупными буквами, которые стояли прямо, отдельно одна от другой и писались в несколько приемов;—полууставом—тот же шрифт помельче. Из записей на некоторых книгах—о начале и окончании их переписки—видно как медленно шло письмо, в день успевали записать $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{3}$ листа 700—1000 букв. Позднее появляется *скоропись*, беглое, но не легко разбираемое письмо. Для украшения книг, особенно заглавий, прибегали к особому каллиграфическому приему: части соседних букв соединяли вместе, одну букву писали над другой, так что получалась слитая компактная и затейливая строка—вязь, для быстрого прочтения которой требуется навык. В письме применялись два начертания букв—кириллица, непосредственно полученная из видоизмененного греческого алфавита, сравнительно простое начертание; им написано большинство древних книг, оно же употребляется в настоящее время в церковно-славянских книгах. Другое, более запутанное начертание алфавита—глаголица. В текстах повсюду встречаются сокращения, которые обозначаются титлами и др. знаками.

Книги составлялись из отдельных тетрадей, как на Западе или в Греции, тетрадь составлялась из четырех сложенных вместе листов (8 полулистов или 16 страниц, которые в печатных книгах составляют один печатный лист); счета страниц не было, листы (тетради) перемечались. Форматы книги определялись долями листа—(книги пергаментные и бумажные мало отличались в этом отношении): в десть (in folio—в пол листа, лист складывался вдвое) в полдсть (in 4°) и т. д. Эти форматы не соответствуют современным печатным, они то больше, то меньше в зависимости от размеров листа бумаги или пергамента. Для богослужбных книг обычно применялись более крупные размеры, для домашнего употребления—более удобные in quarto или in octavo. Чернила употребляли металлические, густые, глубоко проникавшие в пергамент, а по высыхании оставлявшие на нем толстый слой. Заглавия, начальные буквы, заставки изображались киноварью (красной краской). Реже для расцветивания употребляли синюю, зеленую, желтую, совсем редко—золотую и серебряную краски.

Все приемы украшения книг, известные на юге и западе, были восприняты и своеобразно развиты в России. Миниатюры встречаются не часто, их исполнение затрудняло древне-русского человека. Сюжеты миниатюр однообразны: в евангелиях изображаются евангелисты, в псалтири—царь Давид, в творениях отцов церкви—портреты авторов и т. п. В позднейших рукописях (с XIV в.) рисунки иллюстрируют текст, рукописи с такими рисунками называются *лицевыми*. Как и в Зап. Европе, в рукописи изображается иногда портрет заказчика, иногда с семьей¹⁾. Наилучше выполненные заставки помещались в начале книги, в середине они беднее. Заставки и инициалы вначале воспроизводят греко-византийские образцы, дошедшие в Россию при посредстве южных славян; позднейший орнамент более оригинален и разнообразен, так что есть возможность говорить о нескольких стилях орнаментации древне-русских книг: 1) стиль геометрический. «Он наблюдается в древнейших рукописях греческих, юго-славянских и русских. Этот византийский стиль отличается геометрической правильностью линий и естественностью в изображении растений, животных и людей» (Карский). Этот стиль вырождается в 2) терратологический или чудовищный. «Это—затейливое сплетение ремней и веток с разными фантастическими животными, с птицами, у которых иногда человеческие головы, с зверями, хвост которых извивается веткою, оканчивающеюся листком, особенно с драконами и змеями, которые из своей пасти выпускают ветку и своим хвостом перевивают зверей и других чудовищ, наконец, с человеческими фигурами, руки и ноги которых вплетены в эти перевивы из ремней и змеиных хоботов... В этом хаосе сплетений всякая естественная форма принимает вид чудовища, которое, однако, рассчитано не на то, чтобы пугать воображение, а на то, чтобы затейливостью группы... произвести игривое впечатление. Стиль этот вполне соответствует романскому на Западе. XIV в. есть цветущая его эпоха у нас, и именно в орнаменте русских рукописей. В течение целого столетия постоянное повторение одних и тех же сюжетов привело к замечательной художественной обработке этих фантастических групп, связанных игривыми линиями перевития. В тонком киноварном очерке, фигуры эти, обыкновенно белые, с светложелтыми нежными полосками и с черными кружками, выступают на синем, красном или зеленом и даже на черном фоне» (Буслаев). С XV ст. появляется снова измененный византийский стиль, в котором отмечаются два течения: а) юго-

¹⁾ Напр. кн. Святослав с семейством в изборнике Святослава (1073 г.); кн. Ярополк Владимиро-Волынский и Галицкий и кн. Ирина (Грирская псалтырь). Большое количество миниатюр портретного и ценного бытового характера в сказании о св. Борисе и Глебе XIV в., здесь миниатюры являются копиями более ранних образцов.

славянский: «с первого взгляда заставки—напоминают стиль терратологический:—те же сплетения, только не змеиных хвостов, а ремней и веток, но звери, чудовища и человеческие фигуры отсутствуют» (Буслаев), б) стиль фряжский или западный. Вместо геометрических линий, которым в византийских заставках подчиняются ветви, листья и цветы, здесь растительная природа изображается более реально в своих естественных красках.

Переписанные книги для сохранности переплетались; устройство обыкновенного переплета было очень примитивно: тетради пришивались к бичевке или ремню, которые затем вделывались в деревянные доски, служившие крышками. Доски обтягивались кожей, парчей или иной материей. К крышкам непременно приделывались кожаные ремешки для завязывания, или металлические застежки; на кожаных переплетах делались тиснения, для которых прибегали к вырезыванию на доске разных узоров, прописных фигурных букв или целых строк в обратном порядке. Кроме простых переплетов делались переплеты драгоценные, выполненные искусными мастерами; иногда книгу посылали для переплета в Византию. Переплеты обивались золотом и серебром, украшались жемчугом и драгоценными камнями, в них вставлялись иконки.

По подсчету, произведенному в 1897 г. ¹⁾ сохранилось книг, написанных в период XI—XIV в.в., всего 691. Это, конечно, не все книги, имевшиеся в древней Руси, они составляют небольшую часть тогдашних богатств, ²⁾ огромное количество погибло от времени, от небрежного обращения, татарских и иных разгромов и особенно от пожаров. Однако, по сохранившимся книгам можно, до известной степени, судить о книгах погибших и вообще о древне-русских книгах.

Сохранившиеся 691 книга по столетиям разбиваются таким образом:

К XI ст. относятся	22 книги;
» XII »	86 книг;
» XIII »	142 книги;
» XIV »	441 книга.

Эти цифры рисуют постепенный рост от столетия к столетию книжной производительности; этот вывод можно принять, как бы ни относиться к значению выписанных цифр; об этом же росте книжной производительности говорит и число книг XV в., которое, по словам

¹⁾ Волков, Н. В.—Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. (Памятники древней письменности С XXIII). 1897.

²⁾ Н. В. Волков определяет общее количество книг, имевшихся на Руси в первые $\frac{1}{2}$ века после принятия христианства, приблизительно в 20.000. Op. cit. p. 11—12.

Н. В. Волкова, по меньшей мере вдвое превышало количество книг за 4 предшествовавшие столетия.

Указанные 691 книга по отделам распределяются так:

Книг священного писания	226, в том числе 139 евангелий;
Книг богослужебных	261
Творений отцов церкви.	78
Духовно-нравств. сборников.	108
Церковное и гражданское право	11
Исторические книги	6
Отрывок неизв. содерж. (поучение)	1

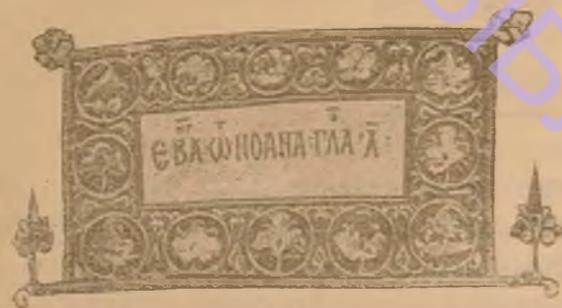
691

Чрезвычайно знаменательное распределение. Оно указывает на самую тесную связь, существовавшую между нуждами церкви в книгах священного писания, богослужебных и иных (вплоть до юридических—Кормчая сохранилась в 9 экземплярах) и книжной производительностью. Если имеют какое нибудь значение приведенные цифры, то из них можно сделать тот вывод, что рост книжной производительности определялся не столько ростом просвещения и нуждами общества, сколько увеличением церковного строительства. Ведь для каждой новой церкви требовалось хоть сколько нибудь книг, если не полный комплект богослужебных книг. Нужно думать, что значительная доля древне-русских книг принадлежала церквям и монастырям.—Это явствует, впрочем, помимо факта поголовной неграмотности, из дороговизны книг и бедности масс. Книга доступна только немногочисленным группам очень богатых людей (князья, бояре, высшее духовенство). Если книгу приобретали, ее чаще всего передавали в монастырь на помин души. Как на Западе, книга передавалась из поколения в поколение, даже отдельные экземпляры книг упоминались в духовных завещаниях, книгу хранили с наиболее ценными вещами. Обладание книгой могло вызывать даже всякие нехорошие подозрения. Еще в XVI ст. на одной книге была такая надпись «Сіа книга Никольскаго попа Никиты Исаева, а не церковная, и никто тое книги въ тое церковь Божію вкладу не далъ ни на поминъ души своей, а досталась та книга ему попу Никитѣ послѣ родича своего Тимофея Иванова сына Панина и въ переплетѣ давалъ и прописныя слова прописывалъ своими деньгами, а не церковными, и никому до тое книги дѣла нѣтъ, а сію книгу подписывалъ попъ Никита Исаевъ самъ своею рукою» ¹⁾.

Самым древним памятником русского книгописания, сохранившимся до наших дней, является Евангелие, писанное в 1056—1057 гг.

¹⁾ Фрейман, Ex libris, П. 1922 стр. 34.

диаконом Григорием для новгородского посадника Остромира («Остромирово Евангелие»), принадлежавшее новгородскому Софийскому собору. Оно содержит 294 пергаментных листа, длиною в 8 вершк., шириною около 7, писано крупным, красивым уставом в два столбца, 18 строк в каждом, местами украшено фигурными заставками и начальными буквами, раскрашенными золотом и серебром; три страницы заняты изображениями трех евангелистов; изображения сделаны, по-

СКОНИТЪ СЛОВО	ЖНОТЪ БЪ СЪ БЪ ТЪ
НАЛКОКОТЪ	УЛВЪ КОЛЪ ТЪ НСВЪ
БЪ НА БЪ	ТЪ КЪ ТЪ БЪ СЪ БЪ ТИ
СЛОВО СЪ БЪ	ТЪ СЪ НТЪ МАНГО
НЕКОНОУ	НЕОБАТА БЪ СЪ ТЪ
БЪ НТЪ МЪ ВЪ СЪ БЪ	УЛЪ КЪ СЪ СЪ ЗЛА НЪ
ШАДЪ НЪ СЪ НЕГО Н	ОТЪ БЪ НЕ МАН СЪ ОУ
УЪ ТО ЖЕ НЕ ВЪ СЪ ТЪ	НО АНЪ ТЪ ТЪ И НЪ ДЪ
НЖЪ БЪ СЪ ТЪ ВЪ АТО	ВЪ СЪ КЪ ДЪ ТЪ ЕЛЪ
ПЪ ЖНКОТЪ ВЪ Н	СЪ БЪ ДАСЪ ВЪ ДЪ ТЪ

Первая страница Остромирова евангелия (уменьшено)

видимому, заезжим греком, а другие украшения — писцом. Остромирово Евангелие хранится в настоящее время в Государственной Публичной Библиотеке в Петербурге¹⁾.

Повидимому, из Византии древняя Русь получила особый вид гадания, орудием которого являлись книги; для этого или составлялись специальные «гадальные книги» или приспособлялись обычные, преимущественно пророческие книги или Псалтырь. Приспособление заключалось в том, что внизу различных страниц книги приписывались особенные фразы, в которых можно было найти ответ на интересующий вопрос,

напр. «господня благодать и украшение твое будет», «услышит бог молитву твою», «от печали в радость приходя многу» и т. п.²⁾. Первые известия об изобретении Иоганна Гутенберга стали проникать в Москву во второй половине XV в. Но почва для развития книгопечатания была неблагоприятная: нужда в книге видно вполне удовлетворялась домашними средствами и книгопечатание было объявлено ересью, «дьявольским навождением». Еще долго пришлось ждать, пока печатный станок появился в Москве. Между тем, в других славянских землях начинает уже появляться печатная книга. В 1475 г. в Праге напечатан на чешском языке «Новый Завет» готическим шрифтом, в 1491 г. напечатан в Кракове «Часослов», впервые славянскими бук-

¹⁾ Имеются два факсимилированных издания И. Савинова.

²⁾ Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб. 1871, стр. 41.

вами. Наконец, в 1517 г. в Праге появляется «Учебная Псалтырь», первая книга, напечатанная на русском языке. Ее издателем был врач Франциск Скорина, из Полоцка (годы его рождения и смерти неизвестны, вообще о нем имеются очень скудные сведения, как и о других первопечатниках), с именем которого связан ряд русских изданий (15 ветхозаветных книг под общим заглавием «Библия руска выложена докторомъ Францискомъ Скориною изъ славного града Полоцка, Богу чти и людемъ посполитымъ къ доброму поучению», 1525 г.—уже в Вильне—Апостол и др.). Скорина был не только издателем, он являлся переводчиком, много потрудившимся над передаваемыми на русский язык текстами; как видно из его предисловий к некоторым изданиям, он руководствовался просветительными целями: он стремился к тому, чтобы сделать священное писание доступным простым людям, для этого же его издания, по его словам, иллюстрировались гравюрами. Его языком был язык тогдашнего русского запада, т. е. белорусский.

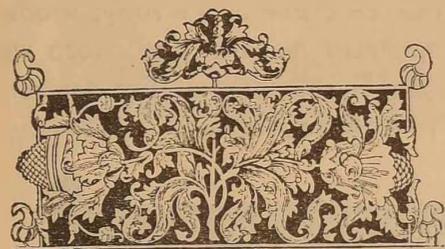
В техническом отношении издания Ф. Скорины стоят высоко. Они напечатаны на прекрасной бумаге, небольшого формата (20 строк на странице в виленском издании) и приравняются знатоками к лучшим венецианским и немецким изданиям той эпохи. Шрифты отличаются чистотою, ясностью, четкостью и изящными формами. Украшениями служат инициалы в рамках, заставки и упомянутые гравюры.

Изображение евангелиста Луки в Остромировом Евангелии.

В 1562 г. выходит на русском языке сочиненный «Катехизис» в местечке Несвиже Слуцкого у. Минской губ. Это издание книги связывается с именем писателя и переводчика Сиомона Будного, подобно Скорине стремившегося дать книгу «для простыхъ людей языка руского», «для детокъ христіанскихъ языка руского». Перед заглавием книги изящная фигурная заставка; шрифт Катехизиса напоминает шрифт изданий Скорины и вызывает мысль о подражании. Впоследствии С. Будный печатает польские книги.

Наконец, в 1564 г. в Москве выходит первая печатная книга «Апостол». ¹⁾ Обстоятельства ее такого позднего появления заслуживают внимания. Книгопечатание вышло в Москве не из общественной среды и не из инициативы населения. Нужны были продолжительные увещания просвещенных иностранцев в правительственной среде, чтобы простая мысль пустила, наконец, корни и перешла в дело. Как известно, условия размножения писанных книг и невежество переписчиков приводили к накоплению ошибок, с каждым новым списком все увеличивавшемся. Суеверную совесть людей,—видевших всю религиозность в обряде, а на молитву смотревших, как на заклинание, в котором всякая буква должна стоять на своем месте,—чрезвычайно тревожило

ТѢМЪ КНИГАМЪ ВЪ ЦЕРКВАХЪ БОЖИХЪ ЧТУТЬ И ПОЮТЬ И ПИШУТЬ СЪ НИХЪ;

употребление «неправильных» книг. В 28 главе «Стоглава» подчеркнута: «писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ (не исправляют) же; опись (описка, ошибка) къ описи прибываетъ, и недописи и точки непрямыя; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божихъ чтуть и поють и пишутъ съ нихъ»; авторов, очевидно, беспокоит мысль, что чтение и пение по таким книгам с описями будет, пожалуй, безрезультатно. Были применены репрессивные меры против покупателей и продавцов «растленных» книг, но не помогло. Понемногу стали сверять переводы, исправлять ошибки, наконец, решили печатать, чтобы получать однообразные, как бы канонические тексты. С 1553 по 1563 строился печатный двор и производилось оборудование типографии (на Никольской ул., где помещалась Синодальная типография) и 19 апреля

Первый лист из Апостола 1564 г.

1563 г. можно было приступить к печатанию упомянутого «Апостола». Первыми русскими мастерами печатного дела были: Иван Федоров дьякон Николо Гостунской церкви и его помощник Петр Тимофеев Мстиславец. Сведения об этих замечательных деятелях у нас скудны.

¹⁾ Впрочем, некоторые недатированные старопечатные книги (два евангелия разной печати и одна учебная псалтирь) библиографами относятся к периоду 1553—1563 гг. Обстоятельства их печатания совершенно неизвестны.

мы не знаем ни времени их рождения, ни обстоятельств или даже места обучения их типографскому делу. Есть много оснований говорить об итальянских влияниях на печатное дело в раннюю пору его существования в Москве: оно сказалось в орнаментации первопечатных книг, в типографских терминах, упоминаемых первопечатниками; конкретные обстоятельства восприятия этих влияний не известны.

1 марта 1564 г. печатание книги «Дѣянїя апостольска и посланїя соборная и святого апостола Павла посланїя» было окончено. Эта книга напечатана на плотной голландской бумаге в лист малого формата, на 267 листах, по 25 строк на странице; листы перенумерованы кириллицей; перед началом и отдельными главами заставки, в начале изображение евангелиста Луки (первая гравюра на дереве в России), большие инициалы (стилизация листвы), вязь. Шрифт сделан, видимо, рукой русского мастера, он напоминает крупный полуустав рукописей XVI в. с небольшим наклоном букв на правую сторону. «Красивые и соразмерные шрифты, отменно четкие, тщательный оттиск, изящные заглавные буквы и заголовки, искусно резанные на дереве—все это.. заставляет удивляться совершенству этой замечательной книги» ¹⁾. К перечисленным достоинствам надо добавить чрезвычайно тщательную верстку набора, повсюду безукоризненно прямые линии строк и страниц, исправную в общем приводку киноварных букв и строк к чернильным. Однако имеются и недостатки, из которых самым крупным является неравномерность промежутков, отделяющих одно слово от другого; часто встречаются по нескольку слов, напечатанных без всяких разделений ²⁾.

В 1565 г. теми же первопечатниками отпечатан Часовник (172 листа). Не позднее 1568 г. было напечатано ими же Евангелие.—На этом деятельность первопечатников в Москве прекратилась: типография была подожжена, а мастерам пришлось бежать за-границу. Иван Федоров рассказывал впоследствии о каких-то преследованиях, завистниках и клеветниках; однако он мог увезти с собой шрифты и украшения Апостола. В 1568 г. первопечатники уже подвизаются в Литве, устроившись под покровительство литовского сановника, кн. Хоткевича, в местечке Заблудове Белостокского у. Гродненской губ.

В 1569 г. выходит «Евангелие учительское», отпечатанное шрифтом и снабженное украшениями московского «Апостола», в 1570 г. «Псалтирь с часословцем». А Петр Мстиславцев печатал в Вильне, его первой книгой было «Четвероевангелие» (1575), а затем, «Псалтирь» (1576). Дальнейших сведений об этом книгопечатнике нет. Иван же Федоров должен был прекратить по капризу старика Хоткевича свою работу и

¹⁾ Либрович—История книги в России. М. 1914, стр. 58.

²⁾ Энциклопедический Словарь Брокгауз—Ефрона, полут. 65 «Типографское дело».

заняться на подаренной ему престарелым барином земле хлебопашеством. Глубокая тяга к излюбленному делу не давала покоя. И вот в 1674 г. он уже печатает „Апостола“ в Львове по образцу первого московского. В послесловии к этому изданию Иван Федоров рассказывает об обстоятельствах, приведших его из Москвы через Заблудово в Львов. В 1579 г. Иван Федоров уже состоит на службе у знаменитого Киевского воеводы Константина Острожского, в 1580 г. печатает в

БГА БАГАТО БАГТИЮ НУЛКО
 ЛЮБИМЪ, ВЪБАГТИН ГА
 НАШЕГО ІС ХА • ПОДЪБИСТВЪ
 СТГО АХА • НАЧАІА НСОБЕРШЕНА
 БЫСТЬ • СІА КНИГА НОВАГО ЗА
 ВЪТА • ПОВЕЛѢНІЕМЪ БАГО
 ЧТИВАГО КНЗА КОНСТАНТИНА
 КОНСТАНТИНОВИЧА • НАРЕЧЕННА
 ВЪСТРОЖСКОМУ КРЩЕНІН ВАСИЛІА
 КИЖАТИ ОСТРОЖСКАГО ВЪВЪДО
 КІЕВСКАГО • МАРШАЛКА ДЕМАН
 ВОЛЫНЬСКІЕ СТАРОСТЫ ВЛАДИМЕ
 ВІКАГО, НПРОЧАА • ВЪВЪТОСПЕА
 ЕМО ГРАДѢ ІТО ШЧИЗНІ ОСТРОЖС
 МНОГО ГРЪШНИМЪ ІОАННИМЪ
 ДЕОДОРОВИМЪ СНОМЪ ЗМО
 ІКВЫ • ВЛѢТО ШСОЗДА
 НІА МІРЪ, З ШВО
 ПЛЩЕНІАЖЕ СПТВ
 ЛА НАШЕГО
 ІС ХА •
 А, Ф, П •

Послесловие „Нового Завета“ 1581 г.
 изд. кн. Острожского

Остроге Псалтирь и Новый Завет (1581 г.), а в следующем году выходит напечатанная им Острожская Библия. „По красоте шрифтов, по чистоте и изяществу типографской отделки Острожская Библия не уступает лучшим изданиям европейских типографий того времени“¹⁾. В 1583 г. Иван Федоров скончался в Львове среди широких издательских планов. Основанная им типография была продана за долги и перешла в руки Львовского братства, прославленного своей борьбой за православие; его типография и до сих пор существует под именем Ставропигальной. Родина оказалась суровой мачехой для одного из лучших своих сыновей и его тяжелая судьба была до известной степени предзнаменована тернистого пути русской печати!

После отъезда Ивана Федорова из Москвы типографское дело здесь с трудом налаживалось. Вновь оборудованная (в 1568 г.) типография в Александровской Слободке работала плохо, так что до конца царствования Ивана IV вышло в Московском государстве всего две книги. „Учебная Псалтирь“ 1568 г. напечатана полууставом московских первопечатников, все украшения также напоминают—„Апостола“, кроме больших заглавных букв, являющихся сочетаниями древесных сучьев и черных листьев, заново вырезанных для этого издания, как и изображение царя Давида, пишущего псалмы, в

¹⁾ Булгаков, Иллюстрированная история книгопечатания, стр. 263.

роскошном дворце, украшенном многочисленными четырехугольными колоннами с лиственной капителью. Второй книгой была „Псалтирь“ (1576) напечатанная по образцу предшествовавшей.

Центрами русского и церковно-славянского книгопечатания были восточные города Польско-Литовского государства, где борьба с католицизмом и протестантизмом вызывала усиленную работу типографий на защиту православия.

Помимо столицы Литвы, Вильно, где русские типографии были во второй половине 16 стол., в начале 17 стол. русские типографии имеются в м. Евью (35 верст от Вильно) с 1611 г., в Могилеве с 1616 г., в Кутейно (близ Орши Могилевской губ.) с 1630 г., в Буйничах (7 верст от Могилева) с 1635 г., в Полоцке, в Супрасле. „В общем из западно-русских типографий с конца XVI ст. по XVIII вышло до 150 изданий, напечатанных кирилловскими шрифтами“¹⁾. Среди этих книг наряду с богослужбными фигурируют славянская грамматика, азбука („наука кучитанню и разумѣнню письма славенского“), „Апокрисис, альбо отповѣдь на книжке о съборе Берестейскомъ“, „Литовский Статут“ и др. Шрифты, которыми печатались все эти книги, орнаменты, коими они украшались, весьма сходны и являются результатом заимствования одной типографии у другой. Поэтому определение места напечатания той или другой книги по шрифтам очень затруднительно.

На Волыни первая типография была устроена Иваном Федоровым в Остроге (уездный город Волынской губ.), для этой типографии им изготовлены разные сорта шрифтов (напр., знаменитая Библия напечатана 6 шрифтами), являвшимися образцами для других волынских типографий (напр., в Дерманском монастыре, с 1604 г.; в м. Рохманове Кременчугского у., в Четвертне, в Луцке и пр.). Во всех волынских типографиях (кроме почаевской) до XVIII стол. напечатано до 35 изданий.

Сравнительно поздно возникло книгопечатание в Киеве. Первой книгой, напечатанной здесь (в типографии Киево-Печерской Лавры), был Часослов 1617 г. В середине 17 ст. на Украине насчитывалось 24 типографии, среди них отмечают „передвижные типографии“, переносившиеся с места на место для выполнения местных заказов („Книгарь“, стр. 171 сл.). Расцвет русско-славянского книгопечатания в Киеве относится ко времени митрополита Петра Могилы (1597—1646). С половины XVII в. Киев становится центром украинского книгопечатания и книжной торговли. Книги обычно приобретались в местах печатания, продавались на ярмарках. Киев поставлял книги на всю Украину, на Москву и даже в Юго-славянские земли. Киев испытывал сильную конкуренцию со стороны Львовского братства, которое боль-

¹⁾ Булгаков, op. cit., p. 258.

шое количество книг сбывало на Украине. В самом Киеве оно продало книг в 1645 г. на 3948 зол. в 1676—1681 на 12821 золотых, а в 1690 г. на 17517 золотых. Тем не менее с половины XVII ст. перевес в книжной торговле на стороне Киева. Для продажи книг в Киеве существовало в XVII в. несколько книжных лавок: лаврская, братства (академическая), при магистрате. В братской лавке на ряду с книгами, напечатанными на Украине, были книги привезенные из Чехии, Пруссии, Австрии, Валахии, Голландии и др. („Книгарь,“ стр. 1098 сл., 810).

До XVII ст. русских книг напечатано в Киеве до 183 изданий, во многих из них—большое количество гравюр, резанных на дереве. В отличие от московской школы граверов, державшийся византийских образцов и, придававшей старинные иконописные формы даже своим западным заимствованиям, киевская школа, вместе с львовской, допускала широкие заимствования на Западе, воспроизводя свои образцы не только в деталях, но и в целом. Наконец, можно отметить Чернигов и Новгород Северск, где во второй половине XVII в. существовали типографии. В них до XVIII ст. напечатано около 50 русских книг церковного и светского содержания. Большинство из них украшено гравюрами, в которых впервые появляется светский сюжет. Цена на книги очень высокая, их покупка доступна только в складчину. Невольными приобретателями являлись духовные лица, для которых книги служили необходимыми пособиями при богослужении, замечено, что светские люди завещали свои книги церквям, а духовные—своим детям.

Книгопечатание в Москве после Ивана Грозного возобновляется только с 1589 г. До смутного времени печатаются книги исключительно богослужебные и религиозные (Триоди, Октоихи, Часословы, Апостолы, Евангелия, Служебники, Минеи и т. п.). Во главе печатного дела стоит в начале тот же Андроник Тимофей Невежа, который подвизался после отъезда Ивана Федорова. Он трудился в области книгопечатания около 35 лет (1568—1602).

От Ивана Федорова он унаследовал и шрифт и орнамент, так что изготовленные им издания напоминают первопечатные книги. После Невежи замечается острожское влияние („Четвероевангелие“ 1606 г. в лист, на 206 и 202 лист. по 17 строк на странице, с заставками и киноварью в заглавных буквах и инициалах) шрифтом этого евангелия печатались позднее другие московские евангелия; типограф Никита Федоров Фофанов вылил новый шрифт („Никитинский“), долго употреблявшийся в московской печати: по размеру и рисунку букв приближался к первопечатному.

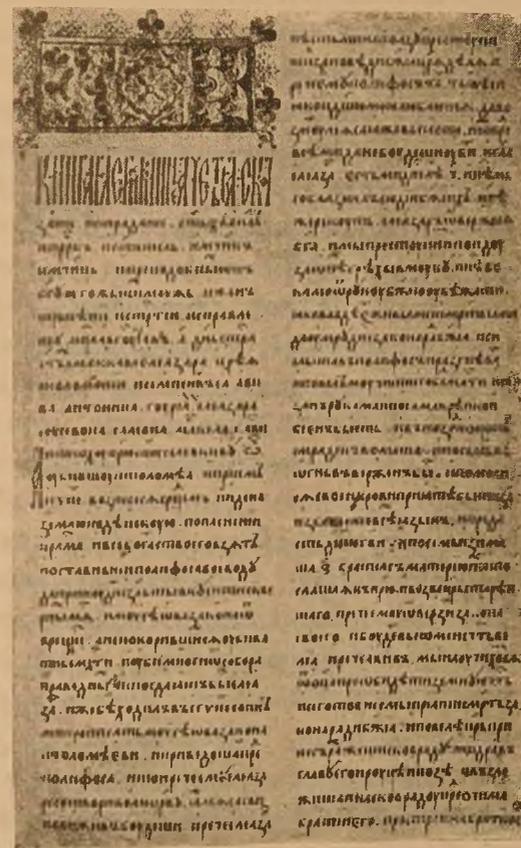
1611—1614 г. книгопечатание в Москве прекращается (печатный двор был сожжен во время захвата Москвы поляками). Есть известия, что Н. Фофанов продолжал свое дело в Нижнем-Новгороде, но его

издания не розысканы. За время с 1563 по 1611 год напечатано 35 разных изданий. Относительно одного из них („Апостол“ 1597 г.) известно, что оно печаталось в количестве 1050 экземпляров. Первпечатные книги украшались гравюрами, являвшимися продолжением миниатюр в рукописных книгах, Эти гравюры были немногочисленны и в техническом отношении очень плохо выполнены: изображения в большинстве случаев контурны, тень кладется резко, одной чертой.

Как можно заключить из сравнительно небольшого списка печатных книг книгопечатание не уничтожило в Московском государстве книгописания. Большинство книг московский человек все еще знал в списках, да и по цене, повидимому, рукописные книги были дешевле первопечатных, обходившихся очень дорого. У иностранцев, посещавших Россию в конце XVI и начале XVII стол. сложилось такое впечатление, что страна употребляет писанные книги: „русские все свои книги переписывают, а не печатают“ (Поссевин), „русские книги почти все рукописные“ (Маржерет). Печатание все еще оставалось заботой правительства, имевшего в виду удовлетворение нужд богослужения, особенно во вновь присоединенных к Москве областях (Казань, Астрахань, Сибирь).

Среди печатников много духовных лиц. Частные лица являлись также приобретателями печатных книг, как для собственных нужд, так и для нужд церквей, о чем свидетельствуют надписи на многих из дошедших до нас старинных книг. В этом отношении представляет большой интерес список книг, принадлежавших Строгановым, список датированный 1578 г. ¹⁾ В нем содержится 208 книг при 84 названиях

¹⁾ См. Sertum bibliologicum в честь президента русского библиологического общества, проф. А. И. Малеина. Петербург. 1922. Статья Н. Г. Богдановой „Книжные богатства Строгановых в 1578“.

Снимок с рукописи „Четьихъ Минеи (XVI в) (уменьшено)

(одних евангелий перечислено 27 экземпляров); эти книги фигурируют в деловой записи (в документе о разделе имущества) наряду со всяким иным движимым и недвижимым имуществом (дворы, соляные варницы, яхонт, жемчуг, золото и пр.). Состав книг преимущественно религиозный, хотя имеются философские и исторические; большинство книг рукописные, а среди печатных имеются вышедшие не только из московских, но из литовских типографий. Хотя приверженцы старины поглядывали на них косо, к ним все же привыкали. Правильной книжной торговли в XVI ст. не было. Книгу можно было купить или на печатном дворе, или на „торжище“ среди других товаров..

В XVII столетии, после смуты, книгопечатание в Москве расширяется. Уже 1614 году восстанавливается Никитой Фофановым, выванным из Нижнего, типография. В 1615 г. выходит после четырехлетнего перерыва новая книга. В 1620 г. отстраивается заново печатный двор, который затем, в течение 17 столетия, не раз перестраивается и расширяется. В нем помещается помимо типографии, словолитни, резной, переплетной и пр. „правильня“ или „правильная палата“, где производился предварительный (перед печатанием) просмотр и исправление книг. „Правильная палата“ для своих работ нуждалась в большом количестве рукописных и печатных книг, которые тщательно собирались со всех концов, постепенно образовалась богатая библиотека редких изданий и рукописей (будущая синодальная); составлен список книг, хранившихся в различных монастырях г. Москвы, чтобы при случае можно было ими воспользоваться. Тут же в Печатном Дворе помещался Печатный приказ, в ведении которого находилась типография. Всего в Печатном Дворе в царствование Алексея Михайловича служило 160 душ.

Разные специалисты получали в типографии разное жалованье: управляющие типографией получали в год 15 руб., ржи 15 четей, овса тоже; словолитцы, знаменщики (рисовальщики) и резцы по 10 рубл., ржи и овса по 13—14 четей; столяр—8 р., ржи и овса по 13 четей и т. п.

В течение XVII в. выработался определенный ритуал печатания книги. Книга печаталась по царскому указу и по благословию патриарха. Перед печатанием книги служили молебны. По отпечатании книги, отдельные экземпляры подносились царю, патриарху, а также членам царской семьи. Бесплатные экземпляры получали справщики. Затем книги поступали в продажу, цена назначалась „по указу великого государя“. Цена обычно вдвое превышала себестоимость, которая была очень высокая, особенно вследствие дороговизны бумаги, все еще привозившейся из за-границы. Понятно, поэтому, что и книги стоили очень дорого. Вот ряд примеров: „Апостол“ 1635 г. стоил 16 р. 80 к. золотом (по цене довоенного времени); Псалтирь 1642 г.

8 р. 40 к., Минея общая 1635 г.—28 рубл. и т. п. Это были цены указные, которые при продаже нарушались. Книг дешевле 10—20 р. не было, и книга все еще оставалась монополией богатых людей или учреждений. Естественно, что в первую половину XVII стол. все еще растет количество переписчиков, манускрипты которых стоят дешевле, да и могут быть разнообразнее по содержанию.

От 1615 по 1645 г. было издано всего 180 названий книг (в среднем по 6 книг в год) в подавляющем большинстве богослужебного характера. Многие выдержали несколько изданий: Псалтирь—29, Апостол—10, Часовник—15, Евангелие—14, Служебник—14, Минея Общая—11. Каждое издание печаталось в количестве 500—1200 экземпляров. Кроме богослужебных книг издана Азбука Бурцева (2 изд.). Издание подобного рода книг значительно усиливается в следующие 30 лет. От 1645 по 1676 г. всего издано 187 книг. (средняя не меняется). Вновь изданная в 1649 г. Азбука Бурцева в количестве 6000 экзempl. распродана в 3 мес. Очень быстро разошлось ее издание 1651 г. в 2400 экз. ¹⁾ В 1648 г. Азбука Милетия Смотрицкого издана в 1200 экзempl. по 6½ рубл. золотом на наши деньги. В 1649 г. вышла книга о „ратном строении“, 35 таблиц и гравюра на меди для этого издания были изготовлены в Голландии по рисункам русского иконописца; вообще это была первая гравюра на меди в русской книге. В том же (1649) году „Соборное Уложение царя Алексея Михайловича“ выдержало 3 издания.

Если Азбуки проникали в широкие круги общества (разумеется, не в массы, для которых они все таки были дороги и чужды), то последние книги интересовали сравнительно узкий круг чиновников и военных. Помимо книг, напечатанных „по указу государеву“, в эту эпоху в разных тайных типографиях печатались раскольниковы книги. Светская и духовная власть энергично боролась с этой „нелегальщиной“ XVII в., многие произведения оказались истребленными, сохранившиеся составляют величайшую библиографическую редкость. Общий их учет невозможен. Факт их появления показывает, что и сторонники старины проникались мыслью о пользе книгопечатания.

Книги этого времени достигли высокого технического совершенства. Многие из них снабжены красивыми титульными листами и хорошими гравюрами. Шрифт Библии 1663 г. и до сих пор употребляется в церковно-славянских книгах.

Во второй половине XVII в. составлен важный библиографический труд „Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ“ (автор неизвестен). Составленный с чисто практической целью—выяснить, какие греческие книги еще не переведены и не напечатаны,—этот труд по своей полноте и приемам библиографического описания считается образцовым.

¹⁾ Либрович говорит (цитир. сочин., стр. 154): «в один день».

Продажа книг, изданных Печатным Двором, производилась отчасти в двух лавочках, устроенных в здании печатного двора; однако сюда поступили не все книги. Другую часть книг печатный приказ непосредственно рассылал в города и епархии, которые высылали ему деньги, собирая последние с тех учреждений, в пользование которых книги в конце концов поступали. В Москве продавались книги не только на печатном дворе: сюда привозились, как упомянуто, книги из Киева и друг. городов Украины. Известна, напр., отправка партии в 427 книг Печерского монастыря для продажи в Москву в 1672 г. одновременно с ней перевоз другой партии в 113 книг. Несколько позднее Печерская Лавра отправила двух своих мастеров с книгами собственного изготовления. Мастера сняли лавку и открыли в ней продажу книг, иногда по ценам ниже московских. Продавались книги в других городах (засвидетельствована продажа книг в Новгороде, в Енисейске).

В последние годы XVII в. книгопечатание в Москве возрастает. В 1679 г. в Печатном Дворе открывается школа печатного дела. За шесть лет (1676—1682) издается 105 книг (средняя годовая—17,5) только религиозного содержания. Издаются книги против раскольников, оригинальные произведения киевских и московских писателей. В 1685 г. напечатана первая русская пьеса „История о блудном сыне“ с 37 гравюрами. Рукописная книга сохраняется, но ее значение падает. Ее область—разного рода „истории“ и „повести“: „О Петре златых ключах“, „О благородной и прекрасной Мелюзине“, „Бове Королевиче“, „Повесть о судье Шемякине“ и т. п., а также всякие сборники, содержавшие таинственные медицинские и астрономические сведения, наконец, исторические „хронографы“. Печатная книга падает в цене и становится дешевле рукописной. Однако рукописная книга, благодаря занимательности содержания, все еще достаточно распространена. Книга продолжает сохранять роль семейной драгоценности; на книге, особенно религиозного содержания, все еще отмечаются важнейшие события семейной, общественной и даже стихийной жизни. На книге отмечаются посмертные распоряжения ее собственника и т. п.

К концу же XVII ст. относится сведение, характеризующее пробуждение в русском обществе сознания производственного значения книги: в 1681 г. в Россию прибыл „бархатный мастер“ Захар Паульсен (его в Москве именовали Павлов); в открытое им предприятие были отданы на обучение русские молодые люди. По истечении срока обучения, на экзамене, обнаружилось, что кое чему ученики обучились, а кое каких работ они не успели узнать. „На экзамене они просили, чтобы их выучили этим работам и чтобы имеющиеся у мастера книги на французском, немецком и голландском языках о крашении шелка

и о накладывании узоров были переведены для них на славянский язык“. Книги были переведены ¹⁾.

Начало XVIII ст. (царствование Петра I) составляет эпоху в истории русской книги. Во-первых, возрастает количество типографий. Наряду с типографией печатного двора в Москве была заведена новая, так называемая, гражданская типография. В 1711 г. появляется первая типография в Петербурге, а после 1720 г. еще несколько (при Александро-Невской лавре, при сенате, при морской академии).

Во-вторых, радикально изменяется шрифт для книгопечатания на русском (а не церковно-славянском) языке. Еще во время первого пребывания Петра за-границей в Амстердаме был напечатан на русском языке ряд книг специально видоизмененным шрифтом, резко отличавшимся от прежней кириллицы и приближавшимся своими очертаниями к латинскому шрифту. В 1707 г. новый гражданский шрифт был отлит в Москве, при чем все надстрочные знаки (ударения, знаки сокращений) были уничтожены. Первою напечатанною этим шрифтом книгою была „Геометрія славенскі землемѣріе“ в 4-ку, на 233 стр. с фронтисписом, резаным на меди, и 135 чертежами (1708 г.). Новым шрифтом до 1710 г. было напечатано 14 книг, а в 1710 г. этот шрифт подвергся дальнейшему изменению в направлении уничтожения остатков церковнославянской азбуки, при чем три буквы (от, кси и пси) были совершенно уничтожены в русском алфавите. Однако современную форму начертания своих знаков наш алфавит получил позднее в течение XVIII ст. (напр. при Петре буква з печаталась как латинское s—семлемѣріе, над буквой і или не ставилось никакого знака или ставили две точки—ї, буква т печаталась, как пишется теперь—тремя палочками, как перевернутое ш, и т. п.). Новый шрифт, с нашей точки зрения, сделал печатную страницу чище и красивее, а в петровское время он несколько затруднил для московского грамотея пользование нсвой книгой, ведь этот грамотей и привычную церковную печать разбирал с трудом.

В третьих, совершенно изменился состав печатных книг. Из 600 книг, выход которых относится к первой четверти XVIII в. (по 24 книги в год; сюда включены книги, напечатанные в Киеве, преимущественно церковные, и в Чернигове) только 48 богослужебных, остальные в подавляющем большинстве носят характер учебных и научно-прикладных технических, исторических. В эту эпоху создается ряд учебников, по которым затем учится несколько поколений русской молодежи, напр. „Арифметика“ Магницкого с применением арабских цифр ²⁾ (в стихах) и др. В составе петровских книг большое количество переводов по

¹⁾ Кулишер. I. М.—Очерк истории русской промышленности. Петерб. 1922. Стр. 88.

²⁾ Арабские цифры в России также вошли в употребление с петровского времени.

разным отраслям знаний. Книга носит строго утилитарный характер, хотя бы ее содержание было посвящено составлению всякого рода писем или правилам хорошего тона. Украшением ей служит изящно выполненная гравюра аллегорического содержания на титульном листе.—Типография всецело стоит на службе у правительства: она освещает и защищает его внутреннюю и внешнюю политику, публикует правительственные указы и распоряжения, обеспечивает учебными пособиями новые, правительством учрежденные учебные заведения. Общественная оппозиция или свободная любознательность вынуждены прибегать к рукописи или тайной типографии.

К этому же времени относится возникновение предварительной цензуры: в 1721 г. было запрещено печатать богословские книги без разрешения „Коллегиума“ по церковным делам (синода).

Для продажи книг в петербургском гостинном дворе устроена казенная лавка, где в беспорядке на полках и на полу свалены произведения правительственных типографий. Торговля шла, видно, плохо, потому что все типографии были завалены нераспроданными изданиями, которые затем приходилось употреблять на обертки или уничтожать. Исключение составляли некоторые книги, получившие большую популярность, напр., календарь приписанный молвой Брюсу, под наблюдением которого он печатался; в календаре различные данные рассчитаны на много лет вперед, в нем имелось много практически полезных сведений. Календарь надолго сделался любимой (и часто единственной) книгой ленивого русского читателя.—Далее, были популярны: „Юности честное зеркало или показаніе къ житейскому обхождению“ или „Первое учение отрокам“ и т. п.

Не большим успехом, чем петровская книга, пользовалась и петровская газета.—Со 2 января 1703 г. в Москве стали выходить „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ делахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся в Московскомъ Государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ“—небольшая осьмушка почти без полей, от 2 до 7 листов. Содержание черпалось из иностранных газет и из материалов правительственных канцелярий. В течение 1703 г. вышло 39 номеров. С 1710 г. по 1717 г. Ведомости печатаются то славянским то гражданским шрифтом, а с 1717 г. гражданским. „Вѣдомости“ издавались в количестве 100 экземпляров, продавались по 2 коп., но не расходились. Тем не менее начало было положено. Первоначальные Ведомости существовали до 1827 г. Со 2 января 1728 г. стали выходит, просуществовавшие более 150 лет. „С.-Петербургские Ведомости“. В Москве только в 1756 г. появилась своя газета „Московские Ведомости“.

После смерти Петра I книжное дело сначала сократилось, хотя и шло по тому руслу, которое было проложено в первую четверть XVIII

стол., а затем свернуло на новую дорогу, значительно более широкую. Восемнадцатый век явился временем необычайных успехов русской внешней политики; границы государства расширились, народонаселение увеличилось; русский помещик получил дополнительные доходы в виде хороших окладов гражданской и военной службы, грабежа провинций, подарков от двора, наконец, расширившегося сбыта своего сырья за границу. Упивающееся своими успехами крепостническое дворянство жадно цепляется за свои привилегии, ищет удовольствий и к литературе предъявляет невысокие требования—„лимонада“ после обеда, разумеется, нужного для него, а не для подлого народа, который вообще не следует обучать грамоте, дабы не отвлекать от черной работы (указ Анны Ивановны от 12 декабря 1735 года)... Вместе с тем, растет российское купечество, вырабатывающее свою идеологию; промышленная буржуазия становится твердой ногой. Растет чиновничество, образуется прослойка интеллигенции. Общественное строение усложняется. Взрывы крестьянских мятежей вскрывают социальные противоречия, появляется почва для публицистики, помещичья диктатура в центре и в деревне уже вызывает оппозицию, уже между самодержавно-крепостническим режимом и оппозицией завязывается борьба—пока лишь в литературе, которая естественно углубляется и усиливается. Появляется новый читатель и в большем против прежнего количестве. Спрос на книгу повышается. Растет книжная торговля. Результаты намеченного развития сказываются к концу столетия (царствование Екатерины II).

В 1728 г. в Петербурге остается только две типографии, московская типография становится синодальной и печатает только церковные книги (до конца столетия 730). Академия Наук, получив в свои руки типографию, совершенствует гражданскую азбуку, со временем совершенно вытесняющую старую кириллицу,—вводит орфографию, употреблявшуюся до последнего времени, и расстановку знаков препинания. Проводниками ее влияния были календари, в огромном количестве монополично (указы 1739 и 1780 гг.) издававшиеся ею и распространявшиеся в стране.

В первые годы второй четверти XVIII в. можно отметить случаи стеснения печати. В 1732 г. была арестована резко протестантская книга „Камень вѣры“; издатель епископ Феофилакт Лопатинский был лишен сана и заключен в Выборгский замок. Академик Демиль не получает разрешения на печатание книги „О движении земли (1728)“. Печатание древних русских хронографов встретило возражение синода, который указывал, что в них содержится много лжи и что их издание принесет убыток казне. Производство книг с 1726 по 1730 падает всего до 33 названий, т. е. по 6,6 в год.

В Анненское время (1730—1740) книжное производство увеличивается, однако появляется больше книг не технического, а поэтического и исторического содержания. Уже трудится над историческими материалами В. И. Татищев, уже работает над русским языком В. Тредьяковский, уже настраивает свою лиру М. В. Ломоносов. Однако не все попадает в печать. Сатира Кантемира распространяется в списках. За десятилетие вышло 140 книг. В последующее время расширяется периодическая печать. В 1755 г. выходит первый в России научно-литературный журнал „Ежемесячные сочинения и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе“; в 1756 — „Московскія Вѣдомости“. В 1759 г. появляется первый журнал частной инициативы (Сумрокова) „Трудолюбивая Пчела“, в 1760 — „Полезное Увеселение“ (Хераскова). За время с 1740 по 1760 г. издано 600 книг (в среднем по 30 в год). Увеличилось количество типографий.

В Екатерининское время (1762—1796) печати сначала „покровительствуют“, потом ее стесняют. Сначала говорят о свободе печати, о бессмысленности преследований. Разрешают по особым ходатайствам открывать типографии частным лицам. С 1769 г. в Москве действует первая частная типография. В 1783 г. издается знаменитый указ о вольности типографий, коим вводится явочный порядок открытия типографий, но в то же время надзор за печатью передается управам благочиния, печатание неразрешенных книг карается конфискацией и другими наказаниями.

Эра екатерининского либерализма сопровождается необычайным литературным оживлением. Появляется огромное количество переводных французских, сентиментальных английских и иных романов (в общем 540, около трети — французские), составляющих любимое чтение, ряд серьезных журналов. В 1764 г. издавалось около 20 журналов. После 1783 г. появляется много частных типографий, как в Петербурге, Москве, так и в провинции; даже в далеком Тобольске появилась типография и началась издательская деятельность купца Корнильева; раскольники перепечатывали до-Никоновские книги в своей типографии в Клинцах Черниговской губ.; масоны завели типографию в селе Пехлеце Рязанской губ. В ряде губернских городов (в том числе в Харькове) устраиваются казенные типографии при губернских правлениях. Открытие типографий становится модой; появляются типографии в имениях крупных помещиков; в них работают крепосные крестьяне, в среду которых иногда попадают крохи грамоты с барского стола. Особенно прославился роскошью своих изданий Пензенский помещик Струйский: в его типографии печатались, почти исключительно, бездарные вирши хозяина — на прекрасной бумаге, отчасти на атласе и тафте. Украшенные рамками вокруг текста, виньетками, заставками, концовками, вырезанными

на меди лучшими граверами того времени, книги подносились различным высокопоставленным лицам — вплоть до царицы, которая жаловала автора-издателя табакерками и другими знаками внимания и благодарности.

В связи с книжными деятелями эпохи особо нужно упомянуть Н. И. Новикова (1744—1818) — первого русского высоко-идейного издателя и книготорговца с широким размахом и с дарованиями крупного общественного деятеля. С его именем связано издание свыше 900 названий книг (с 1766 г.), среди которых фигурируют коллекции большого научного значения („Опыт Исторического Словаря о российских писателях“, „Древняя Российская Вивлиоинка“, „Древняя Российская Идрография“ и др.), яркие общественно-сатирические журналы („Трутень“, „Живописец“), многочисленные переводы, учебники, книги религиозно-нравственного содержания, затем (с 1776 г.) масонские книги (между прочим журнал „Утренний Свѣтъ“). Его издания в большей части были рассчитаны на широкий круг читателей.

Новиков работает не один. Сначала он организует „общество, старающееся о напечатании книг“ (1773—1774 г.г.), потом у него имеется 3 компаньона, наконец он входит в состав московского масонского кружка, который создает в 1784 г. „Типографскую Компанию“.

Вместе с издательским делом Новиков организовал книжную торговлю. У него и его товарищей было несколько книжных лавок в Москве, по образцу которых открылись на Никольской 9 других магазинов. Это было тем более замечательно, что в сущности до Новикова в Москве была одна университетская книжная лавка со 168 названиями книг, не имевшая никакого успеха. По инициативе Новикова была организована книжная торговля в ряде провинциальных городов (не менее 17, в том числе в Полтаве, Киеве). Все это свидетельствовало об успехах предприятий Новикова, а их успех говорил о росте читательских масс, вкусам которых, очевидно, отвечало идейное издательство.

Цифры книжного производства показывают рост, резко выделяющий эту эпоху из всех ей предшествовавших, однако этот рост оказывается непрерывным не до конца царствования Екатерины, а до 1790 г.

За 10 лет с 1761 по 1770	напеч.	всего	1.050 кн.,	в год по 105 книг.
„ 10 „ „ 1771 „ 1780	„	„	1.466 „	„ „ „ „ 147 „
За 5 „ „ 1781 „ 1785	„	„	986 „	„ „ „ „ 197 „
„ 5 „ „ 1786 „ 1790	„	„	1.699 „	„ „ „ „ 366 „

Между тем, условия печатного дела стали меняться. Великая французская революция (1789) не на шутку перепугала правящие круги.

27 июля 1787 г. вышел указ, запрещающий продажу „всех, до святости касающихся книг, кои не в синодальной типографии напечатаны“ и некоторых других. В результате из магазинов одного Новикова было конфисковано 313 книг, а некоторые книги были сожжены. Пострадали и другие книготорговцы.

В 1790 г. конфискована книга А. Н. Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“, а затем арестован и сослан на каторгу ее автор; в том же году сожжен первый русский перевод „Утопии“ Т. Мора („Философа Рафаила Гитладе странствование в Новом Свете и описание, любопытства достойные миролюбивого народа острова Утопии“¹⁾). Немного позднее отбирались и сжигались экземпляры трагедии Княжнина „Вадим Новгородский“. В 1792 г. арестован и заключен в Шлиссельбург Н. И. Новиков. 16 сентября 1796 г. особым указом учреждается предварительная цензура для русских книг, упраздняются частные типографии и запрещается свободный ввоз иностранных книг.

Перемена настроения в правительственных кругах, характеризующая приведенными фактами, отразилась на книжной производительности: за 1791—1795 выпущено 1.494 книги, по 299 в год. Цифра абсолютно высокая, но ниже, чем в предыдущее пятилетие.

В последнее пятилетие XVIII в. (Павел I) положение книжного дела стало еще хуже. Суровый указ Екатерины беспощадно приводился в исполнение, привоз книг из за-границы был запрещен совершенно. С 1796 по 1800 г. издано 1.166 книг, по 233 книги в год, на 60 менее средней предыдущего пятилетия.

Внешний вид русской книги в XVIII в. сделал большие успехи. Печатались книги на толстой сероватой бумаге иногда с синеватым оттенком, довольно крупным шрифтом, отличающимся толстыми линиями. Шрифты отличались четкостью и своеобразной, несколько тяжеловесной прелестью. Некоторые современные графики (напр. Д. И. Митрохин) усердно изучают и воспроизводят их в легкой стилизации). Еще сохранился обычай в конце каждой страницы печатать два первых слога (первого слова) следующей страницы. Книги все же получались несколько толстые и разбухшие. В конце века в изданиях изящной литературы тексту предпосылалась аллегорическая и сентиментальная гравюра на отдельном листе. Переплеты обычно делались кожаные, прочные; обрез бывал и ровный и с закруглениями.

В XVIII ст. книга в народ проникает очень слабо в виду его безграмотности. Зато широкое распространение получает лубок—картина

¹⁾ Впрочем встречается указание на другое издание Утопии Мора 1789 г. под заглавием: «Картина всевозможного лучшего правления, или Утопия канцлера Томаса Мора с дозволения Управы Благочиния на иждивении И. К. Шкора».

или ряд картин, выгравированных на дереве или на меди. Эти гравюры делались небрежно, раскрашивались грубо, но сопровождаемые текстом, часто в стихах, нравились и служили украшением изб и хат. Центрами производства лубков являлись Петербург, Киев, Москва. Их темы, рисунки, композиция чаще всего отражали западно-европейские оригиналы и только в Москве появлялись образцы подлинного народного творчества и остроумия (напр., погребение кота мышами, битва

ПУТЕШЕСТВИЕ,

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, спозѣвно,
и ааяй,“

Тилсмахида, Томъ II. Кн: XVIII. стк: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

бабы яги с крокодиллом — в этих картинах выразилось недовольство приверженцев старины Петром I и его реформами).

Можно не следить в дальнейшем за изменениями цензурных уставов и учреждений, на которые возлагалась обязанность наблюдения за русской литературой: в течение всего XIX в. и начала XX, за исключением моментов революционного подъема печать была стеснена административным усмотрением (особенно со времени издания знаменитого „временного положения“ об усиленной охране, отдававшего всю литературу на усмотрение губернаторов или их чиновников) и в выборе тем и в их трактовке. Тем не менее, рост торгового и промышленного капитала, образование и организация рабочего класса, освобождение крестьянства, разорение дворян, усложнение всей социальной обстановки, покрытие страны (особенно со второй половины XIX столетия) сетью железных дорог, создание банковых и акционерных предприятий—все это неудержимо толкало русскую литературу и никакие преграды не могли удержать стихийного роста книги в количественном и качественном отношении: темы расширялись, влияние литературы усиливалось, создается сначала широко культурная, а затем и политическая периодическая печать. Со времени Каткова само правительство видит себя вынужденным, помимо других способов, отстаивать свое существование с помощью ежедневной печати. Чего не договаривала легальная печать, досказывала нелегальная.

Так называемая „нелегальная“ литература заслуживает несколько более подробного освещения. Нужно принять во внимание следующее: во-первых, целый ряд замечательнейших русских писателей и мыслителей очень долго целиком, или в значительной части был под запретом и с их произведениями русское общество имело возможность знакомиться только в нелегальных изданиях. Достаточно упомянуть А. И. Герцена, П. Л. Лаврова, Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и др. Во-вторых, очень долгое время вплоть до 1905 г., самые существенные вопросы русской общественности были изъяты из ведения легальной печати, слово „конституция“ могло упоминаться только в толстых учебниках, вообще „внутренняя политика“ могла серьезно обсуждаться только в нелегальной печати; поэтому нередко обращение и „легальных“ писателей к запретному свободному слову; в третьих, легальная печать не имела возможности информировать читателей о фактах, имеющих отношение к политическому рабочему движению (забастовки, аресты); далее, главным образом, нелегальная печать формировала партийную идеологию, так как революционные партии лишь в слабой степени могли использовать в своих целях легальный типографский станок. Отсюда нелегальная литература приобретает особый интерес в качестве

важнейшего источника для истории русской общественности¹⁾, наконец, некоторые замечательные русские исторические работы могли появиться только за-границей. Достаточно напомнить книги Бильбасова о Екатерине II. Первым крупным русским заграничным издательством было начинание А. И. Герцена, знаменитый „Колокол“ которого в эпоху подготовки крестьянской реформы во весь рост показал возможное общественное значение вольной прессы. А. И. Герцен завел в Лондоне собственную типографию и помимо периодически выходивших „Колокола“ и „Полярной звезды“ издавал книги и брошюры („Юрьевъ день“, „Поляки прощаютъ насъ“, „Русскимъ воинамъ въ Польше“, „Крещенная собственность“, „Прерванные рассказы“, „Тюрьма и ссылка“, „Письма изъ Франціи и Италіи“, „Съ того берега“, „Два виденія св. Кондратія“, „Два письма Пугачева“, „Голось изъ глубины“ Н. Сазонова, „Русский Богъ“ Вяземского и др.).

Успех Герцена, общественное движение в России, последовавшее за Крымской катастрофой и смертью Николая I, дало толчок за-граничному книгопечатанию для русского рынка. Ряд немецких типографий обзаводится русскими шрифтами и охотно печатает запретную русскую книгу. „Появились русские книги и брошюры, отпечатанные в Лейпциге у Бера, в Гейдельберге у Бангеля, в Наумбурге у Петца, в Вюрцбурге у Беккера и даже штутгартская „Придворная книгопечатня“ не побрезгала принять заказ на бесцензурную рукопись. На первых порах получилась довольно пестрая смесь. Фрондировал кн. Петр Долгоруков, изобличал всех и вся Иван Головин, насаждал „конституцию“ Кошелев, боролся с католицизмом Сергей Голицын и своеобразно полемизировал с „Полярной звездой“ Елагин. Вышли из под спуда записки Ермолова, Екатерины II, декабристов...; открылась целая кампания в пользу освобождения крестьян и всплыла на поверхность подготовительная работа всевозможных редакционных комиссий“.

Более живой и близкой к действительности стала деятельность заграничных типографий с эпохи возникновения движения „в народ“ (эпоха хождения в народ). Нелегальные типографии стремятся отчасти заполнить зияющий пробел в русской литературе: отсутствие доступных народу

¹⁾ В последние годы появилось два издания, закладывающие основание систематическому изучению русской нелегальной литературы; имеем в виду: 1) Вольная русская печать в российской публичной библиотеке, под редакцией В. М. Андерсона. Гос. Изд. Петерб. 1920, in. 8°, стр. 330 + XXII. Редактор снабдил книгу введением, сообщающим некоторые сведения о развитии русской вольной печати. В книге зарегистрировано свыше 3.000 названий, вышедших из под вольного прессы в России и за-границей. 2) Русская политическая литература за-границей. Выпуск I. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883—1905 г. Составлен под редакцией Л. Каменева Госуд. Издат. М. 1922. Стр. 60 in. 4°.

В годы революционного под'ема, предшествовавшего 1905 году, разумеется, не только социал-демократия пользовалась заграничной типографией для организации движения; мелко-буржуазные социалисты-революционеры развивали значительную издательскую деятельность (их орган „Революционная Россия“); даже радикальная крупная буржуазия и фрондирующее дворянство завели свою свободную трибуну в лице „Освобождения“, которое помимо своего официального периодического органа печатало некоторые книги (напр. Записки С. Ю. Витте о проекте уничтожения земства „Самодержавие и Земство“ вышли двумя изданиями).

Произведения свободной печати на русском языке выходили не только за-границей, они в огромном количестве печатались и в России. Но в виду трудности оборудовать в России типографию, достать опытных работников, печатаются произведения сравнительно мелкие (прокламации, воззвания, листовки и т. п., редко небольшие брошюры), при чем довольно часто прибегают к гектографу, пишущей машинке, шапирографу. „Первая определенно нелегальная типография в пределах России заведена была в Петербурге летом 1851 г. Она успела выпустить три листка „Великорусса“. В семидесятых годах с успехом действовали типографии Стефановича, Бохановского, Дейча и др., а затем „Народной Расправы“, „Начала“, „Земли и Воли“ и др.

Произведения российских подпольных типографий легко отличались опытным глазом по большому количеству типографских промахов. На одном процессе 1874 г. эксперт-типограф по поводу пред'явленного ему воззвания, заявил, что весь набор сделан людьми совершенно неопытными в типографском деле, что доказывается „во-первых, не одинаковой разбивкой слов; во-вторых, неравномерными абзацами; в-третьих, употреблением во многих случаях вместо тире дефисов или знаков равенства, в четвертых, наконец, переносами, сделанными либо совершенно без дефисов, либо с дефисами не на своем месте. ...И, наконец, перепутанность шрифтов также свидетельствует о полной неопытности работавших и распорядившихся“. С девяностых годов снова повторяются попытки оборудования типографий, снова повторяются провалы и не произведения подпольного русского типографского станка служат главным орудием революционной борьбы.

Что касается заграничной прессы, то ее произведения печатаются обычно мелким шрифтом на тонкой бумаге. На одной странице, напр., „Искры“ вмещалось свыше 25.000 печатных знаков. Таким образом ее обычные 6—8 страниц давали 4—5 печатных листов иных шрифтов и форматов, между тем номер можно было сложить в-четверо и отправить по почте в конверте, не навлекая особых подозрений. Разумеется, этой убористой печатью и легкостью бумаги облегчалась

также массовая транспортировка. Печатались заграничные издания очень тщательно, четко, без опечаток.

В середине 1890-х годов (отдельные ласточки были и раньше) появляется поток марксистской литературы (Н. Бельтов, П. Струве, М. Туган-Барановский, В. Ильин, журналы „Новое Слово“, „Жизнь“) 1905 г. дал пышный расцвет политической литературы, а последующее время явилось эпохой вообще кульминационного развития русского книжного дела в техническом отношении.

Все технические усовершенствования, которые вводились в Западной Европе, проникали постепенно и в русскую типографию, так что русская книга пережила упадок гравюры и ручного книгопечатания и замену их механическими способами украшения и размножения. С 30—40 гг. книга становится определенно изящнее: совершенствуются шрифты, линии которых становятся более тонкими, исчезает наконец т из трех палочек, увеличивается количество иллюстраций, начинающих заполнять многие страницы книг,¹⁾ а не только ее титульный лист или отдельный лист перед текстом.²⁾ Растет и вообще количество иллюстрированных изданий. Бумага становится тоньше, светлее. Однако во второй половине столетия книжка становится менее нарядной, более однообразной.

Относительно роста книг за XIX в. можно судить по следующим данным:

1825 г.	напечатано	588 сочинения (из них русских 323, иностр. 260).
1855 „	„	1020 томов
1864 „	„	1886
1880 „	„	около 3500
1890 „	„	8638, из них 2376 иностр.
1894 „	„	10651 „ „ 2569 „

Если в первую половину XIX в. количество изданных книг увеличивается приблизительно в 2^{1/2} раза (в 1800 г. можно считать по средней Павловского времени 233 книги), то за вторую половину оно возрастает более чем в 10 раз: в этом факте нет ничего удивительного, если обратить внимание на связь между книжной производительностью и социально-экономическими процессами, отмеченными выше.

Изменился разумеется и характер книг: вместе с изменяющейся социально-экономической обстановкой изменяются, конечно, вкусы и запросы читателей. Об этом можно судить, проанализировав статистические данные, характеризующие распределение книжной производи-

¹⁾ См. статьи А. Сидорова—«Очерки по истории русской иллюстрации» (Печать и Революция, 1922, № 1 и сл.).

²⁾ Изящные украшения той эпохи иногда воспроизводятся в современных изданиях.

тельности по отделам. Мы имеем такие данные в статье Н. М. Лисовского (в Энциклопедическом Словаре Брокгауза-Ефрона, старое издание, 54 полутом, слово „Книжное дело). Н. М. Лисовский приводит в процентах распределение книг по отделам за весь XVIII в. (общее количество книг за это время исчисляется—с 1728 г. по 1800 г.—в 8930 сочинений и за 1890—1894 года:

	XVIII в.	1890—1894 г.г.	
Богословие	10,96%	13,13	+ 2,44
Философия	4,08	0,63	— 3,45
Педагогика	0,74	1,71	+ 0,97
Правоведение	5,20	3,44	— 1,76
Политич. науки (статистика, политич. экон., диплом).	2,50	4,88	+ 2,38
История (русск. и всеобщ).	8,70	6,29	— 2,41
Географ. и путеш.	6,85	1,34	— 5,51
Математика	2,82	1,46	— 1,36
Военные и морские науки.	2,30	2,10	— 0,20
Естествознание	—	2,71	—
Медицина	4,40	7,65	+ 3,25
Сельск. хоз. и домоводство	2,23	2,90	+ 0,67
Технология	1,23	2,56	+ 0,35
Художествен.	1,06	0,97	— 0,09
Языкознание	0,07	0,92	+ 0,25
Теория и история словесности	1,77	1,64	— 0,87
Произведения словесности	37,00	12,19	— 24,81
Издания для детей	1,51	3,16	+ 1,65
Смесь, гимнастич. и игры	1,16	7,52	+ 6,36
Справочн. издания	0,62	9,13	+ 8,51
Издания для народа.	—	5,22	—
Учебники.	3,89	8,43	+ 4,54

Ряд понижений количества книг, отмечаемых в конце XIX в., объясняется появлением специальных и общих журналов, трактующих те вопросы, которым в XVIII в. посвящались отдельные книги: несомненно, таким образом нужно объяснить понижение количества книг по вопросам правоведения, истории, географии, математики и особенно произведений словесности. Зато чрезвычайно характерными являются повышение количества книг по педагогике, детских книг и учебников, (в общем на 7,16%), справочных изданий. Рост педагогической литературы, характеризует увеличивающуюся заботу о подрастающих поколениях, которым больше нужно учиться, чтобы держаться в жизненной борьбе. Справочные издания характеризуют интенсификацию общественного труда. В XIX в. появляется новая рубрика „издания для народа“, отсутствовавшие в XVIII в.

Однако относительно, так называемых, народных изданий не следует заблуждаться. Почти в течение всего XIX в. монополия снабжения народа принадлежала, нескольким известным *лубочным, подворотным*

издателям, (их книжные выставки обычно устраивались под воротами) в бесчисленном множестве выпускавшим свои *лубочные* издания. Центрами их предприятий были Ильинка и Никольская в Москве, Апраксин двор в Петербурге. Отсюда в миллионах экземпляров коробейники разносили по всем градам и весям свой ядовитый товар. Что же это были за книги?

Это сплошь бесграмотно написанные книги духовно-религиозного содержания, к которым затем прибавляются романы приключений, сдобренные пернографией, или подделки под народную сказку. Успех книги держался на ее дешевизне (2—5 коп.), эффектной заглавии и яркой картинке, украшающей обложку, а также на фантастическом, далеком от жизни содержании. Иногда эффектное заглавие не имело ничего общего с содержанием. Некоторые из лубочных изданий упорно не сходили с рынка в течение нескольких десятилетий, выдерживая десятки изданий; таковы: Английский милорд (выдержавший чуть-ли не тысячу изданий), Битва русских с кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа; История о храбром рыцаре Францыле Венециане; Гуак или непреборимая верность и т. п.

С 50—60 г. начинается, сначала довольно безуспешная, борьба русской интеллигенции с лубочной литературой. В шестидесятых годах возникают в разных городах общества грамотности, в 70-х—комиссии по устройству народных чтений, которые занимаются специальным издательством для народа. Самое лучшее, что им удается издать, были произведения классиков; другие книги (научно-популярные) обычно были неудачны по языку, напоминая сухой, скучный и непонятный учебник, дороги по цене и не доходили в подавляющем большинстве случаев до сельского читателя, ограничиваясь пределами города. Разумеется, эти издания подвергались особо строгой цензуре и вопросы общественного характера (кроме изображения судеб России в самые отдаленные эпохи) не допускались. Такой же характер носили, за редкими исключениями, издания для народа, предпринимавшиеся частными лицами. В результате царство *лубка* стояло прочно. Поколеблено было положение *подворотных* издательств книгами „Посредника“, начавшим свою деятельность в 1885 г.

„Посредник“ выпустил ряд книжек, написанных прекрасным простым литературным языком (между прочим сказки Л. Н. Толстого) и связавшись с фирмой П. Д. Сытина, следовательно, опираясь на выработанный аппарат московского книготорговца и издателя, получил возможность продвинуть в народ, в деревню грамотную, опрятную, художественно иллюстрированную книгу. Издательство сознательно воздерживалось от печатания научно-популярных книг, ограничиваясь

беллетристикой, проникнутой моралью непротивления, в полном соответствии с известными настроениями 80-х годов.

Все же „Посредник“ заставил лубочников несколько подтянуться, несколько улучшить внешность своих изданий, хотя по существу они оставались попрежнему бесграмотными и вредными¹⁾ Сильный толчок к развитию народного книгоиздательства дали события 1905 г., вызвавшие на свет несколько издательств, (Молот, Буревестник, Труд, Донская Речь и т. п.), стремившихся удовлетворить запросы нового читателя и использовать относительное освобождение печати в результате революционного движения. Издательства существовали недолго. Проблема снабжения рабочих и крестьян хорошей и доступной книгой туго поддавалась решению. Реакция убила свободное народное издательство. Официальный список книг и брошюр, подвергшихся конфискации, с каждым годом становился все более об'емистым (в 1908 г. это была книга мелкой печати в 104 страницы, в 1909 г. в 134 стр., в 1910—156 стр., за 1911—223 стр., из них 183 стр. заняты книгами и брошюрами, а 40—периодическими изданиями).

„Неудержимый рост конфискаций книг и брошюр, санкционированных судебными установлениями, может быть наглядно представлен следующей таблицей:²⁾

Годы	Число конфискованных книг и брошюр
К 1 января 1906	167
„ 1 „ 1908	577
„ 1 „ 1909	1.023
„ 1 „ 1910	1.280
„ 1 „ 1911	1.507
„ 1 „ 1912	1.821

Надо принять во внимание, что судебное преследование уже вышедшей книги, являлось не единственным средством, которым располагало царское правительство для удушения народной печати, чтобы понять быстрое исчезновение ряда издательств, обогативших русскую литературу многими оригинальными и переводными произведениями по вопросам общественности, социализма, рабочего движения и т. п.

Возвращаясь к анализу таблицы Н. М. Лисовского, необходимо отметить, что количество названий по отделу богословия соперничает с количеством произведений изящной словесности. Рост богословской

¹⁾ См. Е. Некрасова—Народные книги для членов в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Изд. Вятского товарищества. Вятка, 1902. Стр. 81.

²⁾ См. Владимир Розенберг—Летопись русской печати (1907—1914 г.г.) М. 1914 стр. 61.

литературы характеризует повышение усилий, необходимых для церкви в ее борьбе за существование; значительную часть книг богословского характера составляют церковные книги, официальные издания, так называемая, лубочная литература (жития святых и т. п.).

Падение количества беллетристических книг, переход беллетристики в толстые журналы все же до известной степени характеризует рост производственного значения книги. В XVIII ст. беллетристика составляла более 1/3 всех книг (37%) в 1890—94 г., только 12,19%, ясно, что книга в конце XIX в. в меньшей мере „развлекает“ и „занимает“, чем в XVIII в.; книга научная, книга пособие более частое явление, чем прежде.

Русская книга с ее ростом количественным и качественным привлекает к себе все большее внимание. Появляются библиографические журналы (первый „Улей“ относится к 1811—12 г.). „Библиограф“, „Книжный Вестник“, „Библиографические Известия“, Русский библиофил“). Увеличивается количество роскошных изданий. Особенно большое внимание внешность книги привлекает уже в XX стол. Устраиваются выставки книжного и типографского дела. Первая выставка была устроена в 1895 г., затем с 1908 г. ежегодно управление по делам печати устраивает выставки всех зарегистрированных изданий. В 1912 г. с большим успехом прошла выставка русской графики. Управление по делам печати регистрирует все вновь выходящие русские книги и публикует их списки в „Книжной Летописи“.

В 1908 зарегистрировано	23.852
„ 1909 „	26.638
„ 1910 „	29.057
„ 1911 „	32.361
„ 1912 „	34.630
„ 1913 „	34.006

1912 г. является годом максимальной книжной производительности.

КНИГА В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

РАГАН войны и последовавших осложнений экономического и политического характера, вспыхнувшая гражданская война нанесли тяжелый удар книге и не только в России, а во всем мире.

Вот данные, характеризующие влияние войны во всех странах; эти данные ярко характеризуют разрушительные действия войны¹⁾.

	Англия	Франция	Германия	Россия	Соед. Штаты
1913 г.	12.379	10.758	35.078	34.006	12.230
1914 г.	11.537	8.511	—	32.338	12.010
1915 г.	10.665	3.897	—	26.044	9.733
1916 г.	9.149	4.786	—	18.174	10.445
1917 г.	8.131	4.802	—	13.144	10.060
1918 г.	7.716	4.282	14.743	4.257	9.237
1919 г.	8.622	5.171	—	6.798	8.594
1920 г.	11.004	6.315	32.345	3.260	8.329
1921 г.	11.026	—	—	4.529	—

Уже с 1914 г. война дает себя чувствовать в понижении книжной производительности, которое с каждым годом становится все более заметным, доходя в России до 8-й доли до-военной производительности (в 1918 г.), а в других странах до половины и менее. Только в 1919-м г. книжная производительность начинает подыматься, но, по имеющимся данным, даже и в 1921 г. не достигла до-военного уровня. Поразительную энергию и живучесть проявляет Германия, поднимавшая свою книжную производительность с 14.743 названий книг в 1918 г. до 32.345 в 1920 г.

О характере книжного дела в Западной Европе в последние годы приходит мало более или менее обобщенных сведений. Вот некоторые наблюдения, относящиеся к Франции и Германии. „Французские книги очень хорошо изданы и очень дороги. Point d'honneur (чувство чести) хорошего ремесла, характерный для французского рабочего, характерен

¹⁾ Данные заимствованы отчасти из ст. И. Львовича „Книжное дело на Западе“ (Печать и революция 1921, № 3) отчасти из журнала „Русская книга“; относительно России из ст. Яницкого в „Печати и Революции“ 1922, № 1 и № 7.

также для ученого автора, издателя, наборщика и переплетчика. Зато книга мало доступна. Она отодвинулась от читателя. Цена ее в общем поднялась в 5—10 раз. Шести-восьмитомные, изящные издания стоят 600—800 франков. Если попадаются недорогие, изящные книги—таких вышло несколько по истории искусства,—это подарок публике мецената или кружка, в память о дорогом человеке или произведении искусства, погибшем на войне. Все эти черты—полная противоположность особенностям нынешней немецкой книге, которая очень (относительно) дешева, помирившись с плохой бумагой, посредственной печатью... За книжку, которая стоит в Париже 20 фр., в Берлине платят 20 марок—т. е. в 15 раз меньше. Таким образом, она ближе к читателю, и это—естественное и положительное следствие демократизации научной культуры, вопреки тяжким условиям быта¹⁾

Нужно ли говорить, что военная литература всех воевавших стран была пропитана ядом шовинизма, ненависти к врагам, националистического самомнения, всеми теми отвратительными чертами, которые порождаются воинствующим империализмом и служат ему. Эти черты не изжиты еще и в настоящее время—особенно во Франции, в противоположность которой Германия в значительной степени являет картину тяжкого отрезвления.

Поскольку приходилось видеть после-военную английскую книгу (преимущественно учебного характера), она по своей внешности и цене мало отличается от довоенной.

В России война и революция нанесли тяжкий удар книжному делу. Как видно из вышеприведенной таблицы, уже в 1916 г. книжная производительность только немного превышала половину книжной производительности до-военного времени. В дальнейшем эта производительность продолжала падать, достигнув минимальной цифры (3260 названий) в 1920 г. Страна переживает книжный, бумажный голод. Падает вообще полиграфическая промышленность²⁾. На русское книгоиздательство в до-военное время „работало 1000 типографий с 80 000 рабочих, из которых свыше 25.000 наборщиков, набиравших каждый по 10—12 тысяч букв в день. Для снабжения этих типографий бумагой работало 300 бумажных фабрик с 42.500 рабочих, вырабатывавших в год до 22—25 миллионов пудов бумаги, да еще из за-границы ввозилось

¹⁾ О. Доблаш-Рождественская, Впечатления академического Парижа. *Анналы* т. II, стр. 31. Петербург. 1923.

²⁾ Сведения об этом см. Государственное Издательство. Отчет о деятельности за 1-е декабря 1920 г. Гос. Изд. Москва. 1920. Стр. 56 и С. Арбузов. Положение русской полиграфической промышленности Гос. Изд. Москва 1921. Стр. 262+2 неопубликован. Изд. Всероссбюро Производственной пропаганды при В.Ц.С.П.С. Этих книг, к сожалению, в Харькове отыскать не удалось. Мы пользовались изложением в „Библиографических листах“ № 1 за 1922 г. стр., 15—16.

8--12 милл. пудов. Большая часть этой бумаги шла на газеты, журналы и книги.

„После Октябрьской революции, в 1918 г., когда от центра была отрезана Украина, Урал, Кавказ, Сибирь и Туркестан, в 31 губернии Европейской России был произведен учет полиграфического производства, и оказалось всего около 600 типографий (из которых половина в Москве и Петрограде и половина во всей остальной России) с 40.000 рабочих, 212 бумажных фабрик (из которых работало полным ходом 52, на одну четверть 85 и бесдействовало 75) с 22.000 рабочих. За отсутствием хлопка, древесины, сеток, бумаги производилось мало, из за-границы ее совсем не получалось, и печатники разбрелись по провинции.

„В 1921 г. во всей России с окраинами было всего около 40.000 печатников, из которых треть—наборщики, набирающие 4—7 тысяч букв в день вместо 10—12 тысяч до-военного времени... Бумаги в 1921 г. выработывалось около 300 000 пудов в месяц, $\frac{1}{8}$ до-военной выработки“.

Частные издательства не могли преодолеть всех стоявших на их пути затруднений; нарушение правильности сбыта, резких скачков заработной платы, недостатка в бумаге, которая, естественно, национализировалась, употреблялась главным образом на нужды государственного издательства и лишь в небольших долях распределялась между общественными (кооперативными, профессиональными) организациями и частными лицами. Степень необходимости предполагаемого издания строго взвешивалась и, разумеется, в первую очередь печатались боевые книги и брошюры, вызывавшиеся требованиями момента. Все же некоторым издательствам удалось продержаться и в это тяжелое время (напр. М. и С. Сабашниковых в Москве). Что касается книжной торговли, то она очень быстро была национализирована, частная торговля книгами, процветавшая на уцелевших рынках, официально, за немногими исключениями, не допускалась. Правительство колебалось между политикой распределения книг и политикой их свободной продажи.

Государственная издательская деятельность не могла наладиться сразу. Каждое ведомство первоначально вело свою политику, печатая наряду с необходимыми материалами множество отчетов, протоколов заседаний, докладов и т. п.

Энергичную деятельность развивает с начала 1918 года Литературно-Издательский Отдел Наркомпроса, который выпускает русских классиков, переводы западно-европейских писателей.

В связи с тяжелым положением бумажно-типографского дела внешность книги становится чрезвычайно плохой: плохое качество

бумаги, плохая прошивка или ее отсутствие, неправильная фальцовка, небрежная печать; книга имеет вид обтрепанной и производит впечатление создания рассчитанного на очень непродолжительное существование, это не „сокровище на всегда“.

Тем более поразительно появление в это время шедевров типографского дела. „В самом начале революции вышла книга, которую по типографскому совершенству можно, пожалуй, смело счесть лучшей из изданных до тех пор в России иллюстрированных книг. Мы имеем в виду „Книгу Маркизы“ Сомова (на французском языке), где лучший из современных рисовальщиков, действительно, превзошел самого себя“¹⁾. На ряду с этим нельзя не упомянуть прекрасно изданных „Алконостом“ „Двенадцати“ А. Блока (Петербург, 1918 г.) с иллюстрациями Ю. Анненкова. На характере иллюстраций отражается „разруха“ типографского дела: пришлось отказаться от автотипии, превращавшей рисунок на плохой бумаге в бесформенное пятно, и обратиться к более простой линейной передаче²⁾. Несмотря на это вызываемое необходимостью упрощение графического искусства, сила и яркость выражения художественной мысли в книжных украшениях и иллюстрациях были иногда поразительны.

„Необходимость урегулирования всех вопросов, связанных с печатью в Республике, а также устранения конкуренции между крупнейшими Советским издательствами и приведения в норму угрожающего роста „ведомственной литературы“ приводит к созданию единого „государственного издательства Республики“ (декрет В. Ц. И. К. от 20 мая 1919 года³⁾).

Страница из книги А. Глобы „Уот Тайлер“.

¹⁾ См. А. Сидоров. Русская графика в годы революции (Печать и революция № 7—1922 г. стр. 113); до Харькова книга Сомова не дошла.

²⁾ См. А. Сидоров, там-же, стр. 108.

³⁾ См. М. Щелкунов. Законодательство о печати за пять лет (Печать и Революция № 7).

1921 г. оказался поворотным в истории русского книгопечатания последних лет. Падавшая до тех пор кривая книжной производительности начинает подниматься: в 1920 было напечатано 3260 названий книг, в 1921—4529, а в 1922, по приблизительным и преуменьшенным подсчетам,¹⁾ превышает 8.000. Кроме этого, изменился характер издаваемых книг. Преобладающий объем книги в 1920 г. не превышал 16—32 стр., т. е. 1—2 листов, это—„брошюра“. Если в 1920 г. количество таких брошюр составляло 55,9⁰ всей массы выпущенных книг то в 1921 г. оно падает до 47,4⁰; процент книг, объем которых колеблется между двумя и 10 листами в 1920 был 35,6, а в 1922—41,7; еще более крупные книги в 1920 г. составляли 8,5⁰, а в 1922 г.—10,9⁰.

Таким образом, „брошюра“, характеризующая начальный период революции, отражавшая одновременно техническую невозможность создавать большие книги и необходимость быстро откликнуться на калейдоскопически меняющиеся запросы исторического дня, с переходом на мирное положение постепенно отступает и замещается толстой книгой.

Дальнейшей особенностью последних лет является рост частных издательств и развитие их деятельности: в 1921 г. они выпустили 145 названий книг (3,5⁰ общей массы названий), а в 1922 г.—514=19,7⁰. Характерно, что государственное издательство и частные издательства выпускают преимущественно книги среднего размера (2—10 листов) и крупного (свыше 10 листов), тогда как партийные и ведомственные издательства и в 1922 г. продолжают печатать преимущественно „брошюры“.

Книгоиздательства сосредоточиваются главным образом в Москве и Петрограде; здесь в 1921 г. было напечатано 49,7⁰ всех вышедших книг, а в 1922 еще более—74,3⁰; „пока провинция и вообще окраины могли печатать ведомственную литературу, они печатали и печатают довольно большие книги („Книжная Летопись“ 1921 года полна отчетами, протоколами, материалами, инструкциями и тому подобн. провинциальными изданиями). С переходом на хозяйственный расчет при новой экономической политике повсюду, за исключением столиц, сильно сократилось печатание этих изданий“ (Н. Яницкий). Отличаются столицы от провинции и размерами отдельных книг: брошюрная литература до сих пор процветает на местах, занимая там свыше 50⁰.

Труднее характеризовать содержание всей массы выпущенных за эти годы книг. Судя по таблицам, приведенным в статье Н. Яницкого, преобладала агитационная брошюра и ведомственные материалы.

¹⁾ См. Н. Яницкий—„Некоторые итоги деятельности книжной палаты последних лет“ (Печать и Революция № 7).

„Новая Книга“ (№ 4 за 1922 г. стр. 18—19) дает сведения о работе петроградского отделения государственного издательства за 1-е полугодие истекшего года. Хотя эта работа представляет незначительную часть русской книжной производительности за соответственный период, тем не менее она кажется характерной и за отсутствием других, более показательных материалов необходимо познакомиться с этими данными. За первое полугодие 1922 г. Петроиздатом выпущено:

	Назв.	Экземпл.	Печ. листов.
Художеств. литература	20	211.000	2.829.000
Литература по обществен. вопросам	23	196.000	1.605.500
Научные книги, учебники и т. п.	51	366.850	2.930.899
Сельское хозяйство	11	60.000	536.750
Военная литература	13	23.125	190.732
Журналы	41	124.225	1.220.300
Календари, справочники, разн. издания	16	197.500	2.773.500
Искусство	3	8.000	58.000
Литература по вопросам религии	2	11.000	29.500
Критика и библиография	6	18.500	124.125
Художеств. издания	2	2.050	12.300

Петроградское отделение таким образом, главное внимание уделило научному отделу, за которым следуют отделы художественной литературы и литературы по общественным вопросам.

За последние два-три года глубоко изменилась вся обстановка книжного дела в России.

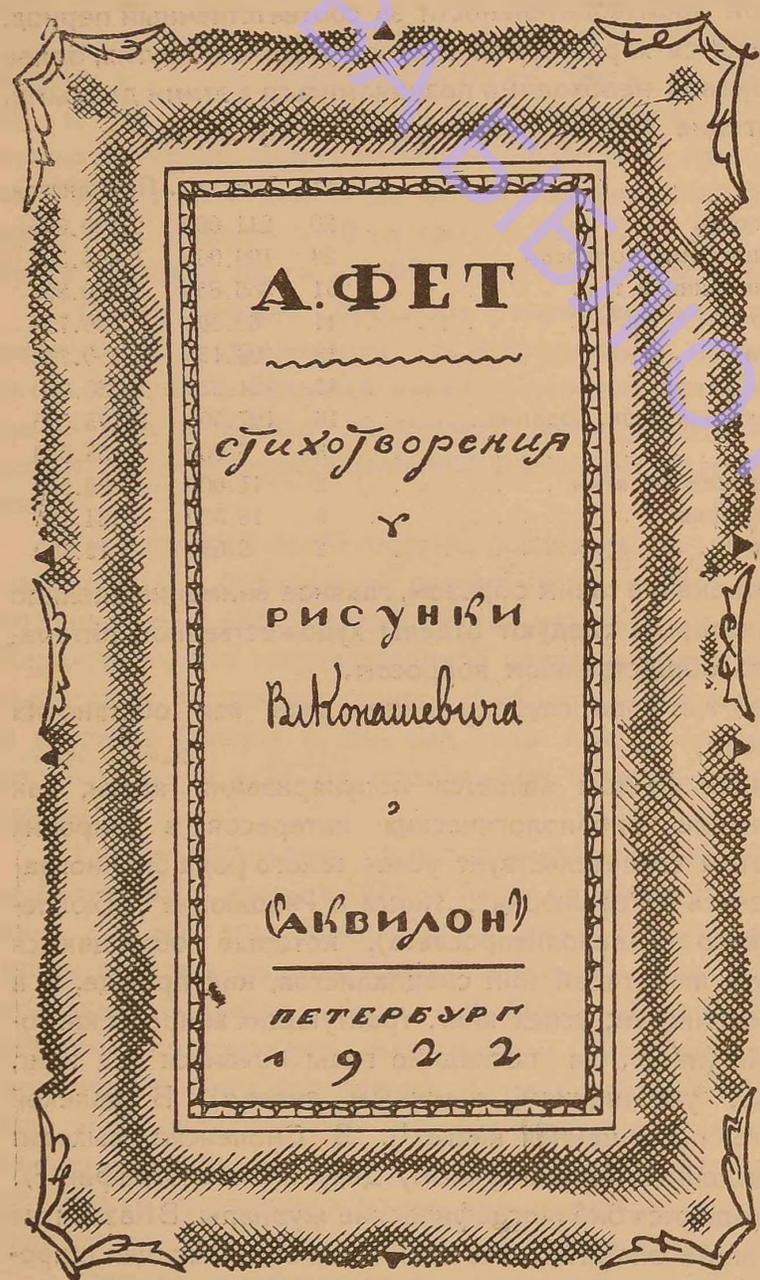
Наиболее отрадным фактом является популяризация книги, как таковой, распространение библиологических интересов в широких кругах общества; об этом свидетельствует успех такого рода библиографических изданий („Печать и Революция“, „Книга и Революция“, „Бюллетень книги“ московского Главполитпросвета), которые обращаются же не к узкому кругу любителей или специалистов, как прежде, а к широкому читательским массам; успех книг, трактующих вопросы книговедения и даже узкие (напр., за последние годы появился ряд книг, посвященных книжным украшениям, книжным знакам). В далекой Перми выходит книга, посвященная книге¹⁾. В Смоленске выходит сборник статей, посвященный библиотечному делу и библиографии²⁾. В Казани, Иркутске издаются библиографические журналы. В Казани же выходит прекрасная книга о книге³⁾, гармонически соединяющая широ-

¹⁾ Вержбицкий, Ник. *О книге*,—Лекции, читанные на библиот. курсах. Пермь 1920 г. Изд. Губ. Отд. „Центропечати“. Стр. 104.

²⁾ «Библиотека». Смоленск. 1922. Стр. 81.

³⁾ Дульский Петр,—*Книга и ее художественная внешность*. Изд. библиографического кружка «Друзей книги». 1921 г., стр. 58.

кую осведомленность о книге вообще с интересом к местной казанской книге. Значительно улучшилась за последние годы внешность книг.

ской книжной выставке 1922 г. и по отзывам в печати, произвели

¹⁾ Глоба Андрей, — Уот Тайлер, поэма. Иллюстрации М. Соломина. Гос. Изд. Петербург, 1922. Стр. 79 in 4°.

Кузьмин, М. и Воинов Всеволод — Д. И. Митрохин. Госуд. Изд. Москва 1922. Стр. 131 in 4°. Многочисленные иллюстрации.

чень сильное впечатление на заграничную публику, явившись чуть и не гвоздем выставки ¹⁾.

Все перечисленные факты говорят, что самые тяжелые дни книжного дела в России уже позади и что его ждет пышный расцвет, когда экономические условия дадут возможность населению тратить на книгу большие суммы из своих доходов.

Вместе с отмеченными переменами в издательском деле происходит перемена в книжной торговле. Национализированные книжные издательства постепенно разбираются, приводятся в порядок, частью распределяются, частью поступают в продажу. Государственное издательство организует правильную оптовую и розничную торговлю, сначала частным лицам книги отпускаются по предъявлении карточек профессиональных союзов, затем торговля принимает совершенно свободный характер. Оживает частная книжная торговля. Возобновляется торговля книгами и газетами на крупных железнодорожных станциях. В более или менее крупных центрах книжная торговля получает очень широкое развитие, тогда как захолустные, особенно уездные города оказываются совершенно лишенными книжных магазинов и отрезанными от книжных источников, а население, в том числе библиотекари, совершенно неосведомленными о книжном оживлении современности. Высокая стоимость книг делает их малодоступными уездному обитателю.

Дело регистрации всех вновь выходящих книг продолжает Российская Центральная Книжная Палата при Государственном Издательстве, являющаяся преемницей Книжной Палаты, учрежденной еще в мае 1917 года в Петрограде. 30 июня 1920 года Совет Народных Комиссаров постановил передать библиографическое дело в РСФСР. в ведение Наркомпроса и возложить на него регистрацию всех печатных произведений в России и опубликование их списков. Исполнение этого постановления в Москве при Госиздате в августе того же года учреждена Центральная Книжная Палата. Составляемые списки зарегистрированных изданий публикуются в „Книжной Летописи“, являющейся органом Палаты. „Книжная Летопись“ выходит большими опозданиями) два раза в месяц: нечетные №№ посвящены ериодическим изданиям (книги, брошюры, листовки), поступившим в предыдущий месяц, четные №№ — периодическим изданиям. Книжная палата получает 25 обязательных экземпляров всякого нового издания, в которых один она оставляет в своем архиве, остальные 24 распределяет по книгохранилищам и библиотекам РСФСР.

¹⁾ См. «Новая Книга», №№ 3 и 4 за 1922 г. Всего в русском отделе Флорентийской выставки, не считая Госиздата, „Всемирной Литературы“ и „Издательства Коммунистического Интернационала“, фигурировало 39 московских, петроградских и провинциальных изданий.

Упраздненная упомянутым постановлением Совнаркома, петроградская Книжная Палата преобразовалась в Институт Книговедения, ставящий себе научные и учебные задачи (работы по библиографии, устройство курсов книговедения, книжные выставки¹⁾). Среди научных отделов Института имеется Музей Книговедения²⁾. Он предназначен служить наглядным показателем развития книгопечатного дела и пособием для демонстрации при чтении лекций по книговедению. Уже во время его устройства в нем было много интересных предметов: „все роды репродукций в превосходных образцах, как напр., трехцветное печатание во всех фазах в отдельности; несколько оригинальных переплетов; есть большая коллекция рисунков, показывающая какую роль играет книга в жизни человека, начиная со дня его рождения и до смерти. Особенно значительно представлена статистика печати в виде больших диаграмм за несколько лет; затем большая коллекция снимков печатных машин, географические карты и т. п. Для иллюстрации теоретического бумажного голода собрано не мало газет, приказов, объявлений, напечатанных на обратной чистой стороне разных старых документов, на метрических свидетельствах, или на оберточной бумаге, на этикетках папирос и карамели, даже на облигациях. Весьма интересна также коллекция образцов различных журналов, как русских, так и иностранных, некоторые из них встречаются ныне весьма редко. Имеется много карикатур на журналистов, книгопродавцев, писателей и т. д. Любопытно, наконец, издание плакатов по поводу разных торжеств, связанных с историей нашей книги и журналистики, как напр., Первой Всероссийской Выставки печатного дела, празднование юбилея Гутенберга, двухсотлетие первых русских ведомостей и т. п.“

Имеется Музей Книг в Москве, входивший первоначально в состав Книжной Палаты на правах ее отдела, а затем переданный в ведение Румянцевского Музея⁴⁾. Сведений об этом музее в печати, кажется, не имеется.

¹⁾ Описание устроенной Петроградским Институтом Книговедения выставки печатных произведений, вышедших в 1921 г., см. сборник „Просвещение“ № 2, стр. 176—182 (Гос. изд. Петроград 1922).

²⁾ См. Библиографические листы № 1 за 1922 г. стр. 29. В основу Музея легла коллекция вещей и рисунков, собранная известным библиографом Н. М. Лисовским и немногие другие приобретения.

³⁾ Писано в декабре 1921 или январе 1922 г.

⁴⁾ См. Книжная Летопись № 9 1922 г. „Хроника Росс. Центр. Книжн. Палаты“.

КНИГА НА УКРАИНЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ.

ВОПРОС об украинской книге может рассматриваться с двух сторон, или с точки зрения проявления местной инициативы в деле общероссийской культуры или с точки зрения проявления определенного национального движения, стремления закрепить и развить своеобразную украинскую культуру, выражающуюся в разнообразных формах, особенно же в украинском слове. В крупных городах Украины в разное время возникали книгоиздательские предприятия, приобретавшие иногда общероссийскую известность (напр. Mathesis в Одессе). До 1917 г. подобные издательства совершенно сливаются с потоком общероссийского книжного движения, и о них, поэтому, не приходится говорить отдельно.

В связи с общим очерком истории книги в России уже упоминалось о первых страницах истории книги в „южной и юго-западной России“. История новой украинской книги начинается с книги И. П. Котлеревского — „Енеида на малороссійській языкъ перелиціованная“¹⁾. По своей внешности издававшиеся в Петербурге украинские книги разумеется ничем не отличаются от своих русских современниц. Что же касается существа дела, то до половины XIX в. „украинская книга не имела широкого распространения, была преимущественно беллетристического содержания и не обращала на себя правительственного внимания“²⁾. Это было интересное, но не важное явление. Некоторое брожение в украинском обществе, вызвавшее к существованию „кирилло-мефодиевское общество“ дало толчок украинской книге, она становится фактором важного культурного значения и перестает служить целям только домашнего развлечения. Появляется новый украинский писатель, проникнутый горячей любовью к своему народу, неспособный на славословие русского государственного строя, болеющий горем закре-

¹⁾ Части I—III. Спб., 1798; издание сделано небрежно, без ведома и согласия автора; лучшим и авторитетным изданием остается 3-е, вышедшее в СПб. в 1809 г. См. Новый Энциклопедический Словарь (Брокгауза и Ефрона) т. VI, 498.

²⁾ Мияковский, В. Из истории украинской книги. Журнал „Книгарь“ стр. 1819—1828.

пощенного крестьянства. Достаточно назвать Т. Г. Шевченко, первое издание Кобзаря (всего несколько стихотворений) появилось еще в 1840 г. Помимо этого появляются украинские научно-популярные книги.

Но благодаря этому же обстоятельству украинская книга привлекает к себе внимание администрации.

Еще в 1720 г. был издан указ, коим стеснялась книгоиздательская деятельность украинских монастырей (напр. Киево-печерской Лавры); украинские церковные книги должны были являться точной копией печатавшихся в Великороссии, а всякие другие книги подвергались предварительной цензуре московской духовной коллегии „дабы не могло в таких книгах никакой к церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласия произойти“. Ходатайство Киевской Лавры о разрешении печатания украинских букварей было отклонено. К началу XIX в. украинский язык был вытеснен из школьного преподавания...—Далеко зашедшая руссификация затрудняла существование украинской книги даже независимо от цензурных строгостей. Однако оживление конца 50-х и начала 60-х годов отразилось и на украинской книге. Этому оживлению был положен конец циркуляром министра внутр. дел Валуева, решительно отрицавшего самое существование украинского языка: „никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может и наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши“ (1863). Именно эта точка зрения, находившая поддержку и в кое каких представителях русской науки, была усвоена верхушками русской бюрократии. Подобная идеология естественно внушала храбрость в борьбе и устраняла внутренние сдержки при проведении недопустимых мероприятий.

Циркуляр 1863 г. по цензурному ведомству предписывал не пропускать украинских книг „духовного содержания, учебных и вообще назначенных для первоначального чтения народа“; циркуляр лишал украинца возможности учиться и даже читать евангелие на родном языке, воспроизводя изуверские постановления мрачных времен средневековья. Далее, на украинские издания не распространяется закон 1865 г. о неприсылке в предварительную цензуру произведений свыше 10 печатных листов. Естественно, украинское издательство вынуждено перенести центр тяжести с народной научно-популярной книги на беллетристику. Положение дел отягощается стеснительными мерами следующего десятилетия.

Высочайшим повелением 1876 г., „воспрещен ввоз в империю, без разрешения главного управления по делам печати, каких бы то ни было книг и брошюр на малороссийском наречии; издание в империи произведений на этом наречии также воспрещено, за исключением

исторических документов и произведений изящной словесности, при чем цензурный надзор за последними сосредоточен в главном управлении по делам печати; воспрещены сценические представления и чтения на малороссийском наречии, а равно печатание на нем текстов к музыкальным нотам“. Те немногие книги, которые разрешалось печатать, не должны были в своей орфографии отступать от русских правил. Правда, с начала 80-х годов украинские спектакли были разрешены, но главное управление по делам печати ставит своей задачей возможно большее сокращение украинской книжной производительности. На цензоров сверх их обычных обязанностей по отношению к украинским рукописям возлагаются обязанности критиков литературных произведений, при чем рекомендовалось неудачные с их точки зрения произведения не допускать к печати. В этом отношении особенно характерен секретный циркуляр 10 июня 1892 г.

„Из поступающих в Главное Управление по делам печати сведений усматривается, что в центрах с малорусским населением авторы и издатели произведений печати на малорусском наречии значительно усилили свою деятельность, и на ряду с лубочными переводами и переделками русских авторов поставляют на книжный рынок массу оригинальных произведений, при чем и эти последние, в огромном большинстве случаев, не отличаются литературными достоинствами“. Поэтому цензорам предлагалось—„с особою строгостью и вниманием рассматривать все оригинальные и переводные малорусские произведения, подвергая исключениям и запрещая при этом не только все противоречащее общим цензурным правилам, но при малейшем к тому поводе, по возможности сокращая число таких бездарных произведений в целях чисто государственных“.

В 1895 г. было подтверждено распоряжение не разрешать книг для детского чтения „хотя бы по существу содержания они и представлялись благонамеренными“.

Естественно, что при таких условиях украинское книгоиздательство развивалось очень слабо, издание некоторых украинских авторов производилось отчасти русскими фирмами, (напр., Иогансона, А. Суворин издавал „Энеиду“ И. Котляревского, „Гайдамаков“ Т. Г. Шевченко на украинском и русском языке, 1885 г., плохие иллюстрации в тексте, in-quarto), главным же образом в Галиции. В конце 1900-х годов, в Петербурге появились украинские общественные организации или отчасти („Общество имени Т. Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам южной России, учащимся в высших учебных заведениях С -Петербурга“) или всецело („Благотворительное общество издания общепользных и дешевых книг“) занимающиеся украинским

книгоиздательством. За двадцать лет своей деятельности (1898—1918 г.г.) „Благотворительное общество“ издало 80 названий разных книг—очень дешевых, небольшого размера. Общество умело обходить цензурные рогатки и издало целый ряд брошюр исторического, литературно-исторического, сельско-хозяйственного содержания. Крупной заслугой общества совместно с обществом им. Т. Г. Шевченко является полное издание „Кобзаря“ под редакцией В. Доманицкого. Это издание вызвало судебный процесс, в результате которого в Кобзаре было уничтожено несколько „огненных страниц, которые не увидели света до падения самодержавия“¹⁾. А затем и на самой Украине появился целый ряд аналогичных общественных организаций: „На этом поприще большая культурная заслуга принадлежит киевскому издательству „Вік“, выпустившему на рынок ряд ценных произведений украинской беллетристики и большое количество популярных брошюр. Далее выделяется своими изданиями киевская фирма „Український Учитель“, посвятившая свою деятельность школьной и педагогической литературе: издательство „Дзвін“ работало преимущественно в области социальной литературы; специальные задачи по обслуживанию кооперативного движения ставило себе издательство „Наша кооперація“; заслуживают упоминания киевские же издательства „Рынок“, „Криниця“, „День“; немало имеется издательских организаций и в других городах Украины“ („Український вопрос“, стр. 100). Наряду с этими издательствами существовавшие на Украине общества грамотности (Киевское, Харьковское), когда к этому открылась возможность, после 1905 года, печатают украинские народные книги. Появляются „Просвиты“, (особенно мощные в Киеве и Екатеринославе), занимающиеся наряду с другими формами культурно-просветительной деятельности также книгоиздательской. Киевская за 4 года своего существования (возникнув в 1906, была закрыта в 1910 г. столыпинской администрацией) успела выпустить 36 брошюр.

Харьков также имел свои украинские традиции, находившие свое выражение в соответственном книжном издательстве. В течение XIX в. здесь выходит целый ряд „альманахов или сборников, в которых было напечатано много украинских произведений и трудов об Украине“²⁾ Первым из таких альманахов был „Український альманах“ 1831 г. В 1833 г. вышла в двух книгах: „Утренняя звѣзда“ (здесь напечатаны украинские произведения Квитки, Гулака-Артемовского, Гребенки, Котляровского, В 1841 г. вышел „Сніп“ исключительно из украинских

¹⁾ См. характеристику деятельности общества в Книгаре за 1918 г., стр. 489 сл. (статья Білоусенко,—Північний вогник) и список изданий там-же, стр. 1327—1329.

²⁾ Багалій, Д. І., проф. Історія слободської України, Харків, 1918 р., стор. 294.

произведений. В начале 40-х годов 4 тома „Молодика“, наконец, в 1887 г. „Складка“ (среди других—Самойленко, Белиловский, Гринченко). В Харькове же в 1816—1818 г. выходит первый украинский журнал „Українській Вѣстник“.

Все же центром украинского издательства был Киев.

1917 год принес украинской книге освобождение от всех тяготивших над нею стеснений. Естественно, что силы культурного украинского движения бурно прорвались наружу и выразились в чрезвычайном росте в ширь и в глубь украинской книги. К 1918 г. можно было уже зарегистрировать 104 украинских издательства, тогда как до революции их было не больше 15¹⁾. Книгарь регистрировал только украинские издательства, очень многие русские издательства на Украине им не регистрировались. Количество украинских книг, зарегистрированных только в г. Киеве, достигло в 1917 г. 185 названий, а в 1918 г. (по материалам журнала «Книгарь») — 700. На первом месте по количеству названий стоит конечно беллетристика (в 1917 г. свыше 30 названий, а в 1918 г. — 244 названий); но в тоже время очень крупное место занимает книга—педагогическая (преимущественно учебники) и детская.

В 1917 г. школьно-педагогических книг около 20, детских свыше—23
» 1918 г.²⁾ » » » » 111, » » —65

Таким образом в 1918 г. большая половина украинских книг состоит из беллетристики (оригинальной и переводной), школьно педагогической и детской литературы. Соответствующие книги в русской литературе в XIX в. (см. выше) составляли не более 25%. Не трудно сделать заключение о той роли, которая возлагалась украинским обществом в этот исторический момент на книгу. Книга должна была стать орудием возрождения украинского народа, она прежде всего должна была обслужить широкие массы читателей, жаднее всего бросающихся на беллетристику, снабдить школу материалом для ее украинизации и дать пищу ребенку, чтобы он с самого раннего возраста впитывал в себя элементы национальной стихии. В том же направлении действовали и многочисленные книги по украинской истории. Книги, рассчитанные на массового читателя не могли быть особенно обширными по объему, чаще всего это популярные брошюры. Центром украинского книжного производства оставался Киев, обладавший старыми издательствами и большим количеством типографий (в до-военное время здесь было 45 типографий и 17 скоропечатен, выпустивших в 1913 г. 4111 различных изданий).

Здесь же создается первый украинский библиографический орган (Книгарь), ставивший своей задачей освещение вопросов украинского

¹⁾ См. «Книгарь», стр. 1009—1011.

²⁾ Книгарь, стр. 1310—1326.

книгоиздательства и безпристрастную оценку явлений украинской литературы. Книгарь объединял многих украинских писателей, лучших книговедов и библиофилов, и специалистов, дававших рецензии на разнообразные украинские книги. Журнал существовал до конца 1919 г. В нем можно найти обильный материал для ознакомления с украинской книгой вообще и в начальные годы революции в особенности.

В 1919 г. выходит другой украинский журнал «Книжний Вістник» посвященный главным образом библиотечному делу (всего вышло две книги).

Что касается внешности книги, то она в эту эпоху вызывает нарекания знатоков и ценителей, хотя над нею работают и такие выдающиеся графики, как покойный Г. Нарбут, создавший ряд обложек, алфавит с иллюстрациями для украинской азбуки и т. п. «Необычайно убогий, безнадежно серый вид являет наша современная книга своей внешностью, писал С. Ефремов (Книгарь, 1917, стр. 251—252). Серая, часто в одной и той же книге не одинаковая бумага, неясная печать сбитым шрифтом, некрасивая внешность—тряпка тряпкой—такова по большей части современная книга, некрасивая, растрепанная, грязная».

В первые годы после февральской революции, в эпоху гражданских войн, так упорно державшихся на территории Украины, в этом украинском книгоиздательстве значительное участие приняло сильно развившееся кооперативное движение. Каждая скольконибудь значительная кооперативная организация, какойнибудь районный союз, расположенный в захолустном Елисаветграде, Ахтырке и т. п. спешил обзавестись печатным органом и выпускал какиенибудь тощие брошюры. Таким образом, высокие цифры издательств не должны вводить читателя в заблуждение. Но среди худосочных частных и кооперативных издательств некоторые явились мощными книгоиздательскими предприятиями, сыгравшими крупную культурную роль. Бесспорно, на первое место в этом отношении надо поставить книгоиздательское дело, организованное «Харьковским Союзом кредитных товариществ», под названием «Союз». Едва ли мы ошибемся, если определим количество выпущенных этим издательством за трехлетний период (1918—1920) названий свыше сотни. Среди этих книг имеются такие солидные труды, как проф. А. Н. Челинцева «Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства» (1919 г., стр. 654), проф. Ф. И. Шмидта «Искусство», проф. И. А. Трахтенберга «Деньги», проф. В. П. Бузескула «Афинская демократия» и др., издательство выпустило не мало книг на украинском языке, посвященных историческим судьбам украинского народа (напр. вышецитированная книга проф. Д. И. Багалея, а также проф. О. Я. Ефименко), его искусству, обычаям, языку, словом, тем вопросам, которые были выдвинуты запросами украинского национального и культурного движения; некоторые книги выходили в двух изданиях: на русском и украинском языке. Издательство велось по очень широкой программе, охватывая общественные, в том числе и кооперативные, естественно-научные вопросы, прикладные знания (особенно сельское хозяйство), допуская углубленно-научную и популярную трактовку, беллетристику, учебники и школьные пособия, уделяя достаточное внимание вопросам местного края. Издательство не носило определенно политического характера, среди его редакторов

на ряду с одним видным марксистом фигурировали деятели, далекие от марксистских взглядов. Вследствие разнообразных затруднений внешнего характера, книги печатались на довольно плохой бумаге, но печатались четко, снабжались иллюстрациями, правда, являвшимися иногда вид грязных пятен, были тщательно сшиты и обрезаны, в общем производили очень опрятное впечатление. В условиях оторванности от всероссийских центров и отсутствия серьезной конкуренции издательство имело большой успех; некоторые книги выходили повторными изданиями.

Менее значительную издательскую деятельность развила другая харьковская кооперативная организация „Поюр“ (союз Потребительных Обществ Юга России), выпустившая ряд старых книг (К. Маркса, К. Каутского), а также и новые книги, посвященные преимущественно вопросам общественно-историческим и кооперативным. Среди 20—30 изданных названий имеется несколько книг на украинском языке. Довольно обширную издательскую деятельность развил полтавский союз п. о. исключительно украинского характера; такой же характер носило издательство екатеринославского союза, печатавшего некоторые свои издания на грубой, грязной, оберточной бумаге. Крупнейшая киевская кооперативная организация „Днепросоюз“ не успела развить значительной издательской работы, которая также намечалась на украинском языке.

В общем, первые послереволюционные годы распылили издательское дело. Украина в течение 3—4 лет испытывала книжный голод. Каждый город был предоставлен самому себе, в каждом городе кое-что печаталось, преимущественно перепечатывалось, притока свежего, нового почти не было, получение новинок из центров производило сенсацию.

Окончательное установление Советской власти на Украине (конец 1919, начало 1920 г.), сначала сокращение, а затем исчезновение военных фронтов, разумеется, определенно отразились на книжном деле. Сначала частные, а затем и кооперативные издательства прекратили свою работу. Зато началась работа Всеиздата, потом Государственного Издательства Украины.

Это издательство пережило ту же эволюцию, как и Всероссийское. Оно тяжело страдало от недостатка бумаги и вынуждено было печатать бог знает на чем, оно вынуждено было откликаться на запросы дня, поэтому не всегда могло задумываться над качеством выпускаемых изданий, как по содержанию, так и по форме, оно также ставило себе всеобъемлющие задачи, не считаясь ни с техническими средствами ни с финансовыми ресурсами, затем оно должно было перейти на „самоокупаемость“, стянуть свой аппарат к центру во избежание

вредного распыления сил (прекращение издательской деятельности губиздатов), позаботиться о правильной организации распространения и о повышении качества изданий, как с точки зрения внешности, так и с точки зрения внутреннего содержания. И все же Госиздат Украины развивал значительную деятельность: за 11 месяцев (с 31 января по 31 декабря) 1920 г. им напечатано¹⁾:

	Всех названий на русск. и укр. яз.	На украинск. яз.	
		абсол.	в %
Брошюр	334	148	44,3
Научных изданий (медиц., экономика, техника).	10	—	—
Научно-популярные (медицина, сельско-хозяйств.)	36	5	13,6
Художеств. литература	37	12	32,4
Итого	417	165	39,6

Эта табличка чрезвычайно красноречива.

Во-первых, она говорит, что брошюра (агитационная) поглощала все силы издательства: на 334 названия брошюры приходится всего 83 названия всех остальных изданий (что составляет не более 20% всего количества). К сожалению, наш источник не приводит данных о количестве напечатанных листов вообще и не указывает, что собственно он понимает под словом брошюра: во всяком случае, это мелкие, всем нам известные книжки в 1—2 листа, небрежно напечатанные на „бросовой“ бумаге, на оберточной, рассыпающиеся при первом прикосновении, массаами направлявшиеся в деревню, на фронт, на фабрику и объяснявшие в легкой форме (иногда в стихах), или, наоборот, в совсем непонятной (писалось на-спех): что такое „большевики“, „почему я стал коммунистом“, рассказывалось о поляках и границах 1772 г., о Врангеле, Махно, Советской власти и пр. Это было главное, „ударное“, естественно, что книги иного содержания откладывались до более благоприятного времени.

Во-вторых, книга на украинском языке занимает сравнительно скромное место (39,6%). Однако, можно отметить, что в книгах рассчитанных, главным образом, на массу, украинский язык применялся чаще (44,3% брошюр), а в книгах не столь массового распространения украинская книга составляет меньшую часть. Наш источник совершенно не отмечает школьно-педагогической книги, а также детской.

Иную картину являет деятельность Украинского Госиздата в 1922 г.²⁾ характеризуемая следующей таблицей:

¹⁾ См. „Голос Друку“ критико-бібліографічний часопис. Книга перша. Харьків 1921. Всеиздат, стр. 31.

²⁾ См. журнал „Книга“, стр. 23.

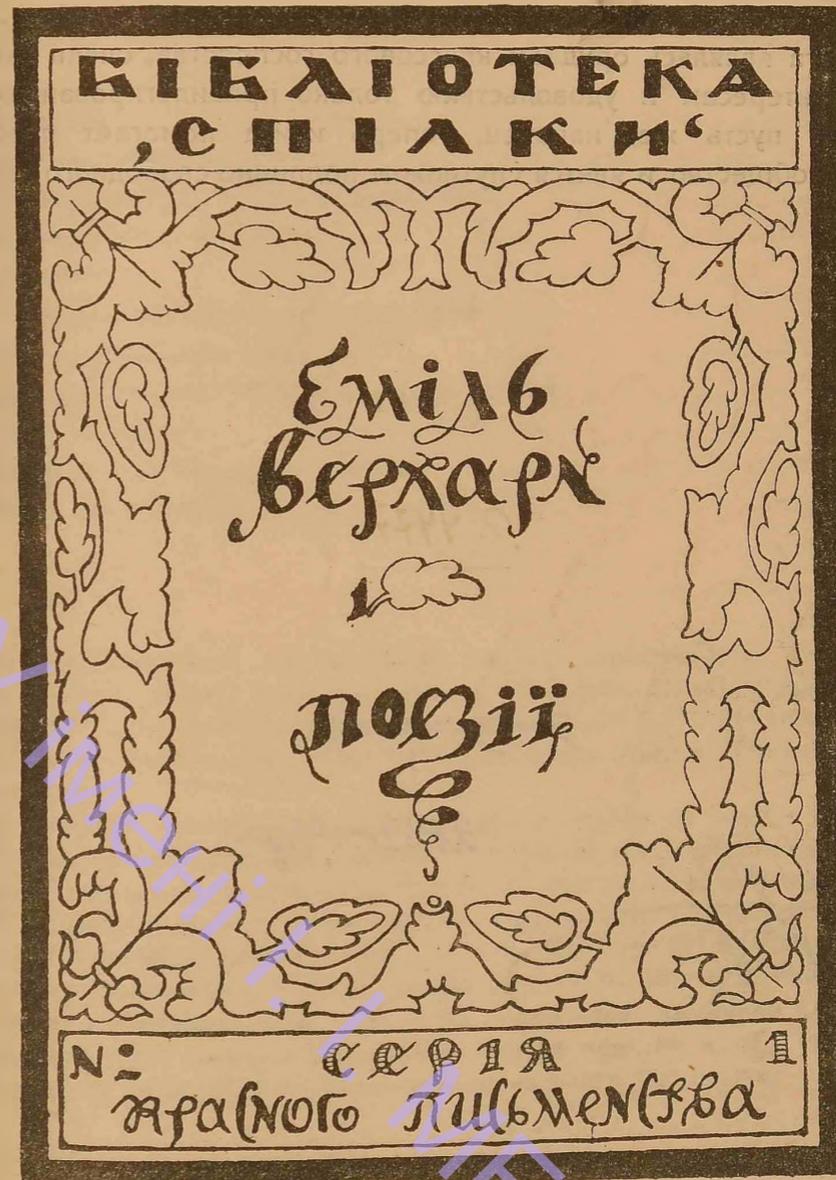
Название серий	Кол. назв.		Кол. печ. лист.		Т и р а ж		% тиража кн. на укр. яз. к общ. количеству
	Всего	Укр.	Всего	Укр.	Всего	Укр.	
Соц. экономич.	55	5	591	26,5	484,5 т.	31 т.	6,4 %
История	13	6	136	112,25	243 "	205 "	84,4 "
Сельск. хозяйство	17	15	143	116,5	154 "	148 "	97,4 "
Учебники	49	27	467	189,5	183 "	717 "	72,8 "
Естествознан. и точн. науки	42	11	228	40	336 "	212 "	63,4 "
Педагогика и психология	23	22	171	166,75	431 "	426 "	98,8 "
История литерат., беллетр. и иск.	45	21	407	178,5	274,5 "	150 "	54,7 "
Детская литерат.	26	18	52	40,75	259 "	194 "	74,9 "
Медицина и ветер.	27	2	198	9,5	117 "	4 "	3,4 "
Библиография	4	3	28	14	18 "	13 "	72,2 "
Итого	301	130	2421	893	3 м. 300 т.	2.100 т.	63,6 %

Мы видим, что общее количество названий не увеличилось, однако несомненно увеличилось количество печатных листов. Если разделить общий итог печатных листов 2421 на 301 (число названий), то получим 8, т. е. книга 1922 г. превышает в среднем восемь печатных листов; таким образом, брошюра, несомненно, пошла на убыль, почти исчезло господствующее место занимает более или менее толстая книга. Этот вывод станет еще определеннее, если мы обратимся к отдельным группам книг. Украинская историческая книга, в среднем, превышает 18 печатных листов, социально-экономическая книга, в среднем, превышает 10 листов; наиболее скромные размеры имеет детская книга (2 листа вообще и немного более 2 украинская). Не изменился процент названий украинских книг в общей массе изданных книг, за то тираж украинских книг составляет иногда 98,8%. Изменился состав книг в 1922 г.: видное место занимает педагогика, учебник, детская книга. Госиздат определенно обслуживает налаживаемое после годов войны школьное дело.

Государственное издательство не является единственным издательством Украины: помимо изданий партийных, ведомственных, в 1922 г. понемногу заявляет о своем существовании частное издательство. Повидимому, частных издательств (украинских и русских) попрежнему больше в Киеве, чем в Харькове. К сожалению, мы не обладаем решительно никакими печатными материалами, хотя бы для количественной характеристики положения книжного дела на Украине в целом.

Можно только констатировать, что внешность украинской книги, как и северной, за последнее время стала значительно лучше; это

одинаково относится, как к государственному, так и частному издательству. Уже исчезли применявшиеся прежде худшие сорта бумаги, уменьшается количество опечаток, книги украшаются более или менее изящными обложками, имеют более опрятный вид. Худшие времена для украинского книжного дела миновали.

Разнообразные дефекты современного книжного дела больше всего чувствуются трудовыми массами: для них книга становится совершенно недоступной. Когда мы в разных местах нашей книги отмечаем падение цен на книги (изобретение книгопечатания, усовершенствования в типографском деле и т. п.) то наши слова, разумеется,

нуждались в ограничении—книга дешедела, но все еще была дорога для широких народных масс; кроме того, усилия дать народу дешевую книгу не были достаточно глубокими и напряженными, во всяком случае, из огромных книжных богатств на долю народа выпадали жалкие крохи. Наше время должно знать в области книжного дела главнейшую задачу: дать в руки народа книгу, приблизить ее к народу, сделать книгу подлинным орудием борьбы за лучшее будущее. Очень долго книга являлась орудием классового господства, очень долго она служила интересам и удовольствию только привилегированных слоев населения, пусть же, наконец, теперь книга помогает преодолеть классовое общество и явится спутником подлинно свободного человека.

Р. 4477

~~И. 220948~~

~~2182 19~~

~~290
3/58~~

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	3
Зачатки письменности	6
Письменность в Ассирио-Вавилонии	10
Письменность в Египте	14
Алфавит	24
Книга в древней Греции и Риме	25
Книга в средние века	39
Книгопечатание. Книга в новое время	57
Книга в России	77
Книга в послевоенное время	110
Книга на Украине в новое время	119

Инициальные буквы до некоторой степени характеризуют современную и близкую нашему времени книжную графику. Они принадлежат художникам: Видбергу (стр. 3), Чехонину (стр. 6), Добужинскому (стр. 10 и 57), Левитскому (стр. 14), Артуру Сбогрену (Швеция, стр. 39), Джемсу Вильямсу (Англия, стр. 110) и Г. Нарбуту (стр. 119).

Иллюстрации заимствованы из книг: Шурца (стр. 8), из нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона (стр. 11 и 15), из путеводителя (A. Guide...) по египетскому отделению Британского Музея (стр. 16 и 20), из сборника Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина «Древний мир» (стр. 19), из книжки И. Г. Франк-Каменецкого — «Памятники Египетской религии» (стр. 18), Брэстеда (стр. 21), Шубарта (иллюстрации к главе об античной книге), из Кларка (стр. 42, 54, 56), остальные иллюстрации к отделу о средневековой книге—из книги под заглавием La Bibliothèque Nationale, Paris 1907; из книги Мейснера и Лютера (стр. 59 и 62); иллюстрации к ранней истории русской книги заимствованы из книги Либровича.

МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА